Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Егоров Андрей Николаевич

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЛИЦ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
Грачева Юлия Викторовна

Москва – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЛИЦ В ПРЕСТУПЛЕНИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НАУКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 15

§ 1. Генезис уголовно-правовых норм об отдельных видах множественности лиц в преступлении 15

§ 2. Становление и развитие теории множественности лиц в преступлении в науке уголовного права 42

Глава II. ВИДЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ЛИЦ В ПРЕСТУПЛЕНИИ 82

§ 1. Понятие и виды множественности лиц в преступлении в современной науке уголовного права 82

§ 2. Виды множественности лиц в преступлении, отраженные в Уголовном кодексе РФ 104

§ 3. Виды множественности лиц в преступлении, не нашедшие отражения в современном уголовном законодательстве 129

Глава III. УЧАСТИЕ НЕСКОЛЬКИХ ЛИЦ В ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НЕ ОБРАЗУЮЩЕЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ЛИЦ В ПРЕСТУПЛЕНИИ 163

§ 1. Множественность лиц в преступлении и прикосновенность к преступлению 163

§ 2. Отграничение множественности лиц в преступлении от иных смежных уголовно-правовых явлений 175

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 191

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 197

ПРИЛОЖЕНИЯ 221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что множественность лиц в преступлении в уголовно-правовой науке за несколько веков не получила единого теоретического осмысления несмотря на то, что вопросы стечения нескольких лиц в одном деянии начали активно исследоваться с первой половины XIX в. На протяжении этого времени предпринимались попытки определить и классифицировать различные виды совместной преступной деятельности. Однако к моменту принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) так и не сложилось конвенционального понимания многих аспектов указанной проблемы, в связи с чем современное уголовное законодательство не содержит ни понятия, ни всех видов множественности лиц в преступлении. Детальной регламентации подверглось лишь соучастие, которому посвящена гл. 7 УК РФ.

На протяжении практически двух столетий не решены многие теоретические вопросы неосторожного сопричинения как вида множественности лиц в преступлении, не выделены юридически значимые признаки, не определены возможные формы проявления. Кроме того, нет единого мнения о необходимости самостоятельной регламентации ответственности неосторожных сопричинителей, что ставит правоприменителя в затруднительное положение при юридической оценке преступлений, в которых тяжкие последствия наступают вследствие неосторожных действий нескольких лиц. Судебная практика вынуждена идти по пути квалификации содеянного как самостоятельных преступлений, совершенных разными субъектами. Подобный подход не только усложняет процесс доказывания, но и, что более важно, делает невозможным в полной мере индивидуализировать наказание, не позволяет всесторонне оценить и сопоставить реальный вклад каждого участника в наступление единых общественно опасных последствий.

Одной из значимых дискуссионных проблем в уголовном праве является оценка совместного совершения преступления несколькими лицами, лишь одно из которых обладает признаками субъекта. Такой вид множественности участников преступной деятельности до настоящего времени в теории уголовного права не выделяется, а вопрос о его отнесении к институту соучастия не находит

однозначного ответа. Доктринальная неопределенность относительно вида множественности лиц отражается на единообразии в квалификации преступления, совершенного такими лицами: в одних случаях суды вменяют лицу, обладающему признаками субъекта, квалифицирующий признак «совершение группой лиц, группой лиц по предварительному сговору»; в других принимают противоположную позицию, оценивая его действия как единолично совершенные, фактически оставляя без внимания повышенную опасность таких действий, которая сопоставима с соучастием.

Правоприменительная практика испытывает сложности при применении так называемых специальных норм о соучастии, которые обусловлены неопределенностью в их правовой природе, о чем свидетельствует постоянное обращение Пленума Верховного Суда Российской Федерации к разъяснению соответствующих уголовно-правовых норм.

Сложившаяся ситуация ставит перед наукой задачу по разработке учения о множественности лиц в преступлении, охватывающего все виды фактического стечения в нем двух или более лиц, которое способно стать теоретическим фундаментом для последующего совершенствования уголовного законодательства.

Изложенное подтверждает актуальность темы исследования и ее практическую значимость.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Основы учения о стечении нескольких лиц в одном преступлении и его различных видах закладывались еще в трудах отечественных правоведов XIX – начала XX в. К числу криминалистов, внесших значительный вклад в исследование множественности лиц в преступлении или некоторых его видов в дореволюционный период развития науки, следует отнести О.И. Горегляда, В.В. Есипова, А.С. Жиряева, А.Ф. Кистяковского, Г.Е. Колоколова, С.П. Мокринского, А.А. Пионтковского (ст.), П.П. Пусторослева, Г.И. Солнцева, В.Д. Спасовича, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого и др.

В советский период вопросами соучастия, неосторожного сопричинения и иных видов множественности лиц в преступлении занимались Ф.Г. Бурчак,

В.А. Григорьев, П.И. Гришаев, В.Е. Квашис, М.И. Ковалев, А.П. Козлов, Г.А. Кригер, В.Н. Кудрявцев, И.П. Малахов, А.А. Пионтковский (мл.), А.Н. Трайнин, П.Ф. Тельнов, И.Р. Харитонова, М.Д. Шаргородский и др. Особое место в развитии указанного учения занимает работа Р.Р. Галиакбарова, предложившего рассматривать множественность участников одного преступления в качестве составного элемента института множественности.

На современном этапе множественность лиц в преступлении исследуют Ю.А. Клименко и Д.М. Молчанов. Один из самых распространенных видов множественности лиц в преступлении – соучастие, рассматривался в работах А.А. Арутюнова, С.А. Балеева, Е.В. Благова, Л.Д. Ермаковой, Н.Г. Иванова, А.Г. Калмыковой, Р.Г. Калуцких, В.П. Карлова, Н.П. Печникова, А.И. Плотникова, Ю.Е. Пудовочкина, Р.С. Рыжова, А.В. Шеслера, П.С. Яни и др. Отдельные вопросы, связанные с формами соучастия, освещались А.Р. Зайнутдиновой, О.А. Зубаловой, В.П. Карловым, А.Н. Мондохоновым, В.А. Поповым, А.Г. Хлебушкиным, Т.А. Хмелевской и др. Неосторожное сопричинение исследовалось Д.А. Безбородовым, А.В. Курсаевым, Д.А. Мелешко, В.А. Нерсесяном, А.Р. Салимгареевой, И.М. Тяжковой. Иные виды множественности лиц в преступлении, а также смежные проблемы анализировались А.А. Васильевым, Е.О. Волотовой, М.А. Дворжицкой, А.В. Зарубиным, В.А. Очередько и др.

Комплексное монографическое исследование множественности лиц в преступлении на сегодняшний день в России отсутствует.

Целями исследования являются разработка и обоснование совокупности теоретических положений, составляющих концепцию множественности лиц в преступлении, содержащую понятие, признаки, виды и правила квалификации действий стечения нескольких лиц в одном преступлении, и на ее основе разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Для достижения указанных целей необходимо решить следующие **задачи:**

– исследовать генезис правовых норм отечественного уголовного законодательства, регулирующих отдельные виды множественности лиц в преступлении;

– на основе анализа теоретических источников дореволюционного и советского периодов выявить тенденции развития учения о множественности лиц в преступлении;

– определить понятие и виды множественности лиц в преступлении в доктрине уголовного права на современном этапе развития уголовно-правовой науки;

– рассмотреть уголовно-правовую природу видов множественности лиц в преступлении, закрепленных в УК РФ;

– исследовать виды множественности лиц в преступлении, не нашедшие отражения в современном уголовном законодательстве;

– провести отграничение множественности лиц в преступлении от прикосновенности к преступлению и иных схожих уголовно-правовых явлений;

– разработать предложения по совершенствованию норм Общей и Особенной частей УК РФ, основанные на теоретических выводах по результатам проведенного исследования.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, возникающих при фактическом стечении нескольких лиц в едином умышленном или неосторожном преступлении.

Предмет исследования охватывает: теоретические концепции о фактическом стечении нескольких лиц в умышленном и неосторожном преступлениях и об иных уголовно-правовых явлениях; уголовно-правовые нормы, регламентирующие отдельные виды множественности лиц в преступлении и прикосновенность к преступлению в разные исторические периоды; материалы судебной практики уголовно-правовой оценки действий нескольких лиц в одном преступлении.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в разработке и обосновании совокупности теоретических положений, составляющих концепцию множественности лиц в преступлении, охватывающую все виды совместного участия двух или более лиц в совершении одного преступления, отграничивающую стечение нескольких лиц в преступлении от смежных уголовно-правовых явлений,

а также правила квалификации действий нескольких лиц, совместно причинивших единое общественно опасное последствие.

В частности, научной новизной обладают:

– дефиниция множественности лиц в преступлении, основанная на результатах историко-правового анализа эволюции данного понятия в российской уголовно-правовой доктрине начиная с XIX в. Предложенное определение не только отражает юридическую природу феномена, но и учитывает динамику научных представлений о нем, позволяет охватить все многообразие видов совместной преступной деятельности в одном преступлении;

– классификация видов множественности лиц в преступлении и характеристика каждого из них;

– обоснование повышенной опасности в случаях взаимообусловленного и взаимосвязанного поведения нескольких лиц, повлекшего единое общественно опасное последствие;

– правила квалификации преступления при множественности лиц;

– критерии отграничения множественности лиц от схожих уголовно-правовых явлений, не обладающих признаками множественности лиц в преступлении;

– предложения по совершенствованию уголовного закона и практики его применения, в частности проект гл. 7 УК РФ.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты вносят вклад в теорию уголовного права о понятии, признаках и видах множественности лиц в преступлении. Полученные выводы и предложения, формирующие концепцию множественности лиц в преступлении, могут составить теоретическую основу для дальнейшего научного изучения как в целом множественности лиц в преступлении, так и отдельных ее видов, а также связанных с ними актуальных проблем уголовного права.

Практическая значимость исследования состоит в разработке предложений по совершенствованию уголовного законодательства, касающихся регламентации видов множественности лиц и правил квалификации действий

участников стечения нескольких лиц в одном преступлении. Полученные выводы и предложения могут быть использованы в законотворческом процессе при подготовке изменений и дополнений Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации; в процессе изучения дисциплин «Уголовное право» и спецкурсов «Множественность лиц в преступлении», «Соучастие в преступлении», «Назначение наказания» в образовательных учреждениях, а также в системе повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Методологическую основу диссертационного исследования составили:

– общенаучные методы исследования: анализ и синтез (для разложения многосоставного понятия множественности лиц на элементы (признаки, виды) и последующего их объединения в целостную концепцию); индукция и дедукция (при формировании общих выводов на основе изучения частных случаев и, наоборот, при применении общих теоретических положений к конкретным правовым ситуациям); абстрагирование и конкретизация (для выделения сущностных характеристик изучаемого явления и рассмотрения их проявления в конкретных нормах и правоприменительной практике); системный подход (для рассмотрения множественности лиц в преступлении как сложной, многоуровневой системы, включающей различные элементы и взаимосвязи); логический метод (для построения умозаключений, формулирования определений, выявления логических связей между понятиями и аргументации выводов) и др.

– частнонаучные методы исследования: формально-юридический метод (при анализе норм уголовного законодательства, являющихся предметом исследования, а также при толковании их содержания); историко-правовой метод (для сопоставления подходов к пониманию множественности лиц в преступлении на разных этапах исторического развития российского уголовного права, что позволило выявить общие тенденции и особенности); контент-анализ (при анализе документов); статистический метод и метод сводки и группировки данных (при обработке данных судебной статистики); метод экспертного опроса (при опросе и анализе данных опрошенных лиц) и др.

Положения, выносимые на защиту.

1. Проблема участия нескольких лиц в преступлении всегда воспринималась наукой гораздо шире, чем ее законодательное отражение. Так, еще в дореволюционной науке середины XIX в. под стечением нескольких лиц в одном преступлении понималось как участие лиц в совершении преступления, так и прикосновенность к нему; в советский период концепция «множественности участников одного преступления» уже включала в себя не только соучастие, но и неосторожное сопричинение. За все время развития уголовного законодательства множественность лиц в преступлении нашла отражение только в институте соучастия.

2. Множественность лиц в преступлении представляет собой самостоятельную уголовно-правовую категорию, более широкую по своему содержанию и объему, чем институт соучастия. Она находит отражение в следующих видах стечения нескольких лиц в преступлении:

1) умышленное совместное участие двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления;

2) умышленное содействие совершению умышленного преступления другим лицом, не осведомленным о таком содействии;

3) совершение преступления лицом, обладающим признаками субъекта преступления, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств;

4) совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления;

5) причинение единого общественно опасного последствия по неосторожности несколькими лицами, обладающими признаками субъекта преступления.

3. Множественность лиц в преступлении необходимо понимать в двух неразрывно связанных аспектах – фактическом и уголовно-правовом. На фактическом уровне она охватывает любое объективное стечение двух или более

лиц в совершении одного преступления; в уголовно-правовом смысле – только те виды, которые нашли отражение в действующем уголовном законе.

Признаками фактической множественности лиц в преступлении являются:

– два или более лица, из которых хотя бы одно из них обладает признаками субъекта преступления;

– участие в одном и том же преступлении;

– наличие как умышленной, так и неосторожной формы вины;

– субъективная связь между участниками (односторонняя, многосторонняя или ее отсутствие).

4. Под множественностью лиц в преступлении необходимо понимать фактическое стечение нескольких лиц в одном и том же умышленном или неосторожном преступлении, как минимум одно из которых подлежит уголовной ответственности.

Множественность лиц в преступлении предлагается классифицировать следующим образом:

1) виды множественности лиц, получившие законодательное закрепление в УК РФ:

– соучастие в преступлении;

– посредственное причинение вреда;

– специальные виды соучастия: а) организация и участие в преступных объединениях; б) ролевое сопричинение; в) двусторонние и трехсторонние преступления;

2) виды множественности лиц в преступлении, не закрепленные в законодательстве:

– одностороннее участие в преступлении другого лица (тайное участие);

– совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления (соисполнительство с негодным субъектом преступления);

– неосторожное сопричинение вреда;

– сопричинение вреда в преступлениях с двумя формами вины;

– сопричинение вреда, при котором один из сопричинителей совершает неосторожное преступление, а второй – умышленное преступление;

– «соучастие» в неосторожном преступлении.

5. Уголовно-правовая природа умышленного совместного участия двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления в настоящее время находит отражение в законодательстве как:

1) соучастие в преступлении (гл. 7 УК РФ);

2) специальные виды соучастия в Особенной части УК РФ:

– организация и участие в преступных объединениях (например, ст. 205^4, 208, 209, 210, 282^1 УК РФ);

– ролевое сопричинение (например, ст. 205^1, ч. 1^1 ст. 212, ч. 1^1 ст. 282^1, ч. 1^1 ст. 282^2 УК РФ);

– двусторонние и трехсторонние преступления (например, ст. 290, 291, 291^1 УК РФ).

6. Законодательная конструкция посредственного причинения вреда (ч. 2 ст. 33 УК РФ) является юридической фикцией, призванной решить узкую задачу квалификации действий так называемого интеллектуального виновного, подменяет собой объективную реальность, в которой преступление совершается при фактическом участии нескольких лиц, что качественно повышает общественную опасность, сопоставимую с опасностью соучастия.

7. Неосторожное сопричинение проявляется в следующих двух видах:

1) сопричинение, осложненное функциональной связью и предшествующим поведением виновных, обязанных действовать совместно во избежание негативных последствий (системное), повышает общественную опасность деяния, что является основанием для применения в отношении неосторожного сопричинителя обстоятельства, отягчающего наказание;

2) сопричинение, где единый преступный результат наступает вследствие случайного совпадения независимых нарушений или в результате дополнительного внешнего воздействия (случайное), не повышает общественную опасность по

сравнению с единоличными совершением аналогичного преступления и не влечет более строгое наказание сопричинителей.

8. Фрагментарное регулирование отдельных проявлений множественности лиц в преступлении не способно решить проблему обоснованной уголовно-правовой оценки действий виновных и назначения справедливого наказания с учетом общественной опасности деяния, совершенного несколькими лицами, что обусловливает необходимость законодательной регламентации правил квалификации и назначения наказания для таких случаев в гл. 7 УК РФ с более широким названием – «Множественность лиц в преступлении» (проект гл. 7 УК РФ представлен в Приложении 1).

9. Правила квалификации и назначения наказания при множественности лиц в преступлении:

1) лицам, совершившим преступление совместно с лицами или посредством других лиц, не подлежащих уголовной ответственности, не инкриминировать квалифицирующий признак «группой лиц» или «группой лиц по предварительному сговору», при назначении наказания учитывать отягчающее обстоятельство наказание, предусмотренное п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ в редакции, предложенной в настоящей диссертации;

2) действия лица, осуществившего одностороннее участие в совершении преступления другим лицом (тайное участие), квалифицировать со ссылкой на ч. 2 или ч. 3 ст. 33^1 УК РФ в зависимости от выполняемой им роли;

3) действия неосторожных сопричинителей квалифицировать по соответствующей статье (статьям) Особенной части УК РФ с учетом характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления, а в случае, если имело место взаимообусловленное и взаимосвязанное поведение, повлекшее наступление преступного результата, назначать более строгое наказание, чем лицу, действовавшему единолично.

10. Множественностью лиц в преступлении не являются:

1) в связи с отсутствием такого признака, как участие в одном и том же преступлении:

– прикосновенность к преступлению;

– так называемое «параллельное соисполнительство»;

– последовательное совершение самостоятельных преступлений;

– процессуальное соучастие;

2) в связи с отсутствием такого признака, как фактическое участие двух или более лиц:

– специальные виды соучастия, изложенные в ст. 205^2, 205^5, 210^1, 282^2 (за исключением ч. 1^1), 354^1 УК РФ.

Степень достоверности полученных результатов и выводов обеспечивается выбором методов исследования, анализом научных работ и уголовного законодательства начиная с XVII в. и по сегодняшний день, обобщением практики судов общей юрисдикции по вопросам, рассматриваемым в диссертации, статистическими данными и результатами проведенных опросов и анкетирования 24 следователей, 17 прокуроров, 54 судей и 87 адвокатов.

Эмпирическую основу исследования составили: 57 определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации; 14 постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации; 374 приговора судов первой инстанции за период с 2019 по 2025 г., вынесенных в отношении соучастников преступления; 242 приговора судов первой инстанции за период с 2019 по 2025 г., на предмет вменения квалифицирующего признака «группой лиц» или «группой лиц по предварительному сговору» при совершении преступления совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности; 280 обвинительных приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции города Москвы за период с 2019 по 2025 г., в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений по ст. 109, 216, 263 УК РФ; 46 приговоров судов общей юрисдикции за период с 2015 по 2025 г., вынесенных в отношении лиц, причинивших по неосторожности совместно с другим лицом одно общественно опасное последствие; 45 приговоров судов первой инстанции за период с 2019 по 2025 г., вынесенных в отношении одного лица, осужденного по ч. 3 ст. 216 УК РФ; статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской

Федерации за период с 2015 по 2025 г. о количестве осужденных, совершивших преступление совместно; результаты опросов и анкетирования 24 следователей, 17 прокуроров, 54 судей и 87 адвокатов; использованы данные, полученные другими учеными.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнялась на кафедре уголовного права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», где проводилось ее рецензирование и обсуждение.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 9 научных статьях общим объемом в 4,6 п. л., 5 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования в них основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Содержание отдельных положений исследования докладывалось на Всероссийской научно-практической конференции «Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества» Дальневосточного юридического института Университета прокуратуры РФ (Владивосток, март 2023 г.); XXI Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, январь 2024 г.); конференции «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного уголовного права» (Москва, сентябрь 2024 г.).

Структура исследования определяется целями и задачами работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

Глава I
МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЛИЦ В ПРЕСТУПЛЕНИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НАУКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

§ 1. Генезис уголовно-правовых норм об отдельных видах множественности лиц в преступлении

В целях понимания современных норм уголовного права, регулирующих отдельные виды множественности лиц в преступлении, необходимо обратиться к истокам возникновения этих правовых конструкций. Анализ исторических памятников права нужен не просто для соблюдения исследовательской традиции, а для того, чтобы выявить логику законодателя. Именно в ранних нормативных актах начали формироваться правила ответственности за преступления, совершенные сообща, закладывались основы разграничения ролей участников и закреплялось понимание того, что групповое преступление представляет повышенную опасность для общества.

В качестве отправной точки для историко-правового анализа выбрано Соборное уложение 1649 г. (далее – Соборное уложение). Этот выбор обусловлен важной ролью документа в развитии отечественной правовой системы, ряд исследователей считает его первым кодифицированным уголовным законом[1], послужившим основой для первого российского учебника уголовного права 1815 г. О.И. Горегляда[2], наряду с Артикулами воинскими Петра I и др.

Рассматриваемый памятник представляет собой свод законов, относящихся к различным отраслям права, поэтому он не мог быть построен по пандектному принципу и содержать Общую часть и, как следствие, общих норм, посвященных

---

[1] См., например: *Кензина К.Ю.* Влияние Соборного уложения 1649 года на развитие российского права // Вестник науки. 2025. № 2 (6 (87). С. 1308; *Попова А.А.* Соборное Уложение 1649 г. как первый кодекс России // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 февраля 2025 года. Пенза, 2025. С. 9.

[2] См.: *Горегляд О.И.* Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815.

изучаемому явлению. Соборное уложение объединяет казуистичные нормы, регулирующие отдельные аспекты участия множественности лиц в преступлении.

Один из видов множественности лиц, который позднее в теории будет определен как соучастие, содержится в ст. 198 гл. X Соборного уложения: «А будет кто приедет к кому-нибудь на двор насильством, скопом и заговором, умысля воровски, и учинит над тем, к кому он приедет или над его женою, или над детьми, или над людьми смертное убойство, а сыщется про то допряма, и того, кто такое смертное убойство учинит, самого казнити смертью же, а товарыщев его всех бити кнутом и сослати, куды государь укажет»[3].

Законодатель фактически закрепил ключевые признаки соучастия в преступлении, к числу которых можно отнести умышленную форму вины («умысля воровски») и участие в совершении деяния нескольких лиц (допускает наличие помощников – «товарыщев»[4]).

Также Соборное уложение дифференцировало уголовную ответственность в зависимости от выполняемой роли в преступлении: главный исполнитель убийства наказывался смертной казнью, а «товарищи» – битьем кнутом или ссылкой. Принцип дифференциации наказания стал центральным в учении А.С. Жиряева[5].

В Уложении уделяется внимание ответственности лиц, совершающих деяния, связанные с первичным преступлением, но не принимавших непосредственного участием в нем, и оцениваемое законодателем в качестве самостоятельного преступления. Так, ст. 59–65 гл. XXI Соборного уложения установлено наказание за попустительство, недоносительство и укрывательство разбойников.

Ответственность за попустительство была предусмотрена ст. 59 гл. XXI Соборного уложения, диспозиция которой содержала следующее: «А где учинится

---

[3] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1985. С. 134.

[4] Товарищами признавались помощники, оказывавшие содействие совершению преступления, либо заранее доставившие средства для его совершения, либо устранившие препятствия для его совершения. К числу помощников относились подводчики, понаровщики, становщики (*Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 277).

[5] См.: *Жиряев А.С.* О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. М., 2017.

разбой, а которые сторонние люди, слышачи крик и воп розбитых людей как их розбойники розбивают», уклоняются от помощи («на пособь к ним не пошли») или отказываются от участия в погоне и преследовании следа. Законодатель рассматривает данное бездействие как нарушение публично-правовой обязанности члена общества по поддержанию правопорядка. Наказание за такое деяние носило смешанный характер: имущественное взыскание в пользу потерпевшего («имати выти») и телесное наказание («бить кнутом нещадно»).

Статьями 60–62 гл. XXI Соборного уложения регулировалась ответственность за виды прикосновенности к преступлению – прерывание следа (отвод погони от своего села) и ложные показания при обысках («лживые обыски»), когда община укрывает находящихся на ее территории преступников. Научный интерес представляет ст. 63 гл. XXI Соборного уложения, где законодатель провел градацию укрывательства по степени его устойчивости и профессионализации, введя термины «стан» и «приезд»:

– стан (становщичество) трактуется как постоянное пристанодержательство (укрывательство как ремесло);

– приезд понимался как временное предоставление убежища[6].

В обоих случаях законодатель уравнивал ответственность укрывателя и исполнителя преступления: «указ им чинити так же, как и розбойником», что свидетельствует о том, что институт прикосновенности к преступлению еще не обособился в самостоятельный институт и рассматривался в неразрывной связи с предикатным преступлением.

Аналогичному наказанию подлежали «подводчики» и «поноровщики». М.Ф. Владимировский-Буданов под подводом понимал указание места и удобного момента для совершения преступления[7]. Поноровка – охранение преступника от опасности во время совершения преступления (ст. 63 гл. XXI Соборного

---

[6] См.: *Арямов А.А., Мкртычян Б.А.* Возникновение и развитие уголовного права России: монография. Новосибирск, 2017. С. 91.

[7] См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. Киев, 1885. С. 56.

уложения)[8]. Подводчики и поноровщики уже признавались не прикосновенными к преступлению, а соучастниками. Формально они могли рассматриваться в рамках прикосновенности, однако их функциональная роль в преступлении иная. Подвод и поноровка – это не постпреступная деятельность, характерная для укрывательства, а активное содействие до или во время совершения преступления. С точки зрения О.И. Горегляда и А.С. Жиряева, это уже не прикосновенные лица, а пособники, т.е. соучастники[9]. Таким образом, Соборное уложение описывает, как при определенных условиях прикосновенность до или во время преступления перерастает в соучастие.

Наряду с укрывательством преступников наказывалось и «поклажее», т.е. прием, хранение или продажа краденных и награбленных вещей[10]. Спустя два столетия А.С. Жиряев теоретически обоснует различие между укрывательством как преступлением против правосудия (помощь преступнику) и скупкой краденого как преступлением против собственности[11].

Описывая укрывательство, он отмечает, что исключает из понятия о нем одобрение чужого преступления, пользование его плодами, принятие вещей, добытых преступлением, если эти действия не соединены с сокрытием следов преступления или лиц, его совершивших. Сокрытие вещей, добытых в результате совершения преступления не с целью сокрытия следов преступления, или лица, его совершившего, образует самостоятельное преступление, прикосновенности к преступлению в данном случае нет[12].

Необходимо особенно подчеркнуть значимость этого подхода для отграничения множественности лиц в преступлении от смежных явлений. Объективно схожие действия могут представлять собой совершенно разные по своей уголовно-правовой природе преступления, в то время как для укрывательства

---

[8] См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 424; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. IX. Соучастие в преступлении / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 11.

[9] См.: *Горегляд О.И.* Указ. соч. С. 97–98; *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 21.

[10] См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 424.

[11] См.: *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 132.

[12] См.: *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 132.

важно наличие одного условия – действия укрывателя должны быть совершены со специальной целью: сокрыть преступника или следы преступления.

В ст. 19 гл. II Соборного уложения, был закреплен еще один вид прикосновенности к преступлению – недонесение о преступлении: «А будет кто сведав, или услыша на царьское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл, а государю и его государевым боярам и ближним людем, и в городех воеводам и приказным людем, про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертию безо всякия пощады»[13].

Нормы о государственных преступлениях (гл. II Соборного уложения) иллюстрируют влияние объекта посягательства (в данном случае – «государственная честь» и «его государское здоровье») на оценку общественной опасности совершенного деяния множественностью лиц. Статья 19 Соборного уложения предусматривает «смерть безо всякия пощады» за недонесение о «скопе и заговоре» на царя, уравнивая степень общественной опасности этого вида прикосновенности с самим общественно опасным деянием (скоп и заговор против государя и его людей). В данном случае чрезвычайная важность объекта охраны (жизнь государя, основы строя) фактически стирает для законодателя разницу между активным участием и пассивным неуведомлением.

Впервые в истории российского права столь суровое наказание закреплялось за одно лишь недоносительство[14]. Эта норма интересна еще и тем, что в ней усматривается появление форм соучастия – скопа и заговора[15], ответственность за которые закреплена в ст. 20–22 этой же главы Соборного уложения.

Законодатель, осознавая различие между этими формами, уравнял их в степени общественной опасности, когда речь шла о защите высших государственных интересов.

---

[13] Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 89.

[14] См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 266.

[15] Два века спустя А.С. Жиряев отнес их к формам совместной деятельности см.: *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 102–103.

В отличие от ст. 198, 199 гл. X Соборного уложения, предусматривающих торговую казнь за скоп и заговор в отношении частных лиц, в ст. 20–21 Соборного уложения потерпевшим выступает государь или назначенное им должностное лицо, поэтому наказание было столь суровым – смертная казнь безо всякой пощады. Для наступления ответственности не обязательно было грабить и убивать. Главное – «прохаживать для воровства», т.е. совершать любые незаконные действия[16].

Военно-уголовное законодательство конца XVII – начала XVIII в. делает решительный шаг в сторону четкой дифференциации ролей соучастников и ужесточения ответственности за любые формы организованного неповиновения. Значимость укрывательства как одного из видов прикосновенности к преступлению подчеркивается рядом указов Петра I, направленных на борьбу с преступностью, в том числе групповой. В частности, были приняты:

– Указ от 24 февраля 1699 г. № 1678 «В подтверждение о недержании никому у себя гулящих людей без поручных записей»[17];

– Указ от 17 января 1700 г. № 1746 «О недержании Московским жителям стрельцов их жен и детей»[18];

– Указ от 5 февраля 1705 г. № 2026 «О нечинении смертной казни преступникам, кроме бунтовщиков и смертоубийц, о наказании их кнутом, о вырезывании ноздрей у важнейших преступников и заклеймении прочих»[19];

– Указ Военной коллегии от 30 октября 1719 г. № 3445 «О поимке беглых драгун, солдат, матросов и рекрут»[20].

Воинский Артикул Петра I 1715 г. знаменует собой новый этап законодательной регламентации множественности лиц в преступлении. В нем, в отличие от казуистичного Соборного уложения, впервые в отечественном праве предпринята попытка сформулировать общие нормы о совместной преступной

---

[16] См.: *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975. С. 133.

[17] ПСЗ Российской империи. Т. 3: 1830–1851. СПб., 1830. С. 602–603.

[18] ПСЗ Российской империи. Т. 4: 1830–1851. СПб., 1830. С. 2–3.

[19] См.: там же. С. 286–287.

[20] ПСЗ Российской империи. Т. 5: 1830–1851. СПб., 1830. С. 748–750.

деятельности. Так, в толковании к арт. 189 указано: «Ежели многие вкупе в воровстве поиманы будут, те все, хотя их много или мало, всяк так наказан будет, яко бы един все воровство учинил»[21]. Артикулы не только признавали сам факт совместного участия в преступлении, но и вводили четкую дифференциацию ролей, которая отсутствовала в Соборном уложении. Так, помимо исполнителей выделялись:

– лицо, которое «к тому склонит, чтоб он кому другому вред учинил», т.е. подстрекатель (арт. 2)[22];

– тот, кто «советом, помощию и делом вспоможет», т.е. пособник (арт. 149)[23];

– лицо, которое «о том сведом был, а не известил», т.е. недоноситель (арт. 19)[24];

– те, «которыя таковых беглых салдат скроют и оным пропитание дадут», т.е. укрыватели (арт. 95)[25];

– «заводчик», т.е. организатор (арт. 68)[26].

Несмотря на наметившуюся дифференциацию лиц, совместно совершающих преступление и прикосновенных к нему, предусмотренное наказание за такую деятельность было исключительно суровым, не предполагавшим при его назначении учета роли и вклада каждого участника. Ярким примером служит толкование к арт. 19, которое фактически уравнивало в наказуемости совершенно разные по своей сути деяния: оконченное преступление и прикосновенность к преступлению в виде недоносительства[27].

Морской устав Петра I 1720 г. (далее – Морской устав), принятый всего через пять лет после Артикула воинского, продолжил развивать идеи, заложенные в нем. Глава XIII «О возмущении, бунте и драке» закрепила нормы об ответственности за

---

[21] Памятники российского права: в 35 т. Т. IV: Памятники права в период единодержавия Петра I. М., 2014. С. 396.

[22] См.: там же. С. 370.

[23] См.: там же. С. 389.

[24] См.: там же. С. 371.

[25] См.: Памятники российского права: в 35 т. Т. IV: Памятники права в период единодержавия Петра I. С. 381.

[26] См.: там же. С. 378.

[27] См.: там же. С. 371.

самые опасные виды множественности лиц, адаптированными к специфике воинских преступлений[28]. Статья 90 Морского устава содержала запрет – «Не чинить сходбищ и советов». Запрещая любые «подозрительные сходбища» (прообраз преступного сообщества или заговора), законодатель дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от функциональной роли:

– зачинщики подлежат смертной казни («повесить без всякого милосердия»), причем мотив деяния («хотя они к тому какую причину имели или нет») не имеет юридического значения для квалификации;

– рядовые участники («достальные») наказываются мягче – по нормам о беглецах[29].

В толковании к ст. 96 Морского устава, предусматривающей ответственность за драку без вызова, судьям дается императивное указание: «...того ради судье в таком деле весьма крепко розыскивать надлежит, кто именно зачинщиком ссоры был»[30], что позволяет констатировать наличие законодательно закрепленной фигуры организатора преступления.

Особый интерес для теории множественности лиц представляет ст. 94 Морского устава, запрещающая призывать товарищей на помощь в драке. Законодатель усматривает в этом действии качественное изменение характера преступления: вызов помощи превращает личную ссору в «возмущение». Наказание («онаго и с помогательми повесить») демонстрирует применение принципа объективного вменения для всех участников группы: и инициатор вызова, и откликнувшиеся пособники подлежат наказанию в виде смертной казни. «Помогатели» рассматриваются как соисполнители преступления против воинской дисциплины[31].

Морской устав в ст. 93 возводит недоносительство («кто о возмущении ведает, а не известит») в ранг тягчайшего государственного преступления. Характерно, что

---

[28] См.: там же. С. 502–503.

[29] См.: там же. С. 502.

[30] См.: Памятники российского права: в 35 т. Т. IV: Памятники права в период единодержавия Петра I.

[31] См.: там же.

законодатель полностью уравнивает общественную опасность прикосновенности с соучастием: лица, не донесшие о заговоре, «таким же образом имеют быть наказаны», как и сами бунтовщики[32]. Морской устав вводит юридическую обязанность активного вмешательства для каждого члена экипажа. Бездействие в момент совершения преступления законодатель по степени опасности приравнивает к активному поведению соучастников, наказывая попустителей наравне с ними. В гл. XX Морского устава «Об утаении и увозе злодеев» наказуемость деяния укрывателей, недоносителей, попустителей аналогична наказуемости главных виновников преступления[33].

Наказ Екатерины II 1767 г. (далее – Наказ), адресованный комиссии о составлении проекта нового Уложения, формулирует основополагающие идеи, сделавшие возможным появление учений XIX в.[34] Впервые на уровне государственной идеологии подчеркивается необходимость дифференцировать наказание участников преступления. Революционным для российского права XVIII в. стало положение ст. 202 Наказа, в которой императрица ставит под сомнение практику равного наказания всех участников преступления, характерную для Соборного уложения и Артикула воинского. Екатерина II формулирует тезис о необходимости индивидуализации наказания в зависимости от функциональной роли лица: «Надобно положить наказания не столь великие сообщникам в беззаконии, которые не суть беспосредственными оного исполнителями, как самим настоящим исполнителям»[35]. Здесь впервые четко прослеживается разграничение на «беспосредственного исполнителя» (того, кто выполняет объективную сторону состава преступления) и «простого сообщника» (пособника).

Именно это положение заложило фундамент, на котором О.И. Горегляд, А.С. Жиряев и другие отечественные правоведы XIX в. выстроили свои теории о

---

[32] См.: там же.
[33] См.: там же. С. 508–509.
[34] ПСЗ Российской империи. Собр. 1. Т. 18. СПб., 1830. С. 192–281.
[35] См.: там же. С. 227.

классификации соучастников и принципах дифференциации их уголовной ответственности[36].

Следующим нормативным актом, заслуживающим внимания, является Устав Благочиния или Полицейский, изданный Екатериной II в 1782 г. (далее – Устав)[37]. Его особенностью стал акцент на предупреждении коллективных правонарушений. В отличие от петровских артикулов, предусматривавших ответственность за уже свершившийся бунт, Устав криминализировал само стечение нескольких лиц для совершения преступления. Так, было признано преступным создание «сходбищ подозрительных» и «скопа» (ст. 272)[38].

Предусматривая ответственность за само создание сходбища или скопа, законодатель XVIII в. заложил основу и подходы к конструированию ответственности в УК РФ за так называемую организационную деятельность, т.е. за создание и участие в преступных объединениях и группах, например предусмотренных ст. 205[4], 208, 209, 210 УК РФ[39].

Логика законодателя по криминализации такой деятельности тогда и сейчас одинаковая. Во-первых, общественная опасность таких деяний заключается не только в преступлениях, которые группа может совершить в будущем, сколько в самом существовании организованной или сплоченной группы, противопоставляющей себя закону и порядку, не подконтрольной государству, имеющих огромный потенциал для совершения различных деяний. Во-вторых, создание таких уголовно-правовых норм, в которых, по существу, приготовительные действия признаются оконченным преступлением, обусловлено стремлением государства предотвратить совершение преступлений этими группами, кроме того, за счет общей превенции.

---

[36] См., например: *Горегляд О.И.* Указ. соч. С. 6; *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 16; *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. Т. I. Вып.1 и 2. СПб., 1863. С. 162–168.

[37] ПСЗ Российской империи. Собр. 1. Т. 21. СПб., 1830. С. 461–488.

[38] См.: ПСЗ Российской империи. Собр. 1. Т. 21. С. 461–488.

[39] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Заслуживает внимания п. 7 ст. 272 Устава, согласно которому наказанию подлежит «челобитье или прошение или донос скопом или заговором». Само по себе действие – подача челобитной, прошения или доноса – было законным. Преступным его делала форма совершения в составе группы лиц. Коллективная подача челобитной, прошения или доноса приравнивалась к бунту, поскольку в парадигме абсолютистского государства любое несанкционированное объединение воспринималось как вызов власти: один проситель – это подданный, обращающийся к монарху; группа лиц («скоп» или «заговор») – это уже политическая сила, оказывающая давление на государя.

В Таможенном уставе по европейской торговле 1819 г. (далее – Таможенный устав) используется термин «скопище» для обозначения группового совершения преступления, а также вводится квалифицирующий признак – совершение деяния «вооруженною рукою» (§ 441)[40]. Сочетание этих факторов рассматривается как обстоятельство, повышающее общественную опасность деяния. Наказание за такую форму соучастия предусматривалось в виде предания суду и ссылку, что свидетельствует о приравнивании вооруженной контрабанды к разбою.

Таможенный устав проводит черту между соучастниками и прикосновенными лицами, основываясь на характере связи с основным преступлением: лица, которые укрывают, заведомо принимают или складывают контрабандный товар (§ 441), не признаются соучастниками; их ответственность носит имущественный характер – штраф в размере двойной цены укрываемого товара[41]. Тем самым законодатель подчеркивает, что постпреступная деятельность (заранее не обещанная) менее опасна, чем само предикатное преступление.

Революционной для права XIX в. выглядит норма, содержащаяся в § 443 Таможенного устава, согласно которой лица, «изобличенные в застраховании тайно провозимых товаров», именуются «сообщниками». Законодатель приравнивает финансовое обеспечение исполнения преступления (страхование рисков

---

[40] Таможенный устав по европейской торговле от 14 декабря 1819 г. СПб., 1819. С. 159.
[41] См.: там же.

контрабандистов) к его реализации, устанавливая для страховщиков равное наказание с тайнопровозителями – ссылку[42].

Кроме того, к формам преступной деятельности (§ 444–445), признаваемым тяжкими, влекущими ссылку, Таможенный устав относит действия лиц, обеспечивающих «юридическое прикрытие» контрабанды: использование фальшивых ярлыков, подделку таможенных клейм или использование документов от другого транспорта. Фактически речь идет о квалифицированном пособничестве, которое приобрело статус самостоятельного преступления[43].

Таким образом, законодательство с середины XVII до середины XIX в. не содержит общих норм о множественности лиц в преступлении. Оно описывает совместность совершения деяния, отмечает умышленное взаимодействие виновных, выделяет поведение пособника[44], а также много внимания уделяет укрывательству преступления.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.) – по существу, первый уголовный кодекс России, в его разд. I расположены положения, характерные для Общей части.

Отделение 3 гл. 1 разд. 1 Уложения 1845 г. «О участии в преступлении» описывало два вида участия в преступлении: без предварительного согласия и по предварительному согласию всех или некоторых виновных (ст. 13)[45].

Без предварительного сговора преступление может быть совершено главными виновными и участниками. Главными виновными называли распоряжавшихся или управлявших действиями других, а также тех, кто прежде других приступил к действиям, или непосредственно совершивших преступление. Участниками, в свою очередь, признавались те, кто непосредственно помогал главным виновным в совершении преступления или те, кто доставлял средства для его совершения и устранял препятствия (ст. 14 Уложения 1845 г.).

---

[42] См.: там же. С. 160.

[43] См.: Таможенный устав по европейской торговле от 14 декабря 1819 г. С. 160.

[44] Соборное уложение 1649 года не употребляло термины «соучастие», пособник и др.

[45] См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1988. С. 175.

По предварительному сговору преступление могло быть совершено зачинщиками, сообщниками, подговорщиками (подстрекателями) и пособниками. Причем их роли описаны и раскрыты в ст. 15 Уложения 1845 г. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, зачинщиками признавались:

1) замыслившие преступление и склонившие к нему других;

2) управлявшие действиями других при покушении или совершении преступлении;

3) приступившие первыми к покушению или совершению.

Во-вторых, сообщниками считались лица, которые согласились с зачинщиками или с другими виновными совершить совокупными силами или действиями предумышленное преступление.

В-третьих, подговорщиками, или подстрекателями, назывались лица, которые, не участвуя сами в совершении преступления, путем просьб, убеждений, подкупа и обещания выгод, обольщения, обмана или принуждения и угрозы склоняли других к совершению преступления.

Н.С. Таганцев отмечал, что разница между зачинщиком и подстрекателем заключается в том, что зачинщик – это тот, кто первый замыслит преступление и склоняет к нему других лиц, а подстрекатель склоняет к преступлению, задуманному другим лицом[46].

В-четвертых, пособниками назывались виновные, не принимавшие непосредственного участия в совершении преступления, но из корыстных или иных личных выгод:

1) помогавшие виновным или обещавшие им предоставить интеллектуальные или материальные средства для совершения преступления либо устранить препятствия;

2) заведомо, перед совершением преступления, предоставлявшие у себя убежище злоумышленникам;

---

[46] См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: в 2 ч. Ч. 1. М., 2025. С. 375.

3) заранее обещавшие способствовать сокрытию преступников или преступления после его учинения.

П.П. Пусторослев указывал на то, что законодатель, используя слово «пособник», не употребляет терминов: «виновники», «совиновники» и «подстрекатель», заменяя их описательными выражениями[47]. С его точки зрения, соучастие имеет три вида: виновничество (подразделяется на виновичество и совиновичество[48]), пособничество и подстрекательство.

Предварительное согласие всех или нескольких лиц в преступлении (ст. 15) в теории уголовного права того времени называли заговором и наряду с ним выделяли еще один вид соучастия, отсутствовавший в Общей части Уложения 1845 г., но предусмотренный его Особенной частью, – шайка. Ученый отмечал, что заговор, по сути, есть приготовление к преступлению, но особо важному, представляющему достаточную общественную опасность, чтобы его признавать самостоятельным преступлением особого вида, закрепленным в качестве такового в Особенной части[49].

Если виновный участвовал не только в заговоре, представляющем преступление особого вида, но и в покушении или совершении того преступления, для реализации которого составлен этот заговор, то он подлежал наказанию только за соучастие в покушении или совершении преступления, задуманного заговорщиками. Очень убедительными выглядят аргументы, приведенные П.П. Пусторослевым в обоснование сформулированного правила квалификации. Он писал, что уголовная ответственность за высшую стадию уголовного

---

[47] См.: *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Общая часть. Выпуск I. Введение. Источники уголовного право. Преступление. 2-е изд. Юрьев, 1912. С. 436.

[48] Виновничество имеет место в том случае, когда один из участников виновно, умышленно или неосторожно, учинил такое внешнее действие или бездействие, которое само по себе или вместе с наступившим последствием характеризует приготовление, покушение или оконченное преступление (см.: *Пусторослев П.П.* Указ. соч. С. 438); совиновничество имеет место тогда, когда несколько человек учинили по такому внешнему поступку, который сам по себе или вместе с наступившим вредом по отношению к человеческому благу, пользующемуся охраной действующего уголовного права, характеризует приготовление, покушение или совершение преступления (см. *Пусторослев П.П.* Указ. соч. С. 458).

[49] См. *Пусторослев П.П.* Указ. соч. С. 455.

правонарушения поглощает собой, по общему правилу, уголовную ответственность за низшую стадию осуществления того же преступления, хотя она и признается иногда самостоятельным преступлением[50]. Приведенное правило квалификации, как нам представляется, соответствует принципу справедливости, исключает двойное вменение и может быть учтено современным законодателем в процессе уголовно-правового регулирования множественности лиц в совершении преступления.

Шайка представляла собой соединение нескольких лиц по взаимному соглашению в целях совершения нескольких преступлений любого вида, как уже определенных к моменту ее организации, так еще и не определенных. Шайка могла создаваться и для совершения одного-единственного преступления. В этом случае ее отличительной чертой от заговора служит такой признак, как «организация сообщества».

Кроме того, в Уложении 1845 г. отдельно выделены попустители и укрыватели в качестве прикосновенных к делу и преступлению (ст. 16), а также те, кто, зная об умышленном или уже содеянном преступлении и имея возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили обязанности, т.е. недоносители (ст. 17). При этом заранее обещанное укрывательство было отнесено к пособничеству (ст. 15).

Как справедливо отмечает М.В. Ююкина, «прикосновенность противопоставлялась соучастию. Для наказания прикосновенных необходима преступность главного деяния, но не действительная наказуемость участников, поэтому прикосновенные могли привлекаться к ответственности, даже если совершившие деяние лица не были обнаружены или когда виновный умер, сошел с ума и пр.»[51].

Таким образом, Уложение 1845 г. стало этапом развития дореволюционной уголовно-правовой мысли в сфере регулирования множественности лиц.

---

[50] См.: там же.

[51] Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. IX. Соучастие в преступлении / под ред. Н.А. Лопашенко. С. 23.

Законодатель не только систематизировал ролевые функции соучастников (от зачинщика до пособника), но и впервые решил проблему разграничения соучастия и прикосновенности. Критерием разграничения стала причинная связь с преступным результатом и момент возникновения умысла (заранее обещанное или нет). Законодательные конструкции, сформировавшиеся к середине XIX в., легли в основу современного уголовного законодательства.

Кроме того, что Уложение 1845 г. не указывало на форму вины, с которой действуют участники, но из толкования приведенных норм Общей части можно сделать вывод, что она может быть только умышленной. П.П. Пусторослев, исследовав положения Особенной части, сделал вывод, что в анализируемом документе допускалось неосторожное соучастие при неосторожном причинении смерти (ст. 1465), увечья или нанесения раны (ст. 1485) несколькими лицами в драке[52].

Нормы Особенной части Уложения 1845 г., допускавшие соучастие по неосторожности, актуализировали в дореволюционной доктрине вопрос о возможности существования неосторожной формы в совместной преступной деятельности. Еще до этого Г.И. Солнцев пришел к выводу, что соучастие возможно не только с умыслом, и предложил классифицировать его на умышленное (concursus ex dolo) и неумышленное (concursus ex culpa), понимая под последним ситуации, когда лицо «по одной неосторожности своей способствует кому-либо к содеянию преступления»[53]. Иллюстрируя эту конструкцию примерами «обоюдных ссор и драк», где субъект присоединяется к конфликту «не размыслив о причине», руководствуясь эмоциональным порывом («связями родства или дружбы» и под «благовидным предлогом подания помощи»), ученый фактически описал феномен, который современная наука определяет как неосторожное сопричинение, тем самым теоретически определив сложную форму множественности лиц без признаков умысла.

---

[52] См.: *Пусторослев П.П.* Указ. соч. С. 433.

[53] См.: *Солнцев Г.И.* Российское уголовное право / под ред. Г.С. Фельдштейна. Ярославль, 1907. С. 85.

Уголовное уложение 1903 г. (далее – Уголовное уложение)[54] завершило эволюцию дореволюционного уголовного законодательства. В нем не использовался термин «множественность лиц в преступлении», однако была предпринята первая попытка дать легальное определение соучастия[55]. Статья 51 содержала следующую его дефиницию: «В преступном деянии, учиненном несколькими лицами, согласившимися на его совершение или действовавшими заведомо сообща, соучастниками признаются те, которые: 1) непосредственно учинили преступное деяние или участвовали в его выполнении; 2) подстрекнули другого к соучастию в преступном деянии; 3) были пособниками, доставившими средства, или устранявшими препятствия, или оказавшими помощь учинению преступного деяния советом, указанием или обещанием не препятствовать его учинению или скрыть оное»[56]. Следует обратить внимание на то, что определение последнего охватывало в том числе заранее обещанные попустительство и укрывательство. Будучи данными до завершения преступления, они, безусловно, укрепляют решимость исполнителя и находятся в причинной связи с преступлением. Таким образом, такое «интеллектуальное содействие» является полноценным соучастием (пособничеством), а не прикосновенностью к преступлению.

Впервые на нормативном уровне соучастие было разграничено с прикосновенностью к преступлению. Нормы о прикосновенности к преступлению содержались в статьях Особенной части (ст. 164, 167, 168 Уголовного уложения), что означало признание их самостоятельными преступлениями, не являющимися акцессорными по отношению к предикатным преступлениям.

---

[54] Подробно см.: Уголовное уложение 1903 г.: история создания, концептуальные основы, общая характеристика / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. колл. А.И. Чучаев. М., 2024.

[55] Подробно см.: Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к столетию со дня принятия): монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. колл. А.И. Чучаев. М.: Проспект, 2025. С. 68.

[56] Уголовное уложение 22 марта 1903 г. / Издание Н. С. Таганцева. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1904. С. 11.

Так, наказывалось: а) недонесение без уважительной причины власти о достоверно известном лицу участнике тяжкого преступления, предусмотренного ст. 99–102, 108 и 118 Уголовного уложения (ст. 164); б) сокрытие или содействие сокрытию лица, заведомо приговоренного к аресту или привлеченного к следствию или суду по обвинению в проступке, если такое укрывательство учинено с целью скрыть это лицо от суда или наказания (ст. 167), в том числе сокрытие или содействие сокрытию лица заведомо:

– приговоренного к заключению в тюрьме или более строгому наказанию;

– привлеченного к следствию и суду по обвинению в тяжком преступлении или преступлений или разыскиваемого властью по подозрению в них;

– учинившего тяжкое преступление, но еще не разыскиваемого властью;

а также если:

– было укрываемо лицо, заведомо приговоренное к каторге;

– укрывательство обращено в промысел (ст. 168 Уголовного уложения)[57].

Обратим внимание, что среди соучастников не назван организатор. Его функции в тот период либо поглощались понятием подстрекателя, либо растворялись в понятии «согласившихся на совершение» (сговор), что было характерно для доктрины начала XX в., рассматривавшей организационную деятельность как квалифицированный вид подстрекательства или пособничества.

Кроме того, в ст. 51 Уголовного уложения отражена позиция законодателя по поводу «неосторожного соучастия». Наличие в ней конститутивного признака «заведомости» совместных действий означает, что соучастие возможно только с умышленной формой вины.

После революции 1917 г. первым кодифицированным уголовно-правовым актом стало Советское уголовное уложение, относительно которого до сих пор точно не установлено, вступило ли оно в силу или так и осталось проектом, разработанным Наркомюстом к началу 1918 г.[58] На практике оно не применялось,

---

[57] См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С. 37–38.
[58] ГА РФ. А353. Оп. 2. № 164.

вероятно, в том числе потому, что было критически воспринято большевиками[59]. Исключать его из числа исторических источников только из-за того, что оно не применялось на практике, видится неправильным, поскольку это может привести к искаженному представлению по ряду наиболее принципиальных вопросов уголовной политики государства и уголовного права как отражения данной политики[60].

Советское уголовное уложение признавало соучастниками лиц, которые согласились совершить деяние и, действуя заведомо сообща:

– непосредственно учинили преступное деяние или участвовали в его выполнении;

– подстрекали другого к соучастию в преступном деянии;

– были пособниками, доставлявшими средства, устранявшими препятствия или оказавшими помощь в совершении преступления советом, «указанием или обещанием не препятствовать его учинению или скрыть оное»[61].

Таким образом, организатор преступления среди соучастников, также как и в дореволюционном законодательстве, не выделялся.

По Советскому уголовному уложению если участник преступного сообщества не участвовал в совершении конкретного преступления, то он подлежал ответственности только за участие в сообществе.

Участие в сообществе для совершения преступления или шайке, созданной для учинения нескольких преступлений, наказывалось в случаях, специально предусмотренных законом. Так, ст. 110 гл. 8 «О преступных деяниях против общественного спокойствия» за участие в скопе, заведомо созданном для совершения преступления, предусматривалось наказание в виде лишения свободы

---

[59] См.: *Чучаев А.И.* Советское уголовное уложение (общая характеристика) // Lex Russica (Русский закон). 2012. Т. 71. № 5. С. 833.

[60] См.: *Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И.* Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2015. С. 140.

[61] Цит. по: *Грачева Ю.В., Чучаев А.И.* Преступление в Советском уголовном уложении и доктрине уголовного права // Lex Russica. 2014. №12. С. 1467.

на срок не свыше шести месяцев. Более строгому наказанию участники скопа подвергались на основании ст. 111 и 112 Советского уголовного уложения.

Советскому уголовному уложению был известен один вид прикосновенности к преступлению – укрывательство (ст. 97).

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее – Руководящие начала) институт соучастия выделен в отдельную главу. В ст. 21 сказано, что «за деяния, совершаемые сообща группою лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники». Руководящие начала содержат определение исполнителя, подстрекателя и пособника (ст. 22–24)[62].

Стоит обратить внимание на то, что пособничество включало в себя укрывательство и попустительство[63].

Анализируя содержание гл. V Руководящих начал, А.Н. Трайнин делал вывод об отсутствии в них определения соучастия[64], более того, об отрицании ими института соучастия вообще. Вряд ли с этим можно согласиться. Во-первых, само название гл. V Руководящих начал «О соучастии» свидетельствует о том, что основы этого института были заложены. Во-вторых, норма, содержащаяся в ст. 21, содержит законодательное представление о соучастии. В-третьих, указанным определением не охватывалось совместное совершение преступления без предварительного сговора, учиненное несколькими лицами, не образующими толпу, а также соучастие с предварительным соглашением, когда оно не имело организованной формы, характерной для шайки или банды[65]. В-четвертых, среди видов соучастников отсутствует фигура организатора.

---

[62] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1919. № 66. Ст. 590.

[63] «Пособниками считаются те, кто, не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействует выполнению его словом или делом, советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления или попустительством, т.е. непрепятствованием совершению преступления» (ст. 24 Руководящих начал).

[64] См.: *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. М., 1941. С. 48.

[65] См.: *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М., 1961. С. 543.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (далее – УК РСФСР 1922 г.) ознаменовал собой важный сдвиг в сторону юридической определенности и начал индивидуализации ответственности соучастников. Законодатель продолжил тенденцию закрепления дефиниций исполнителя, подстрекателя и пособника (ст. 16), фактически повторившего определение пособника, содержавшегося в Руководящих началах, но исключившего из него лиц, попустительствовавших или не препятствовавших его совершению[66]. Кроме того, УК РСФСР 1922 г. внес важные уточнения в само понятие попустительства. Согласно ст. 107 УК за попустительство наступала ответственность только должностных лиц, в чьи обязанности входило оказание непосредственного противодействия совершению преступления, за исключением случая попустительства во взяточничестве (ст. 144 УК РСФСР 1922 г.).

Несмотря на то что в статьях Особенной части УК РСФСР 1922 г. активно употребляется понятие «организатор», его дефиниция отсутствовала. Этот пробел перешел из Руководящих начал и дореволюционного законодательства.

Закрепление в ст. 15 УК РСФСР 1922 г. положения о том, что мера наказания каждому из этих соучастников преступления определяется как степенью участия, так и степенью опасности преступника и совершенного им преступления (ст. 15)[67], стало существенным прогрессом. Таким образом, при выборе вида и размера наказания правоприменитель уже не мог приравнять действия прикосновенных лиц по степени опасности к пособничеству. В доктрине отмечалось, что введение в Уголовный кодекс этого положения следует расценивать как важный шаг в направлении установления дифференцированной ответственности соучастников и прикосновенных к преступлению лиц[68].

Ответственность соучастников и лиц, прикосновенных к преступлению, получила закрепление непосредственно в нормах Особенной части Кодекса. Так,

---

[66] См.: Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к столетию со дня принятия). С. 72–73.

[67] Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 80. Ст. 153.

[68] См.: *Малахов О.В.* Институт соучастия в уголовном праве России 1917–1926 гг.: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 149.

ст. 68 УК РСФСР 1922 г. содержала самостоятельный состав укрывательство и пособничество по государственным преступлениям (ст. 57–67), если эти действия не были связаны с непосредственным совершением основного деяния или совершались при неосведомленности о его конечных целях. Такое законодательное решение позволяло дифференцировать ответственность: от суровых мер за активное участие в антисоветской деятельности до менее строгих наказаний за прикосновенность к ней.

Причастность к вооруженной преступности в Кодексе выделялась особо: ст. 76 УК РСФСР 1922 г., предусматривая наказание за организацию и участие в бандах, выделяла в отдельные виды преступлений пособничество и укрывательство как самих участников банды, так и добытого преступным путем имущества. Наказание за них были практически тождественны наказанию за непосредственный бандитизм, что подчеркивало их высокую общественную опасность.

В самостоятельный состав было выделено недонесение о государственных преступлениях (ст. 89), которое рассматривалось как пассивное содействие контрреволюционной деятельности. Ответственность за посредничество и укрывательство взяточничества предусматривалась ст. 114 УК РСФСР 1922 г.

Таким образом, на данном этапе множественность лиц в преступлении получила в большей степени отражение в Особенной части Кодекса, в которой была отражены та или иная совместная деятельность (ответственность за участие в контрреволюционных преступлениях) и деяния отдельных соучастников (например, в ст. 75 предусматривалась ответственность за участие в массовых беспорядках)[69].

Конструирование специальных составов в Особенной части УК РСФСР 1922 г. фактически трансформировало указанные деяния в самостоятельные преступления (delictum sui generis), что юридически обособило их от общего института соучастия.

---

[69] См.: Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к столетию со дня принятия). С. 73.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.[70] (далее – УК РСФСР 1926 г.) продолжил формирование института соучастия и других видов множественности лиц в преступлении. Так, в ст. 17 Кодекса дано более четкое разграничение исполнителей как лиц, непосредственно совершивших преступление, и иных соучастников (пособников и подстрекателей), хотя оценка их действий по-прежнему основывалась на трех критериях, заложенных УК РСФСР 1922 г. Важным нововведением стало появление в Общей части нормы о том, что недонесение наказуемо лишь в случаях, специально указанных в Кодексе (ст. 18)[71], что ограничивало его применение и подчеркивало исключительный характер.

Как и прежде, законодатель не только формулирует общие положения о соучастии, но и конструирует специальные составы о различных формах совместной преступной деятельности и прикосновенности к ней (в частности, в главах о контрреволюционных преступлениях и преступлениях против порядка управления).

В 1920-х гг. в практику стала входить криминализация самого факта вхождения лица в преступное объединение независимо от совершения им конкретных общественно опасных деяний. Статьи 58^4, 58^5, 58^6 и 59^4 УК РСФСР 1926 г. выделяют «участие в организации» и «участие в банде» в самостоятельные оконченные составы преступлений. Тем самым в уголовном праве закрепляется ответственность за так называемое статусное соучастие, где основанием для привлечения к ответственности выступает сам факт членства в группе, преследующей преступные цели (контрреволюционные или общеуголовные), что свидетельствует о признании законодателем повышенной общественной опасности организованных форм соучастия и стремлении предотвратить совершение преступлений в составе преступной группы на более ранних этапах.

---

[70] Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

[71] Статья 58^{12} УК РСФСР 1926 г. предусматривала ответственность за недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных преступлениях, предусмотренных ст. 58^2–58^{10} Кодекса.

Особого внимания заслуживает подход законодателя к дифференциации уголовной ответственности в зависимости от ролевых функций соучастников непосредственно в статьях Особенной части Кодекса. Наиболее наглядно это представлена в ст. 59^2 («Массовые беспорядки») УК РСФСР 1926 г. Норма содержит градацию субъектов преступления на четыре категории: 1) организаторы и подстрекатели; 2) прочие вооруженные участники; 3) невооруженные участники; 4) лица, содействовавшие участникам (пособники и укрыватели). Для каждой из названных групп установлен свой предел наказания (от расстрела до краткосрочного лишения свободы), что нивелировало необходимость обращения правоприменителя к общим правилам назначения мер социальной защиты при соучастии.

Вместе с тем в нормах о наиболее опасных государственных преступлениях наблюдается тенденция к юридическому отождествлению соучастия и прикосновенности. Так, ст. 59^4 («Бандитизм») устанавливает, что пособничество бандам, их укрывательство, а равно сокрытие добытого и следов преступления влекли те же меры социальной защиты, что и непосредственная организация или участие в банде (вплоть до высшей меры).

Примечательно, что законодатель вводит в некоторые составы негативный признак – «неосведомленность о конечных целях» (ст. 58^2, 58^{12} УК РСФСР 1926 г.).

В отличие от дореволюционного законодательства в УК РСФСР 1926 г. отсутствовала самостоятельная норма об ответственности за попустительство – оно либо трансформировалось в должностное преступление (бездействие власти – ст. 111 и 112 УК), либо, при наличии активного поведения, признавалось пособничеством.

Переломным моментом в систематизации норм о соучастии стали Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.[72] (далее – Основы уголовного законодательства). Главным и наиболее важным для развития соучастия и множественности лиц в преступлении видится включение в

---

[72] Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1.

определение соучастия субъективного признака (ст. 17), подчеркивающего, что соучастники действуют умышленно («умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления»). Благодаря этому стало возможным разграничить между собой два вида множественности лиц в преступлении – соучастие и неосторожное сопричинение вреда[73]. Тем самым, казалось бы, была устранена правовая неопределенность в понятии соучастия, которая влекла различное его понимание на практике.

Из ст. 17 Основ уголовного законодательства следовали три признака соучастия. Во-первых, количественный признак – должно быть как минимум два лица; во-вторых, качественный признак – эти лица должны действовать совместно; в-третьих, субъективный признак – соучастники действуют умышленно.

Таким образом, для признания деяния, совершенного в соучастии, требовалось доказать наличие двусторонней субъективной связи, которая предполагает осознание соучастниками совместности действий и желание действовать сообща. Все остальные случаи совместного причинения вреда, где такой связи не было, выводились за рамки института соучастия, представляя собой другие виды множественности лиц в преступлении, не получившие еще законодательной регламентации.

Впервые на законодательном уровне был четко очерчен круг видов соучастников, включающий не только исполнителя, подстрекателя и пособника, но и организатора. Принципиально важным было указание на необходимость учета судом характера и степени участия каждого соучастника при назначении наказания, что окончательно утвердило принцип индивидуализации.

Основы уголовного законодательства посвятили отдельные статьи укрывательству (ст. 18) и недонесению (ст. 19). Фактически было признано, что укрыватель и недоноситель посягают на иной объект – на интересы правосудия, а не на тот объект, которому причиняет вред основной преступник. Уточнение юридической природы прикосновенности осуществлялось посредством введения

---

[73] См.: *Курсаев А.В.* Неосторожное сопричинение в российском уголовном праве. М., 2015. С. 101.

дополнительных признаков в состав преступления: ответственность за укрывательство наступала только при условии, что оно заранее не обещано, что позволяло отграничить деяние от пособничества в преступлении. Обязательным условием ответственности за недонесение стало наличие у лица достоверного знания о готовящемся или совершенном деянии.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.[74] (далее – УК РСФСР 1960 г.), разработанный на базе Основ уголовного законодательства, в гл. 3 «О преступлении» консолидировал нормы о множественности лиц в преступлении, сохранив определение соучастия и перечень видов соучастников из союзного законодательства. Новый закон сделал совершение преступления «группой лиц» или «группой лиц по предварительному сговору» универсальным квалифицирующим признаком, значительно повышающим общественную опасность деяния. Эти квалифицирующие признаки использованы законодателем при конструировании разных составов преступлений. Например, в составах хищений государственного или общественного имущества (ст. 89–93 УК РСФСР 1960 г.), преступлений против личной собственности граждан (ст. 144, 145, 146 УК РСФСР 1960 г.), а также в преступлениях против личности (ч. 2 ст. 117 УК РСФСР 1960 г.). Тем самым законодатель последовательно провел идею о том, что объединение усилий нескольких лиц качественно меняет характер содеянного, требует более строгого наказания.

Существенным дополнением Кодекса стало введение ст. 17^1, посвященной совершению преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. В ней нашло воплощение учение А.Н. Трайнина о соучастии (простое соучастие; соучастие, квалифицированное с предварительным соглашением соучастников и соучастие особого рода, т.е. преступное объединение)[75], а также идей А.А. Пионтковского (соучастие без предварительного соглашения и соучастие с предварительным соглашением, которое, по действующему законодательству, может быть простым соучастием с

---

[74] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
[75] См.: *Трайнин А.Н.* Избранные труды. СПб., 2004. С. 164.

предварительным соглашением, организованной группой и преступной организацией или бандой)[76]. Теория, развивавшаяся на протяжении десятилетий, нашла законодательное выражение, которая с незначительными изменениями легла в основу Уголовного кодекса РФ.

Наряду с квалифицирующими признаками, Кодекс сохранил и усовершенствовал нормы об ответственности за организационную деятельность (ст. 72 «Организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации», ст. 77 «Бандитизм», ст. 79 «Массовые беспорядки»).

Укрывательство и недонесение также сохранили свое самостоятельное законодательное закрепление в нормах Особенной части (ст. 189 и ст. 190 УК РСФСР 1960 г.), ответственность за попустительство самостоятельно не регламентировалась.

Резюмируем изложенное.

1. В развитии законодательства об уголовной ответственности за совершение преступления множественностью лиц можно выделить четыре этапа:

первый (середина XVII в. – первая половина XIX в.) – характеризуется отсутствием в законодательстве общих норм о множественности лиц и о соучастии;

второй (1845–1917) – на законодательном уровне описаны ролевые функции соучастников (от зачинщика до пособника); впервые юридически разграничены соучастие и прикосновенность;

третий (1917–1958) – множественность лиц получила отражение преимущественно в Особенной части Уголовных кодексов РСФСР 1922 и 1926 гг.;

четвертый (1958–1996) – впервые в законодательных актах закреплена дефиниция соучастия, определена роль организатора; виды прикосновенности указаны в главе о преступлениях против правосудия.

2. Развитие законодательства о множественности лиц в преступлении демонстрирует последовательное движение от общих формулировок к более

---

[76] См.: *Пионтковский А.А.* Указ. соч. С. 563.

детальной регламентации, отражающей как теоретические достижения науки уголовного права, так и практические потребности борьбы с преступностью. В результате этого:

1) закреплено понятие соучастия и его признаков (умышленность, совместность, участие двух и более лиц);

2) определены виды соучастников, включая организатора;

3) реализован принцип индивидуализации ответственности соучастников;

4) осуществлено законодательное разграничение соучастия и прикосновенности (укрывательства и недонесения);

5) выделены квалифицирующие признаки, связанные с совершением преступления группой лиц или организованной группой.

Указанные обстоятельства заложили прочную основу для современного российского уголовного законодательства о совместной преступной деятельности нескольких лиц.

§ 2. Становление и развитие теории множественности лиц в преступлении в науке уголовного права

Становление учения о множественности лиц в преступлении в российской дореволюционной науке представляло собой постепенный процесс концептуализации различных форм совместной преступной деятельности и отграничения от нее смежного преступного поведения, начальные этапы которого нашли отражение уже в первом учебнике по уголовному праву О.И. Горегляда 1815 г.[77] Автором не использовалось понятие «множественность лиц в преступлении», но он выделил «виновных в преступлении», к которым отнес тех, кто совершил преступление и прикосновенных к нему. Используя современную терминологию, можно сказать, что к таковым О.И. Горегляд относил соучастников и лиц, прикосновенных к преступлению.

---

[77] *Горегляд О.И.* Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще.

О.И. Горегляд объединил лиц, прикосновенных к преступлению, и лиц, совершивших деяние, единым понятием «виновные в преступлении», однако при этом он подчеркивал необходимость отделять одних от других, причем устанавливать, преступление «учинено ли оно одним или многими» лицами, а в случае, если оно совершено несколькими лицами, различать «зачинщиков или главных исполнителей оного, от участников и благоприятствовавших оному»[78].

К «зачинщикам или предводителям сговора» О.И. Горегляд относил всех тех, кого в современном уголовном праве называют организатором преступления, включая руководителей; к «участникам или сообщникам заговора» – тех, кто содействовал виновному в совершении преступления по заговору и исполнял дело под руководством зачинщиков и главных предводителей[79], т.е. пособников. Последних он определяет как лиц, «кто принимают в нем участие, без которых, однако же, оно могло совершиться или уже совершилось, то есть или к совершению способствуют словами, письмом, делом, или упущением доноса, или же по совершении преступления каким-либо образом благоприятствуют преступнику»[80].

Прикосновенных к преступлению О.И. Горегляд объединяет термином «виновные в преступлении», наряду с лицами, совершившими его. К лицам, совершившим преступление, он относит исполнителей и посредственных исполнителей, подстрекателей и пособников[81].

Вторую группу лиц составляют прикосновенные к преступлению, в числе которых автор выделяет недоносителей, укрывателей и лиц, использующих результаты преступления[82].

Участников преступления и благоприятствующих преступлению О.И. Горегляд разделял на ближайших и отдаленных, что имело значение для назначения наказания (см. табл. 1).

---

[78] Там же. С. 6.
[79] См.: *Горегляд О.И.* Указ. соч. С. 8.
[80] Там же. С. 9.
[81] См.: там же. С. 6.
[82] См.: там же.

Таблица 1

Сравнение критериев отнесения участников преступления
и благоприятствующих преступлению к ближайшим
и отдаленным по О.И. Горегляду[83]

Ближайшие участники и благоприятствующие преступлению	**Отдаленные участники и благоприятствующие преступлению**
Кто о средствах, случае и разных обстоятельствах, относящихся к совершению преступления, подали преступнику наставление, **которым он воспользовался** – интеллектуальное пособничество	Кто помогал преступнику советом, **которым он от части только воспользовался** – интеллектуальное пособничество
Кто доставляли средства или орудия **к произведению самого преступления** – материальное пособничество	Кто доставлял преступнику такие средства и орудия, которые **служили только к предуготовительным или прикосновенным деяниям или же к таким предприятиям, исполнение которого наступало после главного деяния,** – материальное пособничество
Кто **во время самого преступления** непосредственно участвовал в его совершении (исполнитель) или же способствовал ему, стоя на страже или на вестях, также отнятием средств к обороне – пособник	Кто **прежде совершения преступления** какую-либо помощь оказал преступнику или требование его исполнил; что хотя не прямо клонилось к самому преступлению, однако было предуготовлением к нему – пособник
Кто, **зная** о чьем-то злом намерении, **невоспрепятствовал ему** (попуститель) **или же не донес о нем** в самоскорейшем времени	Кто **по совершении преступления** не донесли о нем без малейшего замедления (недоноситель), способствовали преступнику к побегу или сокрытию учиненного им преступления; так же кто вещи через преступление приобретенные заведомо приняли, укрыли, купили или другим образом их переводу благоприятствовали (укрыватель)

К ближайшим участникам преступления и благоприятствующим преступлению О.А. Горегляд, по существу, относит пособника, а также лицо,

[83] См.: там же. С. 97–98.

которое, «зная о чьем-то злом намерении, не воспрепятствовал ему или же не донес о нем в самоскорейшем времени»[84]. Последнюю группу нельзя отнести к прикосновенным к преступлению, так как оно еще не совершено, а был только «обнаружен умысел» на совершение преступления.

Отдаленные участники и благоприятствующие преступлению – это лица, которых условно можно назвать «второстепенными» пособниками и прикосновенными к преступлению[85].

О.И. Горегляд, указав на «исключительно личную уголовную ответственность»[86], предпринял попытку теоретически обосновать сложную диалектику соучастия: преступление едино, но ответственность за него строго индивидуальна и зависит от характера и степени участия каждого конкретного лица. Именно стремлением реализовать принцип личной ответственности можно объяснить его попытки классифицировать соучастников на виды (ближайшие, отдаленные), чтобы дать суду инструмент для определения меры этой ответственности.

Можно считать, что О.И. Горегляд заложил основу для дифференциации соучастия на виды, что следует из системного толкования его взглядов. Так, выделяя сопреступников, т.е. двух и больше лиц, в равной мере содействовавших преступлению или совершивших его, он указывает, что действовали они «без всякого со стороны чьей-либо подущения». Предварительное согласие взаимно действовать автор признает заговором[87].

Анализируя данные положения, Э.В. Георгиевский справедливо указывает на правовую неопределенность понятия «заговор». Текст учебника не позволяет однозначно утверждать, рассматривал ли автор заговор исключительно как форму соучастия (предварительный сговор) или же видел в нем самостоятельный состав

---

[84] См.: *Горегляд О.И.* Указ. соч. С. 97.
[85] См.: *Горегляд О.И.* Указ. соч. С. 98.
[86] См.: там же. С. 10.
[87] См.: там же. С. 7.

преступления (sui generis)[88]. В пользу концепции заговора как самостоятельного преступления свидетельствует содержание § 17 учебника О.И. Горегляда, где приводится специальная терминология для участников – «зачинщики», «предводители» для всех, кто дал повод к «составлению заговора и исполнили его, также кто составляли планы для произведения в действо преступного намерения, назначали всякому из соучастников свое дело и повелевали при самом совершении преступления»[89]. Однако уже в § 18 данного учебника, используя конструкцию «преступление по заговору», автор фактически сводит его к форме соучастия. Такая формулировка подразумевает, что заговор выступает лишь способом организации и совершения основного преступного посягательства.

Нам представляется, что, описывая конструкцию «заговора», О.И. Горегляд пытался отразить специфику явления, которое в современной доктрине именуется организованной группой или преступным сообществом. Вероятно, под «заговором» автор понимал не просто квалифицированный вид соучастия (сговор), а сложную форму совместной преступной деятельности, где функциональное различие между действиями участников стирается ввиду их сплоченности и нацеленности на общий результат.

Таким образом, О.И. Горегляд к виновным в преступлении относил как лиц, совершивших его, так и прикосновенных к нему, однако отмечал необходимость различать эти группы лиц в связи с назначением наказания. Множественность лиц в его представлении составляло соучастие и прикосновенность к преступлению.

Значительный вклад в доктринальное осмысление учения о множественности лиц в преступлении в первой четверти XIX в. внес Г.И. Солнцев, который примерно в тот же период несколько иначе определял множественность лиц в преступлении, хотя тоже еще не использовал эту терминологию. Он писал, что всякое преступление совершается «одним или многими лицами». Последних он делил на: 1) непосредственно и 2) посредственно совершающих преступление. В первую

---

[88] См.: *Георгиевский Э.В.* Институт совместного совершения преступления в доктрине русского дореволюционного уголовного права. Иркутск, 2024. С. 60.

[89] *Горегляд О.И.* Указ. соч. С. 8.

группу включал тех, кто совершает преступление самостоятельно, без помощи и содействия других лиц, указывал на форму вины – лица действуют «злоумышленно». Во вторую группу входили «те, кои к произведению в действо какого-либо преступления непосредственному виновнику оного способствуют, посредственно содействуя к тому или физическими, или нравственными своими силами»[90]. Для обозначения этой категории Г.И. Солнцев вводит в научный оборот и активно использует термины «сообщники» или «соучастники».

Соучастие ученый понимал как осуществленное различным образом способствование совершению какого-либо преступления положительно или содействие ему отрицательно. Первое означало содействие «главному виновнику совершить замышленное им преступление», а второе – «упущение мер, могших главного соумышленника отклонить от совершения преступного деяния, дает ему повод совершить оное; или по учиненном им уже преступление, упустил законные меры к преданию его за содеянное в руки правосудия»[91].

Автор приводит перечень «отличительных видов соучастия или сообщничества в преступлениях»:

– принятие участия в заговоре (сговор на совершение преступления);

– приказание для содеяния преступления (властное побуждение к действию);

– наем, поручение или назначение (использование других лиц за вознаграждение или в силу служебных отношений);

– «советование» противозаконного деяния (интеллектуальное пособничество путем дачи советов);

– убеждение к учинению преступления (психологическое воздействие, склонение);

– действительное вспомоществование при совершении оного (физическое содействие непосредственно в момент исполнения преступления);

– соучастие в выгодах, от содеяния оного получаемых (корыстная заинтересованность, получение доли от преступного дохода);

---

[90] *Солнцев Г.И.* Российское уголовное право. С. 84.

[91] См.: там же.

– укрывание преступника или преступного поличного (сокрытие лица или следов преступления);

– недонесение об известном умысле или о воспоследовавшем преступлении (пассивное сокрытие информации);

– невоспрепятствование к совершению преступления, когда оное отвратить было возможно (попустительство);

– одобрение противозаконных деяний[92].

Указанная классификация примечательна тем, что она, во-первых, объединяет в одном перечне действия организаторов, подстрекателей, пособников, а также прикосновенных лиц (укрывателей, недоносителей); во-вторых, свидетельствует о том, что доктрина вновь широко трактует соучастие, включая в него прикосновенность к преступлению в виде недонесения о преступлении и непредотвращение преступления на стадии обнаружения умысла. Кроме того, словосочетание «замышленное преступление» создает впечатление, что соучастие автор видит только в умышленных преступлениях. Однако Г.И. Солнцев дифференцирует соучастие на умышленное и неумышленное. Основываясь на приведенных примерах, можно заключить, что, например, речь идет о неумышленных действиях иных соучастников. Автор описывает ситуацию, когда в ходе «обоюдных ссор и драк» лицо, «не размыслив о причине ссоры», руководствуясь узами «родства или дружбы», присоединяется к одному из участников под «благовидным предлогом подания помощи». В этой связи под «неумышленным соучастием» он понимал не совместное совершение неосторожного преступления, а ситуацию, когда к умышленным действиям одного лица присоединяются другие лица, чья вина по отношению к наступившему результату носит неосторожный характер.

Разграничив умышленное и неумышленное соучастие, Г.И. Солнцев фактически указал на существование сложной формы совместной деятельности,

---

[92] См.: *Солнцев Г.И.* Указ. соч. С. 87–88.

где отсутствует субъективная связь, характерная для соучастия, но имеется объективная связь действий нескольких лиц и единый преступный результат.

Проводя параллель с современной доктриной, можно утверждать, что Г.И. Солнцев описал один из видов множественности лиц в преступлении, который сегодня выделяется в самостоятельную категорию, отличную от соучастия. Ученый верно заметил, что совместная преступная деятельность не исчерпывается классической моделью соучастия с единым умыслом. Его концепция «неумышленного соучастия» фактически является ранней формой теоретического осмысления того, что сейчас именуется «неосторожным сопричинением» или «многосубъектным преступлением без признаков соучастия».

В отличие от О.И. Горегляда, Г.И. Солнцев выделил несколько классификаций видов соучастия. Первая из них основана на времени действия соучастников по отношению к преступлению: предшествующее, сопутствующее и последующее. Критерием второй классификации выступает значение для совместно совершаемого преступления «вклада» соучастника: главное и менее главное (или побочное). Еще одна классификация предусматривала деление соучастия на непосредственное или ближайшее. В этом случае за основу брались действия, непосредственно способствующие совершению какого-либо преступления.

Соучастие посредственное, или отдаленное, представляет собой помощь в совершении преступления советом, обещание содействия либо предоставление средств для совершения деяний, которые ускоряют учинение преступления[93].

Г.И. Солнцев среди сообщников выделял:

1) непосредственных исполнителей какого-либо преступления, которые в российском законодательстве того времени именовались «главными преступниками», а именно:

– непосредственных виновников, совершивших преступление;

– виновников посредствующих, «кои деятельность свою употребляют на другия лица к произведению какого-либо преступления», которых делил:

---

[93] См.: *Солнцев Г.И.* Указ. соч. С. 87.

а) на умодеятельных виновников (auctores delicti intellectuales – интеллектуальные исполнители) – лиц, которые не совершают преступление лично, но используют для этого других, побуждают к деянию посредством приказов, угроз, убеждений или обещания награждения (в современной доктрине – организаторы и подстрекатели);

б) самодеятельных виновников (delicti auctores physici – физические исполнители) – лиц, которые непосредственно реализуют объективную сторону преступления лично по приказу или под влиянием угроз, убеждений, подкупа. Примечательно, что и те, и другие несут одинаковое наказание по российскому законодательству;

2) тех, кто в заведомо известном преступлении, главным зачинщиком замышленном, физически или интеллектуально участвуют в нем своими силами, например в нанесении побоев, ран, увечий, нарушении чьей-либо чести, убийстве кого-либо или увозе, осуществлении бунта и проч. Автор именуют их:

– соучастниками или помощниками особенными (socii speciales) и соучастниками по уговору (socii ex coinpacto) – лицами, действующими по предварительному сговору;

– общими (socii generates) и таковыми по случаю (socii accidentales, non ex compacta) – лицами, присоединившимися к преступлению ситуативно, без предварительного соглашения[94].

Отдельно Г.И. Солнцев выделяет «особый род соучастия» – благоприятствование преступлениям и преступникам («оказание похлебства и покровительства кому-либо»[95]). Речь идет о деянии после совершения преступления, т.е. прикосновенности к нему. В качестве примера автор приводит «пристанодержательство» (укрывательство) беглых людей, воров и разбойников, совершаемое из корыстных побуждений или из желания оказать им свое мнимое снисхождение, укрывательство фальшивомонетчиков, обеспечение воров и разбойников жизненными припасами, укрывательство краденных вещей,

---

[94] См.: *Солнцев Г.И.* Указ. соч. С. 88–90.
[95] См.: там же. С. 90.

скупщиков краденого и недоносительство о местонахождении воров, разбойников и их укрывателей, а также о местах хранения краденого имущества[96].

Таким образом, Г.И. Солнцев уточнил терминологию, предложил более совершенную классификацию ролей соучастников и, что самое важное, развил идею сговора от частного случая до общего критерия классификации. Кроме того, автор существенно расширил предмет исследования, впервые поставив вопрос о неумышленных формах совместного причинения вреда.

Существенный вклад в исследование совместной преступной деятельности в первой половине XIX в. внес П.Н. Гуляев, чья работа представляет собой систематизацию действующих законов и положений, многие из которых восходят к Соборному уложению 1649 г.[97]

Исследуя «смертоубийство скопом и заговором», П.Н. Гуляев обращает внимание на необходимость дифференциации ответственности. Опираясь на ст. 198 гл. X Соборного уложения, последовательно проводит разграничение между непосредственными исполнителями убийства и их «товарищами». В случае, кто, умышленно сговорясь, скопом придут и причинят убийство, подлежат смертной казни, а их товарищи за соучастие – телесным наказаниям[98]. В этом аспекте взгляды П.Н. Гуляева перекликаются с позицией О.И. Горегляда, также настаивавшего на необходимости выделения «главных виновных». Однако заслуга П.Н. Гуляева заключается в том, что он свою мысль подтверждал анализом конкретных составов преступлений, доказывая, что даже в условиях объективного вменения («скоп») степень наказания должна зависеть от функциональной роли лица и его вклада в причинение смерти.

Автор использовал расширительное толкование соучастия, включал в него недоносительство и укрывательство. Анализируя нормы о «беглых и пристанодержательстве» (§ 210) и скупке краденого (§ 237), фактически

---

[96] См.: *Солнцев Г.И.* Указ. соч. С. 90–91.

[97] См.: *Гуляев П.Н.* Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений. М., 1826.

[98] См.: там же. С. 112–113.

воспроизводил логику Соборного уложения (ст. 59–65 гл. XXI), согласно которой пассивное содействие преступлению приравнивалось к его совершению.

Особого внимания заслуживает то, что П.Н. Гуляев одним из первых в отечественной правовой доктрине ввел в научный оборот термин «соучастие», которым обозначил вид множественности. Кроме того, предпринял попытку сформулировать единую дефиницию всех видов совместной преступной деятельности, определяя последнюю как «особый род преступления», понимая под ней «принятие участия в совершении злого намерения и способствовании к исполнению его словами, письмом, действиями и необъявлением о том Правительству»[99]. Констатируя, что по многим существующим узаконениям ответственность соучастников «признается за одинаковое с самими совершителями», П.Н. Гуляев противопоставляет этому архаичному подходу позицию Наказа Екатерины II (ст. 209), согласно которой преступления соучастников «почитаются не столь великими», как действия самих исполнителей.

П.Н. Гуляев обосновывал тезис о том, что наказание сообщников должно быть «не столь великим», как наказание исполнителей. Впоследствии Уложение 1845 г. законодательно закрепило иерархию соучастников с соответствующей градацией наказания.

Многие из выделенных им аспектов (разграничение ролей в насильственных преступлениях, смягчение наказания второстепенных соучастников, институт явки с повинной) получили развитие в современной теории уголовного права.

К середине XIX в. российская уголовно-правовая наука подошла к новому этапу теоретического осмысления множественности лиц в преступлении. А.С. Жиряев, чья работа 1850 г. знаменует собой качественный скачок в развитии учения о множественности лиц в преступлении, ввел в научный оборот универсальный термина «стечение нескольких лиц в одном преступлении», под которым понимал «такое нескольких лиц к одному и тому же преступлению отношение, вследствие коего каждое из них является или заведомо участвовавшим

---

[99] См.: *Гуляев П.Н.* Указ. соч. С. 19.

в его совершении, или же учинившим другое какое-либо противозаконное деяние, но по поводу и в интересах первого»[100].

Автор разделил «стечение» на два самостоятельных правовых института, чего не было в учениях его предшественников:

– участие в преступлении;

– прикосновенность к преступлению.

Участниками признавались те, кто заведомо участвовал в совершении одного или нескольких преступлений. Они, в свою очередь, охватывали главных виновников (интеллектуальные виновники – подстрекатели, физические виновники – исполнители) и пособниковека Ученый подчеркивал, что состав участников в преступлении один из сложнейших и дискуссионных вопросов в «Уголовной Юриспруденции»[101].

В науке того времени было два подхода к разрешению этого вопроса. Согласно первому из них все участники преступления сливались в одну группу и признались равно виновными; согласно второму – соучастники дифференцировались в зависимости от рода и степени их участия, что должно было влиять на уголовно-правовые последствия совершенного преступления.

Ученый был приверженцем второго подхода. Стечение нескольких главных виновников в одном преступлении называл совиновничеством, которое подразделял по характеру действий в преступлении («исключительно интеллектуальное или преимущественно физическое») на подстрекателей и физических виновников. Другим критерием деления совиновников на виды называл способ или повод соединения главных совиновников в одно преступное сообщество, которое могло существовать в виде скопа, заговора или шайки.

А.С. Жиряев сформулировал три существенные черты главных виновников:

– вменяемость юридическая – виновный должен действовать осознанно и свободно;

---

[100] *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 15.
[101] См.: там же. С. 3.

– вменяемость фактическая – должна быть причинная связь между действиями главного виновника и наступившими последствиями, составляющими преступление;

– вменяемость полная – противоположность неполной вменяемости при пособничестве.

Он одним из первых в отечественной науке показал, что для квалификации действий группы лиц ключевое значение имеет фигура исполнителя, который должен полностью соответствовать требованиям закона к субъекту данного преступления, в то время как ответственность других соучастников определяется их функциональной ролью, а не обязательным наличием у них специальных признаков.

Рассматривая интеллектуального виновника (подстрекателя), А.С. Жиряев считал, что он появляется только тогда, когда физического виновника удалось склонить к совершению преступления, и последний сделал что-то противозаконное[102]. Современный законодатель и Пленум Верховного Суда РФ восприняли эту позицию. Существенными чертами подстрекателя ученый признавал:

– умышленный характер его интеллектуальной деятельности, неосторожное подстрекательство не влечет уголовной ответственности[103];

– использование таких средств, которые способны породить у другого лица решимость совершить преступление;

– отсутствие у физического виновника желания совершить преступление до действий подстрекателя;

– покушение или преступление физическим виновником должно быть совершено вследствие действий подстрекателя.

Заслуживающим внимания выглядит позиция, касающаяся субъективных признаков. Ученый полагал, что всякое участие и прикосновенность к

---

[102] См.: *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 53.
[103] См.: *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 55.

преступлению должны быть «сознательным, заведомым и умышленным»; он отвергал мнение криминалистов, допускавших «совиновничество, подстрекательство и попустительство» вследствие преступной неосторожности. Однако при этом замечал, что вхождение «в соучастие и прикосновенность в преступление» должно быть умышленным, а вот совершенное преступление может быть и неосторожным[104].

Кроме того, автор пишет о «сообщаемости вины» (в современном понимании речь идет о двухсторонней связи между участниками преступления – соучастниками) и «односторонней сообщаемости вины» в прикосновенности к преступлению.

Как отмечает ученый, «основная истина, относящаяся к понятию стечения преступников вообще, состоит в том, что подстрекательство, пособничество, попустительство, укрывательство и недонесение без наличия главного преступления, или по крайней мере покушения на главное преступление, если и могут быть признаваемые виновными, то не как особенные виды стечения, но как отдельные самостоятельные противозаконные деяния, наказуемые без всякого отношения к главному преступлению, которое почему-то не состоялось»[105].

А.С. Жиряев сформулировал правило квалификации деяния при неудавшемся соучастии и подчеркнул акцессорный характер последнего. Неудавшееся соучастие («бесплодное» подстрекательство) образует, по его мнению, приготовление к преступлению, а нередко – просто обнаруженный умысел[106].

По утверждению автора, пособники должны подлежать меньшему наказанию, чем главные виновники[107].

Ученый впервые рассматривает эксцесс физического виновника и вопросы ответственности подстрекателя. В вину последнему вменяется лишь то, что «составляет предвиденное им или, по крайней мере, предвидимый (или который он

---

[104] См.: там же. С. 36.
[105] *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 39–40.
[106] См.: там же.
[107] См.: там же. С. 51, 97.

мог или обязан был предвидеть) результат заведомого, интеллектуального его действия на душу первого». Если уклонение мог или обязан был предвидеть подстрекатель и если оно не было следствием собственной, самостоятельной решимости физического виновника, то оно должно вменяться подстрекателю в «виновную неосторожность»[108].

Это утверждение интересно несколькими моментами. В работе рассматриваются особенности ответственности соучастников, в частности эксцесс физического виновника (исполнителя, в терминологии УК РФ). Причем выделено два вида эксцесса, которые не получили еще названий, используемых в современной доктрине. Кроме того, последовательно подчеркивается, что подстрекатель может подлежать ответственности за «виновную неосторожность».

Еще одним участником преступления признается пособник – лицо, которое интеллектуально или физически помогало главному виновнику в совершении умышленного преступления или покушения на него. По А.С. Жиряеву, пособничество:

– должно быть «заведомым», как и любое участие в совершении преступления;

– может быть только в умышленных преступлениях, «невозможно заведомое пособничество в неосторожных преступлениях»[109];

– бывает интеллектуальным и физическим;

– представляет собой положительные действия, отрицательные, т.е. невоспрепятствование преступлению, не относится к нему. Исключением будет ситуация, в которой главный виновник договорился с будущим пособником о невыполнении его обычных обязанностей, которое позволило совершить преступление другому лицу.

Ученый, по сути, завершил классификацию форм совместной деятельности, начатую предшественниками, выделив:

– скоп (без предварительного соглашения);

---

[108] Там же. С. 69.
[109] *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 87.

– заговор (с предварительным сговором);

– шайку (совершение преступления как ремесло)[110]. «Отличие шайки от сообщества обыкновенных заговорщиков состоит не в количестве преступников, а в неопределенности числа и предмета предполагаемых преступлений»[111]. А.С. Жиряев признавал возможным существование шайки, состоящей из двух человек.

Предложенная классификация стала классической для российской доктрины, легла в основу выделения видов и форм соучастия в законодательстве XX–XXI вв.

Формулируя правила квалификации действий участников, А.С. Жиряев писал, что само образование шайки и вступление в нее, хотя эти действия и представляют собой приготовление к преступлению, «по причине опасности содержащихся в них для спокойствия граждан»[112] признаются преступлением. Кроме того, участники шайки подлежат ответственности за совершенные ими деяния.

Прикосновенность к преступлению, именно этот термин употребляет А.С. Жиряев, охватывала укрывателей, попустителей и не донесших о содеянном уже другим лицом преступления[113].

Нельзя не отметить, что автором много внимания уделено правилам индивидуализации наказания при стечении множества лиц в преступлении.

В.Д. Спасович расширил классификацию множественности лиц в одном преступлении, выделив:

– необходимое (участие нескольких лиц в преступлении обусловлено характером преступления, без соучастия оно немыслимо; не может быть совершено одним лицом, например, поединок) и возможное стечение (участие не составляет необходимого условия преступления);

– содействие предшествующее и последующее за преступлением;

---

[110] См.: там же. С. 103.
[111] Там же. С. 121.
[112] *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 124.
[113] См.: там же. С. 16.

– участие и прикосновенность;

– главных виновников, т.е. лиц, совершивших преступление (физические и интеллектуальные (умственные, психические) виновники или подстрекатели) и второстепенных или пособников, т.е. лиц, способствующих, помогавших и содействующих преступлению, совершаемому другим лицом (физические и интеллектуальные (умственные) пособники)[114].

Данная классификация во многом повторяет классификацию, предложенную А.С. Жиряевым. Однако В.Д. Спасович выделяет особый вид множественности – необходимое соучастие, присущее сложным двусторонним и трехсторонним преступлениям. Классический пример – получение и дача взятки (ст. 290 и 291 УК РФ), а также посредничество во взяточничестве (ст. 291[1] УК РФ).

А.Ф. Кистяковский, заимствовав у В.Д. Спасовича ключевую идею о делении участия в преступлении на необходимое и случайное, уточнил, что необходимое участие имеется тогда, когда законодателем состав сформулирован так, что преступление может быть совершено только двумя лицами, каждое из которых подлежит уголовной ответственности. В качестве примера таких преступлений автор приводит подкуп. Случайное, факультативное участие не составляет необходимого признака какого бы то ни было преступления; последнее может быть совершено как одним, так и несколькими лицами[115].

Новаторским стал тезис о том, что эти виды множественности лиц не изолированы друг от друга: необходимое участие может быть отягчено случайным. Этим А.Ф. Кистяковский подчеркнул, что преступление, требующее участия двух лиц (например, взяткодателя и взяткополучателя), может сочетаться с обычными видами соучастников, например, когда подстрекатель склонил обоих участников подкупа к его совершению.

При классификации случайного участия ученый во многом следовал устоявшимся по этому вопросу взглядам, разделял его на главное (виновничество),

---

[114] См.: *Спасович В.Д.* Указ. соч. С. 162–168.

[115] См.: *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть. Киев, 1875. С. 191.

второстепенное (пособничество) и «добавочное», под которым он, как и его предшественники, понимал прикосновенность к преступлению.

Таким образом, вклад А.Ф. Кистяковского в учение о множественности лиц в преступлении заключается в его уточнении, основывающемся при этом на нормах уголовного законодательства, и гармоничном соединении его с функциональной классификацией соучастников, разработанной А.С. Жиряевым.

К концу XIX в. российская уголовно-правовая наука, казалось бы, выработала единую позицию о разграничении соучастия и прикосновенности к преступлению. Однако последующие десятилетия были отмечены не только уточнением деталей, но и появлением принципиально новых, а порой и радикальных концепций, которые поставили под сомнение предшествующие достижения науки уголовного права по проблеме множественности лиц в преступлении.

Одной из наиболее заметных попыток переосмысления устоявшихся взглядов стала позиция Г.Е. Колоколова, рассматривающего соучастие как «отношение нескольких лиц к единичному результату, при котором каждое из них виновным образом обусловливает этот результат посредством известного положительного действия»[116]. В противовес господствовавшей доктрине, настаивавшей на умышленном характере совместной деятельности соучастников, ученый допускал «неосторожное соучастие», говоря о «единении воли», «известном обоюдном влиянии» и «взаимном интеллектуальном воздействии», которое неизбежно в неосторожных преступлениях[117].

Противоположного подхода придерживался Л.Е. Владимиров, предложивший классическую модель соучастия, в центре которой находится «соглашение». Он характеризовал его как «соглашение нескольких лиц совершить общими силами определенное или несколько, наперед не определенных, преступлений»[118]. Автор отделял от соучастия случаи «неосторожного участия»

---

[116] *Колоколов Г.Е.* О соучастии в преступлении. М., 1881. С. 51.

[117] См.: там же. С. 50.

[118] *Владимиров Л.Е.* Учебник русского уголовного права: Общая часть. Харьков, 1889. С. 109.

ввиду отсутствия соглашения как предварительного, так и не предварительного, а также «необходимое участие», когда действие нескольких лиц подразумевается составом преступления (например, дуэль)[119].

В продолжение концепции А.С. Жиряева Г.Е. Колоколов исключал из соучастия прикосновенность к преступлению (попустительство, недонесение, укрывательство) даже в тех случаях, когда они были обещаны заранее («деяния эти удерживают за собою характер отдельных преступлений и тогда, когда они соединяются с обещанием, данным преступнику заранее»[120]). При этом он указывал на их «придаточный характер», отмечал, что их нельзя назвать «самостоятельными преступлениями».

Л.Е. Владимиров также не отнес к соучастию благоприятствование преступлению, т.е. прикосновенность. «Прикосновенность – попустительство, недонесение и укрывательство – есть преступная деятельность, наперед не обещанная, а потому и не участвовавшая в совершении преступления»[121].

Наиболее радикальный вызов всей предшествующей доктрине был брошен И.Я. Фойницким и его сторонниками, опровергавшими теорию соучастия, поскольку у соучастников нет ни одного и того же состояния преступности, ни одной и той же виновности; каждый из них имеет свое особенное состояние преступности и свою собственную виновность[122]. Последователями такого подхода стали В.В. Есипов, подчеркивающий, что ни количество (совместность), ни качество деятелей (неоднократность) не могут быть возведены в степень особых учений, таких как соучастие и рецидив[123]; С.П. Мокринский, соглашающийся с тем, что если два лица работают совместно ради достижения одной преступной цели, то

---

[119] См.: там же.

[120] *Колоколов Г.Е.* О соучастии в преступлении. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1881. С. 63.

[121] *Владимиров Л.Е.* Учебник русского уголовного права: Общая часть. Харьков, 1889. С. 111.

[122] См.: *Фойницкий И.Я.* Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник. 1891. Т. VII. Кн. 1. № 1. С. 3–28.

[123] См.: *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая: преступление и преступники: наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 147.

каждый из них воспроизводит полностью весь состав преступления, уголовно-правовая норма нарушается дважды, совершаются два преступных деяния[124].

Однако абсолютизация индивидуальной ответственности каждого соучастника, выраженная в формуле «сколько соучастников, столько и преступлений», представляется дискуссионной. Она не учитывает, что действия соучастников, будучи направленными на достижение единого преступного результата, образуют объективную сторону одного и того же преступления, несмотря на различный вклад каждого из них в его совершение. С точки зрения уголовного закона ошибочно полагать, что два соучастника, совершившие тайное хищение чужого имущества, совершили две разные кражи.

На фоне столь радикального подхода, поставившего под сомнение само существование института соучастия, особую значимость приобретает позиция Н.С. Таганцева. Он отграничивает соучастие от общего вида стечения виновных, относя к нему лишь те случаи, в которых проявляется солидарная ответственность всех за каждого и каждого за всех[125].

От соучастия Н.С. Таганцев предлагает отграничивать явления, имеющие иную правовую природу:

– совместное привлечение к ответственности; однородность обвинения, за которое одновременно привлечено к ответственности несколько лиц, сама по себе не дает права признать их соучастниками;

– преступление было последствием действия (или бездействия) двух лиц, одно из которых признано невменяемым, что влечет одновиновничество лица (преступное соучастие может быть только тогда, когда совместно учиненное является преступным по отношению к каждому из соучастников)[126];

– каждое лицо, «вложившееся в событие», действует вполне самостоятельно, его деятельность сопредельна, но не совместна с деятельностью других (например,

---

[124] См.: *Мокринский С.П.* Наказание, его цели и предположения. Ч. 1–3. Каузальный и потенциальный моменты действия. Томск, 1905. С. 533.

[125] См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. С. 739.

[126] См.: там же. С. 737–738.

кто-либо нанес рану другому лицу, а на следующий день раненого задушило другое лицо, действовавшее независимо от первого преступника; несмотря на то что возможность удушения обусловливалась ранением, обессилевшим жертву, каждое из лиц отвечает только за свои действия; аналогичной является ситуация с лицами, одновременно, но независимо друг от друга поджегшими дом – их виновность сопредельна, но не едина)[127];

– преступление совершено в том числе лицами, действующими по неосторожности:

а) неосторожное участие в умышленном преступлении (например, один участник по небрежности оставил на столе склянку с ядом, второй им воспользовался для чьего-либо отравления – умышленное действие поглотило причинную связь неосторожности первого и смерти, а потому действия первого не наказуемы);

б) умышленное участие в неосторожном преступлении (кто-либо умышленно уговорил близорукого стрелять в лежащего под кустом человека, уверив, что там заяц, он выстрелил и убил – стрелявшее лицо подлежит ответственности за неосторожное преступление, а уговорившее – за умышленное; между ними нет общей виновности и солидарной ответственности),

в) совместное причинение вреда по неосторожности (например, цепочка различных нарушений нескольких лиц повлекла крушение поезда, даже если неосторожная деятельность одновременна и однородна, связь между ними имеет чисто объективный характер) ввиду отсутствия соглашения или заведомости об общей деятельности, что является условием соучастия[128].

Таким образом, Н.С. Таганцев заложил теоретическую основу для формирования учения о неосторожном сопричинении как о самостоятельном виде множественности лиц в преступлении, характеризующимся наличием только объективной связи между деяниями, а также об иных смежных видах, в которых

---

[127] См.: там же. С. 738.
[128] См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. С. 745–746.

фактически участвует несколько лиц, но при этом отсутствуют все признаки соучастия.

П.П. Пусторослев обобщил сложившиеся к первой четверти XX в. позиции в учении о множественности лиц в преступлении, выделив четыре подхода к пониманию соучастия[129].

А.С. Жиряев, Н.С. Таганцев и др., представляющие господствующее мнение, считали, что соучастие в преступлении существует лишь там, где из нескольких людей, способствовавших своими поступками его совершению, по меньшей мере двое поступили виновно и притом соумышленно, т.е. не только умышленно, но и зная об умысле друг друга. По их мнению, соучастие есть виновное, соумышленное способствование нескольких лиц совершению преступления.

П.П. Пусторослев критикует эту позицию, считая ее неправильной по следующим основаниям:

– каждый из соучастников должен отвечать только сам за себя, только за свою вину, солидарной ответственности как необходимого признака соучастия быть не должно;

– вина соучастников может выступать как в форме умысла, так и неосторожности. В этой связи признавать «соучастием в преступлении лишь виновное, соумышленное способствование нескольких лиц осуществлению уголовного правонарушения, это отдать предпочтение слишком узкому взгляду, вопреки народному благосостоянию…»[130].

Сторонники иного подхода, заметив узость первой позиции, определили соучастие как виновное, умышленное способствование нескольких лиц осуществлению преступления (Гейб, Г. Мейер и др.). Однако, по мнению П.П. Пусторослева, их определение соучастия тоже остается узким.

По мнению других ученых (К. Биндинг, Г.Е. Колоколов, Н.Д. Сергеевский и др.), соучастие в преступлении существует лишь там, где из нескольких людей, содействовавших совершению преступления, хотя бы двое действовали

---

[129] См.: *Пусторослев П.П.* Указ. соч. С. 422.
[130] Там же. С. 424.

умышленно или неосторожно либо один умышленно, а другой неосторожно. Кроме того, должно быть виновное содействие нескольких лиц осуществлению преступления. П.П. Пусторослев критикует этих ученых за то, что они не рассмотрели вопрос о том, может ли быть соучастником тот, кто бездействует, тем самым способствуя совершению преступления.

И.Я. Фойницкий утверждает, что соучастие существует только в воображении криминалистов, в действительности количество соучастников соответствует количеству совершенных преступлений[131].

Исследовав имеющиеся подходы, П.П. Пусторослев сформулировал следующее определение: «Соучастие в уголовном правонарушении есть виновное и притом умышленное или неосторожное способствование нескольких лиц внешним действием или бездействием осуществлению внешней составной части преступного деяния»[132].

В свете современной судебной практики видится важным вывод ученого о том, что соучастие исключается, если из «нескольких или многих людей, способствовавших своими внешними поступками осуществлению внешней составной части преступного деяния, только одно действовало виновно, а все остальные поступили без всякой вины с их стороны, под влиянием состояния невменяемости или под влиянием каких-нибудь обстоятельств, исключающих вменение их поступков в вину»[133].

По наблюдению П.П. Пусторослева, к началу XX в. сложилось три классификации соучастия. Согласно первой соучастие в преступлении подразделяется «по различию состава уголовных правонарушений»[134] на возможное и необходимое.

Критерием второй классификации выступает «род виновности соучастников», согласно которой выделяются три категории соучастия:

---

[131] См.: *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. С. 21.
[132] *Пусторослев П.П.* Указ. соч. С. 428–429.
[133] Там же. С. 429.
[134] Там же. С. 429–430.

1) соучастие первой категории есть соучастие умышленных участников, оно также может быть тоже трех видов:

– умышленное соучастие в уголовном правонарушении по предварительному соглашению или уговору между участниками;

– соучастие в уголовном правонарушении по внезапному соглашению между участниками, т.е. по соглашению, состоявшемуся на месте преступления, перед самим приведением умысла в исполнение или даже во время самого приведения умысла в исполнение;

– умышленное соучастие в уголовном правонарушении без всякого соглашения между участниками, без всякого знания одним участником об участии другого[135].

С позиции современного понимания соучастия в последнем виде, когда участники не осознают участие друг друга, сложно понять, в чем заключается способствование этих лиц друг другу в совершении преступления. Кроме того, совершение преступления в соучастии является более общественно опасным, нежели когда оно осуществляется одним лицом. В этом случае возможности для совершения преступления увеличиваются, каждый из соучастников это осознает и в ряде случаев не стал бы совершать преступления в одиночку.

Во вторую категорию П.П. Пусторослев относит соучастие неосторожных участников. Третья категория соучастников образуется «стечением умышленных соучастников в одном и том же уголовном правонарушении с неосторожными. Оно имеет место в том случае, когда одни из виновных участников уголовного правонарушения поступили умышленно, а другие неосторожно»[136].

Третья классификация соучастия основана на различиях в поведении соучастников в уголовном правонарушении:

– виновничество и совиновничество (заговор, шайка);

– пособничество;

– подстрекательство.

---

[135] См.: *Пусторослев П.П.* Указ. соч. С. 432–433.
[136] Там же. С. 433.

По мнению П.П. Пусторослева, в теории уголовного права нет единого понимания разграничения виновничества и пособничества. Имеющиеся различия базируются на объективных, субъективных и смешанных теориях разграничения, при этом ни одна из них не выделила признаки, позволяющие отграничивать их друг от друга. Ученый выступает против предложений, согласно которым решение вопроса следует передать суду.

Ученым разработаны дефиниции основных понятий, характеризующих множественность лиц в преступлении:

1) виновник уголовного правонарушения – это тот соучастник, виновно – умышленно или неосторожно – учинивший такой внешний поступок или, точнее, такое внешнее действие или бездействие, которые сами по себе или вместе с наступившим последствием характеризуют стадию уголовного правонарушения и притом именно ту, на которой остановилось осуществление уголовного правонарушения;

2) пособник – это тот соучастник, виновно и притом с умыслом, а иногда даже по неосторожности, обусловленной другим преступным умыслом, учинивший внешнее действие, которое не характеризует единственной или последней наступившей стадии уголовного правонарушения, но лишь способствует другому лицу, уже склонившемуся к учинению уголовного правонарушения, учинить поступок, характеризующий эту стадию[137].

Причем форма деяния пособника, в отличие от виновника, всегда характеризуется только действием.

Таким образом, к 1917 г. российская уголовно-правовая наука подошла с богатейшим теоретическим наследием. Она не только детально разработала институт соучастия, но и идентифицировала, классифицировала и начала системный анализ практически всех известных сегодня видов множественности лиц в преступлении. Фундамент, заложенный дореволюционными юристами, определил вектор развития отечественной доктрины на десятилетия вперед и

---

[137] См.: *Пусторослев П.П.* Указ. соч. С. 422.

послужил основой для современного законодательства. Однако надо сказать, что многие вопросы множественности лиц в преступлении находились в стадии теоретического осмысления и оставались дискуссионными, не получившими единообразного понимания в доктрине уголовного права.

Во-первых, отсутствовал единый взгляд на саму сущность соучастия. Существовали разные подходы, начиная от радикального мнения о его отсутствии до более широких трактовок, допускающих возможность соучастия как при наличии умышленной формы вины, так и неосторожной. Единой позиции по его субъективным признакам так и не было выработано, что оставалось значимой теоретической проблемой. Во-вторых, на этом этапе заложены основы формирования иных видов множественности лиц в преступлении: посредственного исполнения, неосторожного сопричинения, двусторонних и трехсторонних преступлений. В-третьих, определены временные границы деятельности подстрекателя (интеллектуального виновника), укрывательства, эксцесса исполнителя. В-четвертых, из соучастия выделена прикосновенность к преступлению.

В советский период институт соучастия продолжал активно разрабатываться. А.Я. Эстрин одним из первых поднял вопрос о качестве связи между соучастниками, настаивая на общности умысла и совместности действий. Он также подчеркивал, что соучастниками могут признаваться только лица, связанные одним и тем же преступлением[138].

В отличие от А.Я. Эстрина, С.В. Познышев развивал радикальную концепцию самостоятельной преступности действий каждого соучастника. Согласно его взглядам, подстрекательство, пособничество и исполнительство – это не части одного общего преступления, а три самостоятельных, отдельных преступных деяния. Подстрекатель, по его мнению, совершает оконченное преступление уже в тот момент, когда ему удалось склонить другое лицо к

---

[138] См.: *Эстрин А.Я.* Соучастие по Уголовному кодексу РСФСР // Советское право. 1922. № 3. С. 64.

совершению преступления независимо от дальнейших действий исполнителя[139]. Отголоски этой, казалось бы, давно отвергнутой концепции можно найти в современном уголовном законодательстве, где законодатель в Особенной части УК РФ криминализирует именно сам факт содействия как оконченное преступление (например, ст. 205[1] УК РФ).

Фундаментальный вклад в доктрину внес А.А. Пионтковский, определивший соучастие как «умышленное участие нескольких лиц в совершении умышленного преступления»[140]. Предложенное им в 1924 г. определение является максимально приближенным к современной дефиниции соучастия, изложенной в ст. 32 УК РФ. Автор выделял простое соучастие (соисполнительство) и сложное (с распределением ролей).

Чельцов-Бебутов М.А. обратил внимание на отсутствие в УК РСФСР 1922 г. нормы об обязательном смягчении наказания для пособников, что отличало его от дореволюционного законодательства, в связи с чем приходит к выводу, что «степень участия» не имеет самостоятельного значения при назначении наказания[141]. А.А. Пионтковский также указывал на этот факт, при этом утверждал, что акцессорная природа соучастия не ограничена[142].

Ключевой фигурой, чьи идеи в итоге определили всю советскую доктрину, стал А.Н. Трайнин, предложивший классифицировать соучастие в зависимости от характера и степени субъективной связи соучастников:

1) соучастие простое («связь между соучастниками не превышает минимальной, необходимой для понятия соучастия, степени: действующие лица знают об участии в совершении преступления нескольких лиц, во всяком случае, об этом знают подстрекатель и пособник, но между отдельными соучастниками нет

---

[139] См.: *Познышев С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. М., 1923.

[140] *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. Общая часть. М., 1924. С. 186.

[141] См.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 97.

[142] См.: *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. Общая часть. С. 185.

предварительного сговора на совершение преступления, нет предварительного соглашения»[143]);

2) соучастие, квалифицированное предварительным соглашением соучастников;

3) соучастие особого рода, т.е. соучастие в форме участия в преступном объединении (организации, банде, шайке, блоке, заговоре)[144].

В теории уголовного права существует точка зрения, согласно которой А.Н. Трайниным впервые в советском уголовном праве были выделены приведенные формы соучастия[145]. Данные формы, хотя и с определенным различием, были известны дореволюционному уголовному праву: «скоп», «сговор», «шайка»[146].

Более того, позиция А.Н. Трайнина отличалась определенным консерватизмом в вопросах трактовки «необходимого соучастия». Автор исключает соучастие в преступлениях, составы которых требуют участие двух или более лиц. Например, взяточничество, где дающий и получающий взятку совершают разные преступления[147]. Эта позиция долгие годы определяла вектор развития советской науки, препятствуя расширительному толкованию групповых преступлений.

Закрепление в ст. 17 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. понятия соучастия не прекратило дискуссию по вопросу о том, какая форма вины присуща соучастию в преступлении. Значительное число советских криминалистов считало, что соучастие возможно лишь в случаях умышленного участия в совершении умышленного преступления[148].

Иначе решали эти вопросы М.Д. Шаргородский и А.Н. Трайнин. Последний допускал соучастие во всех случаях совместного совершения несколькими лицами одного и того же неосторожного преступления, но исключал случаи, когда

---

[143] *Трайнин А.Н.* Избранные труды. С. 164.

[144] См.: там же. С. 164.

[145] См.: Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к столетию со дня принятия). С. 75.

[146] См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. С. 579.

[147] См.: *Трайнин А. Н.* Учение о соучастии. С. 78–79.

[148] См.: Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 1. С. 597.

исполнитель действует умышленно, а помогавшие ему лица – неосторожно, а также когда умышленно действуют третьи лица, а исполнитель – неосторожно[149]. Автор подчеркивал, что пособничество или подстрекательство к преступлению в неосторожных преступлениях должны носить «резко и точно выраженный характер»[150]. Таким образом, неосторожное сопричинение автор включал в институт соучастия.

М.Д. Шаргородский писал, что соучастие возможно «только в отношении тех неосторожных преступлений, где действие совершается умышленно, а результат наступает по неосторожности»[151]. Эта позиция была подвергнута критике. М.А. Шнейдер отмечал, что таких преступлений не существует[152].

В.С. Прохоров считал неубедительным утверждение о том, что соучастие возможно только в умышленных преступлениях[153]. Разъясняя свою позицию, он указывал, что умышленное участие в совершении преступления в сочетании с неосторожной виной возможно лишь тогда, когда умышленные действия исполнителя приводят к наступлению последствий, которые предусмотрены законодателем в качестве квалифицирующих и в отношении которых имеется неосторожная форма вины[154].

В поздний советский период развития науки уголовного права, как, впрочем, и на сегодняшний день, отсутствует единство взглядов о том, каковы формы соучастия и что является критерием их классификации. В качестве последнего одни авторы предлагали рассматривать степень сплоченности (организованности)

---

[149] См.: *Трайнин А. Н.* Избранные труды. С. 114.

[150] См.: там же. С. 115.

[151] *Шаргородский М.Д.* Вопросы Общей части уголовного права: (законодательство и судеб. практика): монография. Л., 1955. С. 143.

[152] См.: *Шнейдер М.А.* Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 30.

[153] См.: *Гришаев П.И., Кригер Г.А.* Соучастие по советскому уголовному праву. М., 1959. С. 23.

[154] См.: Курс советского уголовного права: В 5 т. / отв. ред.: Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968. Т. 1. С. 597.

участников преступления[155], другие – характер их деятельности[156], третьи – характер существующей между ними субъективной связи[157], четвертые – индивидуальную роль каждого из соучастников[158].

Критически оценивая сложившуюся ситуацию, А.Н. Трайнин называл формальными и беспредметными проводимые в науке классификации соучастия (соучастие до, во время и после совершения преступления; активное и пассивное соучастие; факультативное и необходимое), поскольку они не отражают его природы и не раскрывают особенностей видов.

Много внимания уделялось признаку совместности, по-разному понимаемому как в теории уголовного права, так и в судебной практике. Распространенной была позиция, согласно которой причинная связь между действиями каждого соучастника и общественно опасным результатом является необходимым условием ответственности. Она выступает той границей, дальше которой не может простираться ответственность соучастников[159].

Параллельно с разработкой института соучастия шла активная дискуссия о границах смежных с ним явлений. В советской уголовно-правовой литературе от соучастия отграничивали прикосновенность к преступлению исходя из того, что все соучастники сопричиняют единый общественно опасный результат, в то время как «прикосновенность никогда не детерминирует деятельность исполнителя и поэтому не находится в причинной связи с конечным общественно опасным результатом»[160].

---

[155] См.: *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. С. 79; *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. С. 563; *Гришаев П.И., Кригер Г.А.* Указ. соч. С. 56.

[156] См.: *Герцензон А.А.* Уголовное право. Часть Общая. М., 1948. С. 362; *Шаргородский М.Д.* Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Правоведение. 1960. № 1. С. 84–97; *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Ч. 2. Виды соучастников и формы соучастия в преступной деятельности. Свердловск, 1961. С. 139–140.

[157] См.: *Смирнов В.Г.* Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л., 1957. С. 8–9.

[158] См.: *Малахов И.П.* Некоторые вопросы соучастия по советскому уголовному праву // Труды Военно-политической академии им. В.И. Ленина. 1957. № 17. С. 168.

[159] См.: *Церетели Т.В*. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 341.

[160] Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 1. С. 634.

В определении прикосновенности к преступлению выделялись два признака. Во-первых, отмечалось, что лицо, прикосновенное к преступлению, само не участвует в его совершении, во-вторых, что эта деятельность связана с совершением преступления[161] или «связана в определенной степени с совершенным преступлением»[162].

Значимый вклад в развитие теории прикосновенности внес В.С. Прохоров, который определял рассматриваемое понятие как общественно опасную деятельность лица, не принимавшего участия в совершении преступления и которая препятствует изобличению преступника[163]. Ученый предлагал различать прикосновенность как уголовно-социологическую и уголовно-правовую категорию. Как уголовно-социологическое понятие оно заключается в заранее не обещанном укрывательстве, недоносительстве и попустительстве применительно к любому преступлению. Прикосновенность как уголовно-правовая категория уже по объему, так как попустительство вообще находится за его пределами, а заранее не обещанное укрывательство и недонесение влекут ответственность не во всех, а только в точно определенных законом случаях[164].

Стоит отметить, что взгляды ученых на состав прикосновенности разнились. А.Н. Трайнин не признавал попустительство прикосновенностью к преступлению, а действия, относимые к нему, оценивал как соучастие (между соучастниками и попустителем есть соглашение) или как недонесение (когда попуститель – частное лицо, на которое не возложена специальная обязанность действовать, ответственность за невоспрепятствование, с точки зрения автора, невозможна) либо как бездействие должностных лиц (преступление охватывается специальным составом, например, халатностью)[165]. В целом взгляды автора согласуются с законодательным регулированием и судебной практикой того времени.

---

[161] См.: *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. С. 590.

[162] *Гришаев П.И., Кригер Г.А.* Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. С. 200.

[163] Курс советского уголовного права: в 5 т. Т 1. С. 634.

[164] См.: там же. С. 634.

[165] См.: *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. С. 133–134.

М.И. Ковалев под соучастием понимал «только умышленное участие в совершении умышленного преступления, причинно-связанное с действиями исполнителя и преступным результатом»[166]. Исходя из этого, действия, относящиеся к прикосновенности, не образуют соучастия из-за отсутствия причинной связи с преступным результатом. Автор отрицал возможность соучастия по неосторожности[167].

Анализируя законодательную классификацию соучастников (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник), М.И. Ковалев выходил за рамки формального толкования закона. Признавая бесспорным, что исполнителем является лицо, непосредственно совершившее преступление, он, тем не менее подвергал критике буквальное толкование ст. 17 Основ уголовного законодательства[168]. Он соглашался с позицией М.А. Шнейдера, который определял исполнителя как «лицо, выполняющее действие, образующее состав»[169]. По убеждению М.И. Ковалева, именно такой подход, в отличие от узкой законодательной трактовки, позволяет охватить все нюансы выполнения объективной стороны преступления, включая посредственное причинение преступного результата, т.е. использование в качестве «орудия преступления» другого человека.

Исходя из этого, посредственное причинение (исполнение) рассматривается автором как самостоятельный вид множественности лиц, не образующий соучастия в юридическом смысле. Если исполнитель не осознает преступной деятельности подстрекателя или пособника и оказывается лишь «простым орудием в его руках, то ни тот ни другой не могут считаться соучастниками одного и того же преступления»[170].

---

[166] *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Ч. 1: Понятие соучастия. Свердловск, 1960. С. 11.

[167] См.: там же. С. 116.

[168] См.: *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Ч. 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. С. 14.

[169] См.: *Шнейдер М.А*. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. С. 40.

[170] *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Ч. 1: Понятие соучастия. С. 252.

Таким образом, автор отграничивал от соучастия посредственное причинение, неосторожное сопричинение вреда, прикосновенность к преступлению.

Схожие идеи развивал П.Ф. Тельнов. Соучастие он определял как «совершение умышленного преступления совместными сознательно объединенными деяниям двух или более лиц»[171], считая, что соучастие – это «специфическая форма преступного деяния»[172], а не новое преступление.

П.Ф. Тельнов признавал существование посредственного исполнения (когда преступление совершается руками невиновного или неосторожно действующего лица) и предлагал дополнить ч. 3 с. 17 УК РСФСР 1960 г., включив в понятие исполнителя указание и на того, кто выполнил деяние «путем умышленного использования другого невиновного или неосторожно действующего лица»[173].

При этом он, как и большинство советских ученых, отрицал возможность неосторожного соучастия, утверждая, что это противоречит законодательному определению, допускающему только умышленную вину. Прикосновенность (в форме заранее не обещанного укрывательства и недоносительства) четко отграничивал от соучастия, поскольку эти действия не содействуют совершению преступления по объективным и субъективным признакам[174].

П.С. Дагель, последовательно отстаивая тезис о невозможности распространения института соучастия на неосторожные преступления[175], тем не менее признавал практическую необходимость правовой регламентации действий лиц, совместно причинивших вред по неосторожности[176]. В связи с этим ученый

---

[171] *Тельнов П.Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юрид. лит, 1974. С. 10.

[172] Там же. С. 11.

[173] *Тельнов П.Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении: избранные труды. М.: Проспект, 2023. С. 55.

[174] См.: там же. С. 70.

[175] См.: *Дагель П.С.* Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 51–52.

[176] См.: *Дагель П.С.* Неосторожное преступление (общая характеристика неосторожного преступления в сфере использования техники) // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью: Межвузовский тематический сборник. Вып. 2. Владивосток, 1981. С. 11.

предлагал ввести институт неосторожного сопричинения в Общую часть Уголовного кодекса РСФСР[177].

Существенное развитие данная концепция получила в работах В.Е. Квашиса, обращавшего внимание на то, что при неосторожном сопричинении «причиняющая роль» нарушений, допущенных разными субъектами, далеко не равнозначна, даже если они повлекли одинаковые по тяжести последствия (например, смерть потерпевшего). Автор отмечал, что в общей сумме факторов, приведших к трагедии, нарушения одного лица могут играть главную, определяющую роль, выступая необходимым условием наступления результата, тогда как действия другого субъекта могут носить второстепенный, фоновый характер. Более того, зачастую имеет место нарушение совокупности различных требований безопасности. В этой связи ученый подчеркивал, что даже одинаковые по форме нарушения (например, превышение скорости), совершенные разными лицами в одной ситуации, могут иметь неодинаковый «причинный вес»[178]. Вышеперечисленное, по мнению В.Е. Квашиса, исключает возможность солидарной ответственности (характерной для соучастия) и диктует необходимость строгой индивидуализации ответственности каждого сопричинителя исходя из конкретной степени влияния его нарушений на наступление преступного результата.

Таким образом, к концу 1980-х гг. из понятия соучастия были выведены и обоснованы как самостоятельные правовые категории неосторожное сопричинение, посредственное исполнение и прикосновенность к преступлению. Именно эта высокая степень теоретической дифференциации и подготовила почву для нового качественного скачка – к созданию основ единой обобщенной теории множественности лиц в преступлении.

---

[177] См.: *Дагель П.С.* Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 34. М.,1981. С. 37.

[178] См.: *Квашис В.Е.* Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986. С. 58–76.

В 1987 г. Р.Р. Галиакбаров ввел в теорию уголовного права термин «множественность участников одного преступления», так или иначе причастных к событию преступления и влияющих на характер и степень его общественной опасности[179]. С точки зрения автора, множественность участников одного преступления является составляющим институтом множественности в уголовном праве.

Под формой множественности участников одного преступления ученый понимает прямо предусмотренное уголовным законодательством стечение нескольких физических лиц (субъектов и лиц, не подлежащих уголовной ответственности) в рамках одного преступления[180].

Помимо известного уголовному законодательству института соучастия, он выделяет такие виды преступного взаимодействия нескольких участников, как неосторожное сопричинение и групповое совершение посягательства (групповое исполнение преступления), «когда преступление совершается личными действиями субъекта ответственности с дополнительным привлечением усилий невменяемого или лица, не достигшего возраста, с достижения которого возможна уголовная ответственность»[181]. Для последнего вида характерно несколько обязательных признаков:

– стечение в одном преступлении нескольких физических лиц;

– признаками субъекта преступления обладает лишь одно из них;

– «надлежащий субъект сам выполняет преступление своими поступками, дополнительно используя в процессе его совершения усилия лиц, не подлежащих уголовной ответственности по иным предусмотренным законом основаниям»[182].

Проявление «группы» в данном случае имеет качественно отличное от соучастия содержание. «Группа» характеризует здесь лишь объективную внешнюю

---

[179] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск, 1987. С. 13–14.

[180] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Уголовно-правовые средства борьбы с преступностью: Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1983. С. 21.

[181] *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. С. 15.

[182] там же. С. 60–61.

сторону посягательства, его способ, когда реально вред объекту причиняется совместно виновным (субъектом преступления) и лицом, не обладающим признаками субъекта[183].

Общественная опасность такого способа совершения преступления возрастает за счет того, что несколько лиц в процессе его совершения способны выполнить такие посягательства, которые одно лицо выполнить не может.

Такая позиция соответствовала практике Верховного Суда РСФСР по ряду преступлений. Так, Пленум Верховного Суда СССР в п. 10 постановления от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» специально подчеркнул, что «действия лиц, организовавших изнасилование группой, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик независимо от того, что другие участники в соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик не были привлечены к уголовной ответственности»[184]. В данном разъяснении обращено внимание на то, что повышенная общественная опасность групповых посягательств может лежать не только в плоскости соучастия, но и объективных признаков исполнения посягательства, его группового по внешним проявлениям способа[185].

В науке уголовного права не было единого понимания того, что понимать под неосторожным сопричинением. Так, И.Р. Харитонова дала классификацию различных форм причинения по неосторожности преступных последствий, выделив: неосторожное посредственное причинение; стечение нескольких разобщенных и единолично выполненных неосторожных преступлений, в силу ситуации повлекших один результат; совершение каждым из совместно

---

[183] См.: там же. С. 61.

[184] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года № 2 «О судебной практике по делам об изнасиловании» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1964. № 3. Утратило силу.

[185] См. об этом подробно: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. С. 62.

действующих субъектов самостоятельного неосторожного преступления и, наконец, собственно неосторожное сопричинение[186].

Р.Р. Галиакбаров считал невозможным отнесение к неосторожному сопричинению действия двух водителей, которые в результате нарушения каждым правил безопасности движения причинили один ущерб[187]. В действиях каждого лица видел признаки самостоятельного преступления.

В.А. Нерсесян утверждал, что неосторожное сопричинение – это неосторожное поведение нескольких лиц, действия которых в результате совпадения времени и места приводят к наступлению преступного последствия. Такое понимание данного явления позволило автору отнести к нему, например, последствие, наступившее в результате нарушения правил со стороны водителя и пешехода[188].

Более точной представляется формулировка И.Р. Харитоновой, она определяет неосторожное сопричинение как «единое многосубъектное неосторожное посягательство»[189].

Р.Р. Галиакбаров сформулировал правило, позволяющие отграничить неосторожное сопричинение от всех иных совершений по неосторожности преступных посягательств, в которых как-то проявляет себя поведение нескольких лиц. Оно заключается в том, что на виновных должна лежать обязанность в целях избежания нежелательных последствий действовать согласованно в одном направлении, но в силу неосмотрительности или недобросовестности они взаимосвязанными, совместными действиями допустили наступление вредных последствий, оцениваемых как одно преступление, совершенное несколькими лицами[190].

---

[186] См.: *Харитонова И.Р.* Неосторожное сопричинение в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1985. С. 7.

[187] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. С. 70.

[188] См.: *Нерсесян В.А.* Ответственность за неосторожные преступные деяния в свете научно-технической революции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 19.

[189] *Харитонова И.Р.* Указ. соч. С. 10.

[190] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. С. 70.

Пленум Верховного Суда СССР в одном из постановлений специально подчеркнул, что неосторожное сопричинение имеется тогда, когда действия нескольких лиц не являются самостоятельными, а носят взаимообусловливающий характер, т.е. когда объективная сторона действий одного лица находится в причинной связи с действиями и последствиями действий другого[191]. В связи с изложенным Р.Р. Галиакбаров указывал, что нельзя отождествлять с неосторожным сопричинением любые варианты поведения сопричастных к одному событию лиц, когда содержательный аспект (сущность) явления подменяется внешней характеристикой: оценкой того, находится ли поведение виновных в причинной связи с наступившими последствиями[192].

Неосторожное сопричинение, в отличие от всех иных вариантов стечения нескольких лиц в одном неосторожном преступлении, представляет собой единое, многосубъектное неосторожное преступление. Как целостная форма неосторожного поведения оно характеризуется связями двух уровней: 1) объективной (функциональной) и субъективной – между сопричинителями; 2) причинной – между действиями (бездействием) каждого лица и наступившим результатом[193].

Обязательными признаками неосторожного сопричинения Р.Р. Галиакбаров выделял: 1) неосторожное сопричинение – это единое преступление; 2) в таком преступлении участвуют несколько субъектов ответственности; 3) взаимосвязанный или взаимообусловленный характер «допреступного» поведения участников посягательства; 4) создание угрозы наступления или наступление единого для всех субъектов преступного последствия, предусмотренного конкретным составом; 5) наличие причинной связи между «допреступным» поведением субъектов и наступившим преступным результатом; 6) совершение посягательства с неосторожной формой вины.

---

[191] См.: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1996 г. по делу Караулова Л. и Ширшова А.Н. // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1966. № 5. С. 25.

[192] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. С. 71.

[193] См.: там же. С. 72.

Таким образом, в советский период развития уголовно-правовой науки происходило дальнейшее развитие учения о множественности лиц в преступлении, в частности, уточнялись признаки, формы и виды соучастия, продолжались дискуссии по вопросам прикосновенности к преступлению. Именно на этом этапе развития впервые в научных исследованиях определяется понятие множественности участников в преступлении и приводится классификация его видов.

Резюмируем изложенное.

1. Развитие научной мысли, подготовившее почву для современного понимания множественности лиц в преступлении, прошло три ключевых стадии:

1) этап первоначального теоретического осмысления (начало – середина XIX в.), на котором предпринимались первые попытки классификации соучастников и теоретического обоснования личной ответственности каждого из них. Однако единое понимание сущности соучастия отсутствовало, а границы между видами соучастников и прикосновенных лиц были размыты;

2) этап формирования фундаментальных основ (вторая половина XIX в. – 1917 г.), на котором были детально разработаны вопросы соучастия, идентифицированы и классифицированы практически все известные сегодня виды множественности лиц;

3) этап теоретической разработки (1917–1987) – советская уголовно-правовая наука продолжила уточнение признаков соучастия, окончательно отвергнув концепцию неосторожного соучастия, ученые доказали самостоятельную природу посредственного исполнения, неосторожного сопричинения и прикосновенности к преступлению;

4) этап формирования первого обобщающего учения (1987–1997) – впервые было сформулировано понятие «институт множественности участников в преступлении» и приведена классификация его видов, объединяющая как соучастие, так и неосторожное сопричинение и участие в преступных объединениях.

2. К 1997 г. в науке было предложено понятие множественности участников в преступлении, под которой понималось прямо предусмотренное уголовным законом стечение нескольких физических лиц (субъектов, уголовно неответственных лиц) в рамках одного преступления.

Соучастие возможно только с умыслом, что было воспринято законодательством; продолжалась теоретическая разработка проблемы стечения участников в неосторожных преступлениях; происходило выделение форм соучастия, основанных на наличии или отсутствии предварительного сговора; уточнялось место прикосновенности к преступлению в системе уголовно-правовых понятий.

Глава II
ВИДЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ЛИЦ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

§ 1. Понятие и виды множественности лиц в преступлении в современной науке уголовного права

К концу XX в. к множественности лиц в преступлении в науке относили, как правило, соучастие, неосторожное сопричинение и прикосновенность к преступлению. Вместе с тем единообразия в терминологии, охватывающей стечение нескольких лиц в совершении одного преступления, к началу XXI в. в науке уголовного права достигнуто не было, как и не было общего подхода к определению его признаков и видов.

Одни ученые продолжают именовать это явление «стечением преступников»[194], другие называют «множественностью участников преступления»[195] или, конкретизируя, «множественностью участников одного преступления»[196], третьи – «преступной деятельностью двух или более лиц»[197], четвертые – «формами совершения преступления несколькими лицами»[198], пятые – «совместным совершением преступления»[199], шестые – «множественностью лиц в преступлении»[200].

Однако не все предложенные названия представляются удачными с точки зрения современного уголовного права. Так, термин «стечение преступников»

---

[194] См.: *Плотников А.И.* Соучастие в преступлении: спорные вопросы // Lex Russica. 2007. № 3. С. 524–525.

[195] См.: *Мондохонов А.Н.* Формы соучастия в преступной деятельности: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11.

[196] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. С. 41.

[197] См.: *Салимгареева А.Р.* Преступная деятельность двух или более лиц без признаков соучастия в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 8.

[198] См.: *Иванова Л.В.* Формы совершения преступления несколькими лицами // Академический вестник ТГАМЭУП. 2013. № 1 (23). С. 115.

[199] См.: *Новоселов Г.П.* Понятие соучастия и признак совместности участия // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 103.

[200] См.: *Бабий Н.А.* Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии. М., 2013. С. 36; *Клименко Ю.А., Молчанов Д.М.* Множественность лиц в преступлении / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2021. С. 8.

считается архаичным, он был введен в теорию уголовного права А.С. Жиряевым, является неточным, так как «предполагает учет поведения только тех лиц, которые обладают необходимыми признаками субъекта преступления»[201]. Кроме того, он дает преждевременную правовую оценку, указывает на стечение именно «преступников».

Конструкция «совместная преступная деятельность», в свою очередь, не в полной мере отражает все многообразие этого феномена; говоря о совместности, это словосочетание указывает на умышленный характер связи между участниками, оставляя за рамками случаи причинения вреда по неосторожности.

Термин «преступная деятельность двух или более лиц» страдает избыточной широтой, так как формально охватывает и смежные правовые явления, не обладающие признаками совместности (например, простое совпадение во времени и пространстве).

Таким образом, наиболее удачными представляются названия, использующие слово «множественность», что указывает на свойство по значению прилагательного «множественный», т.е. «существующий во множестве, проявляющийся во множестве форм, видов»[202]. Ключевым аргументом в пользу данного понятия является его органичная связь с уже известной теории уголовного права категорией «множественность преступлений», которые в своей совокупности, как отмечал Р.Р. Галиакбаров, составляют институт множественности в уголовном праве. Использование общего родового понятия «множественность» для описания усложнения криминальной ситуации как за счет числа деяний (множественность преступлений), так и за счет числа субъектов (множественность лиц) создает необходимое терминологическое единство и выстраивает логически завершенную систему внутри уголовно-правовой науки[203].

---

[201] *Бабий Н.А.* Указ. соч. С. 41–42.

[202] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2010. С. 890.

[203] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск, 1987. С. 9.

Среди терминов «множественность участников преступления», «множественность участников одного преступления» и «множественность лиц в преступлении» наиболее верным представляется третий вариант, поскольку понятие «лицо» используется законодателем в уголовно-правовых нормах. При этом указание на то, что преступление должно быть одно, видится избыточным, поскольку данное обстоятельство прямо вытекает из единственного числа слова «преступление». Поэтому мы будем использовать термин «множественность лиц в преступлении» как обладающий определенностью, семантической однозначностью и соответствующий языку изложения уголовного закона.

Из лексического значения термина «множественность» вытекает первый и основополагающий признак множественности лиц в преступлении – участие в нем двух или более лиц, как минимум одно из которых обладает признаками субъекта преступления. Действия (бездействие) одного лица независимо от характера общественной опасности и степени причиненного вреда никогда не образует множественности лиц в преступлении.

В этой связи не вызывает сомнений, что видом множественности лиц в преступлении является соучастие в преступлении, предполагающее умышленное совместное участие двух или более лиц в умышленном преступлении (ст. 32 УК РФ). Оно традиционно рассматривается как центральный и наиболее разработанный вид множественности лиц, получивший законодательное закрепление в качестве самостоятельного уголовно-правового института в гл. 7 УК РФ.

Однако несколько лиц могут действовать как умышленно, так и по неосторожности, совершая единое как умышленное, так и неосторожное преступление. Законодательное определение соучастия исходит из того, что оно может быть только при умышленном совместном совершении умышленного преступления, тем самым исключая все неосторожные случаи сопричинения вреда, например дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП) со смертельным исходом вследствие нарушений Правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД) несколькими водителями.

Как уже говорилось, на протяжении веков ученые спорили о возможности соучастия по неосторожности и (или) в неосторожных преступлениях[204]. Прямое указание закона на умышленный характер и умышленное преступление заложило теоретический фундамент для формирования самостоятельного вида множественности лиц – неосторожного сопричинения, выходящего за рамки соучастия. Несмотря на то что неосторожное сопричинение до настоящего времени не нашло отражения в уголовном законодательстве, его фактическое существование и необходимость правовой оценки признаются Верховным Судом РФ. В частности, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»[205] сформулировал правила квалификации таких деяний.

Неосторожное сопричинение ввиду его распространенности становилось предметом самостоятельных исследований (И.Р. Харитонова, Д.А. Безбородов, Д.А. Мелешко и др.)[206]. Т.А. Хмелевская относит к множественности лиц в преступлении не только соучастие, но и неосторожное сопричинение вреда[207]. Практике хорошо известны примеры неосторожного сопричинения вреда, яркой иллюстрацией которого может служить дорожно-транспортное происшествие, возникшее в результате нарушения ПДД двумя и более водителями, действовавшими независимо друг от друга, причинившими по неосторожности

---

[204] См.: *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. С. 114; *Бурчак Ф.Г.* Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев, 1986. С. 106–110; *Епифанова Е.В.* Становление и развитие института соучастия в преступлении в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 9, 23.

[205] СПС «КонсультантПлюс».

[206] См., например: *Галиакбаров Р.Р.* Неосторожное сопричинение как вид множественности участников преступления // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью: межвуз. темат. сб. Владивосток, 1981. С. 33–34; *Харитонова И.Р.* Указ. соч. С. 11; *Безбородов Д.А.* Неосторожные многосубъектные преступления: понятие и квалификация: учеб. пособие. СПб., 2015. С. 6; *Мелешко Д.А.* Сопричинение вреда без признаков соучастия в доктрине уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 10 и др.

[207] См.: *Хмелевская Т.А.* Виды групповых преступлений и их квалификация по УК Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08; Московская гос. юрид. академия. М., 2000. С. 16–17.

смерть потерпевшего. Например, произошло столкновение двух автомобилей. Водитель автомобиля ВАЗ-21102 при выезде со второстепенной дороги не уступил дорогу автомобилю «Тойота», двигавшемуся по главной полосе. Водитель «Тойоты», в свою очередь, также нарушил ПДД. В результате ДТП погиб пассажир автомобиля «Тойота». Суд указал, что причиной ДТП послужило нарушение ПДД обоими водителями, которые находятся в причинной связи с наступившими общественно опасными последствиями в виде смерти пассажира[208]. Подобная конструкция объективно имеет определенные сходства с институтом соучастия, поскольку вред причиняется не одним, а несколькими физическими лицами.

Основаниями признания неосторожного сопричинения видом множественности лиц в преступлении выступают следующие. Во-первых, сам термин «сопричинение» происходит от слова «сопричастность», которое означает «причастность к чему-л. или совместная причастность»[209], т.е. необходимо наличие не менее двух лиц. Они должны отвечать признакам субъекта преступления, поскольку рассматриваемый вид множественности выделился из соучастия. Соучастие, еще до появления самого термина в дореволюционной теории и уголовном законодательстве, и по сегодняшний день предполагает, что хотя бы два соучастника способны нести уголовную ответственность. Во-вторых, сам термин «сопричинение» означает, что противоправные деяния нескольких лиц вызвали наступление единого, неразделимого преступного последствия. Каждое из деяний выступает необходимым условием наступления общего общественно опасного последствия, находясь с ним в причинной связи, что и позволяет говорить о множественности причинителей.

В данном случае отсутствует такой признак соучастия, как совместность, который предполагает взаимную осведомленность и согласованность действий соучастников, когда воля каждого направлена на достижение одного преступного

---

[208] Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 26 февраля 2018 г. по делу № 1-21/2018 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zYJq6B0KAZW3/ (дата обращения: 08.10.2025).

[209] Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1988. С. 199.

результата. Они должны взаимодействовать. Отсюда следуют и другие признаки соучастия; совместная воля, направленная на достижение единого результата, характеризует только умышленную форму вины.

Стечение неосторожных деяний нескольких лиц объективно формирует качественно иную ситуацию по сравнению с причинением вреда одним лицом: неосторожными действиями нескольких лиц зачастую причиняется вред, невозможный при неосторожном поведении одного из сопричинителей.

В этой связи общественная опасность неосторожного сопричинения вреда несоизмерима ни с соучастием, ни с совершением неосторожного преступления единолично. Дефиницию неосторожного сопричинения вреда целесообразно закрепить в УК РФ.

В теории встречается несколько подходов к законодательному регулированию данного вида множественности лиц в преступлении. Ряд авторов предлагают распространить действие ст. 32 УК РФ на неосторожное сопричинение, исключив из нее указание на умышленную форму вины и умышленное преступление. Например, А.П. Козлов считает, что с учетом возможного неосторожного соучастия термин «умышленное» правильнее было бы заменить термином «виновное»[210].

Другие же предлагают определить неосторожное сопричинение в самостоятельной уголовно-правовой норме. Так, Д.В. Савельев пишет, что совместная преступная деятельность двух и более лиц при неосторожном сопричинении исключает соучастие, в связи с чем необходимо включить в УК РФ ст. 32^1, которая будет называться «Совершение преступлений группой лиц вне соучастия»[211]. В.А. Нерсесян считает более правильным дополнить ст. 32 УК РФ ч. 2, посвященной неосторожному сопричинению[212].

С нашей точки зрения, идея распространить институт соучастия на неосторожные преступления противоречит уголовно-правовой природе первого.

---

[210] См.: *Козлов А.П.* Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 76.

[211] См.: *Савельев Д.В.* Легализовать ответственность за групповой способ совершения преступления // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 49–50.

[212] См.: *Нерсесян В.А.* Уголовная ответственность сопричинителей вреда по неосторожности // Российская юстиция. 1999. № 10. С. 44–45.

Различие между институтом соучастия и неосторожным сопричинением были изложены ранее. Здесь отметим лишь следующее. Во-первых, надо признать, что определенная совместность в поведении неосторожных сопричинителей есть, поскольку именно их совокупными действиями причиняется единый преступный результат. Однако при этом, во-вторых, нет взаимообусловленности поведения лиц, нет осознания того, что они действуют сообща для достижения единой цели.

Мы приходим к выводу о нецелесообразности включения неосторожной формы вины в конструкцию соучастия. Неосторожное сопричинение требует самостоятельной регламентации как отдельный вид множественности лиц в преступлении, имеющий свои особенности.

Помимо соучастия и неосторожного сопричинения ряд авторов относит к множественности лиц в преступлении посредственное исполнение (или посредственное причинение, опосредованное исполнение) и групповое совершение преступления (или групповой эксцесс), т.е. совершение преступления виновным совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности. Сторонниками такого подхода являются А.Н. Мондохонов[213], Д.А. Мелешко[214], Д.А. Безбородов[215] и др.

В обоих случаях в преступлении фактически участвует несколько лиц, преступный результат находится в причинной связи с их совместной деятельностью, однако с точки зрения закона уголовной ответственности подлежит только одно из них. При этом в ряде случаев единолично виновное лицо не смогло бы совершить преступление. Более того, само совершение, например, насильственного преступления несколькими лицами совместно служит для потерпевшего дополнительным источником психического насилия.

---

[213] См.: *Мондохонов А.Н.* Формы соучастия в преступной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 10.

[214] См.: *Мелешко Д.А.* Указ. соч. С. 10.

[215] См.: *Безбородов Д.А.* Методологические основы учения об уголовной ответственности за совместное преступное деяние: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008. С. 394.

Игнорирование этого обстоятельства превращает совершенное преступление годным субъектом[216] с позиции законодателя в единолично содеянное, что не соответствует действительности и не учитывает должным образом общественную опасность совершенного деяния.

Несмотря на то что негодный субъект[217] не является соучастником с позиции Пленума Верховного Суда РФ[218], его действия являются частью механизма совершения преступления, организованного и направляемого полноценным субъектом. Фактически в преступлении участвуют двое, что и позволяет говорить о множественности лиц.

Мы разделяем позицию Ю.Е. Пудовочкина, который относит постановления Пленума Верховного Суда РФ к группе источников уголовного права, устанавливающих или конкретизирующих уголовно-правовые предписания[219]. Как указал Конституционный Суд РФ, «после принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором разъясняется смысл той или иной нормы права, применение судами общей юрисдикции в ходе рассмотрения дела конкретных правовых норм должно соотноситься с разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, – иное может свидетельствовать о судебной ошибке, допущенной при разрешении дела»[220], таким образом придав постановлениям Пленума Верховного Суда РФ обязательный характер.

---

[216] Под годным субъектом понимается лицо, обладающее признаками субъекта преступления.

[217] Под негодным субъектом понимается лицо, не обладающее признаками субъекта преступления.

[218] См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. № 284.

[219] См.: *Пудовочкин Ю.Е.* Развитие системы источников российского уголовного права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №4 (116). С. 53.

[220] Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2013 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // СЗ РФ. 2014. № 1. Ст. 79.

Таким образом, множественность лиц образуется при фактическом участии в преступлении нескольких лиц, хотя бы одно из которых должно являться годным субъектом.

Данный признак множественности лиц в преступлении позволяет отнести к ней посредственное исполнение, при котором годный субъект для совершения преступления использует другое лицо, которое в силу определенных причин (невменяемости, недостижения возраста уголовной ответственности и др.) не подлежит уголовной ответственности, а также случаи совместного совершения преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления (соисполнительства с негодным субъектом преступления).

Несколько иную классификацию предлагает А.М. Минькова, рассматривающая множественность лиц в преступлении как институт, примыкающий к соучастию, который охватывает случаи, исключающие применение норм о соучастии:

– посредственное причинение (с позиции А.М. Миньковой несмотря на то, что норма о посредственном причинении расположена в гл. 7 «Соучастие в преступлении» УК РФ, фактически и юридически совершение преступления посредством использования лица, не подлежащего уголовной ответственности, соучастия в преступлении не образует);

– совершение преступления в составе группы, когда только один из участников которых обладает признаками субъекта преступления;

– неосторожное сопричинение[221].

С нашей точки зрения, соучастие относится к множественности лиц как частное к общему. Соучастие не противостоит множественности лиц, а органично включается в нее как одна из законодательно закрепленных ее разновидностей. Попытка их разграничения как смежных явлений ведет к искусственному разрыву единого правового феномена.

---

[221] См.: *Минькова А.М.* Соучастие в преступлении и деяния, примыкающие к соучастию (преступления с множественностью участников и прикосновенность к преступлению) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 2. С. 79–80.

Спорной представляется позиция Д.В. Юдина, который, опираясь на тезис Р.Р. Галиакбарова о том, что при посредственном исполнении преступление фактически выполняется одним лицом[222], предлагает вывести его за рамки множественности лиц. Помимо этого, он не соглашается с предложенным разграничением посредственного исполнения и группового исполнения преступления, поскольку «даже при наличии фактической множественности лиц уголовно-правовое значение будет иметь лишь факт совершения преступления уголовно ответственным лицом». Исходя из этого, автор считает алогичным нахождение нормы о так называемом единоличном совершении преступлении в системе норм о множественности участников[223]. Д.В. Юдин рассматривает такие случаи в качестве одного из элементов самостоятельного уголовно-правового явления, именуя их «посредственным совершением преступления». Он обосновывает необходимость изъятия ч. 2 ст. 33 из гл. 7 УК РФ, посвященной соучастию в преступлении, и закрепления уголовной ответственности посредственного исполнителя в гл. 4 «Лица, подлежащие уголовной ответственности» УК РФ[224].

Данный подход представляется недостаточно обоснованным, довод о совершении преступления одним лицом представляет собой не что иное, как юридическую фикцию, необходимую для правильной квалификации действий всех участников преступления. Она позволяет привлекать к уголовной ответственности исключительно лицо, обладающее признаками субъекта преступления, однако эта фикция не должна подменять собой реальность, свидетельствующую о том, что при совершении преступления фактически задействовано несколько лиц. Множественность лиц в преступлении как раз и призвана охватить эту объективную реальность во всем ее многообразии, не ограничиваясь лишь теми видами, которые нашли отражение в законодательстве.

---

[222] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 84.

[223] См.: *Юдин Д.В.* Институт «множественности участников преступления» в отечественном уголовном праве // ГлаголЪ правосудия. 2020. № 3(25). С. 47.

[224] См.: там же. С. 43–48.

Более обоснованной видится позиция, согласно которой совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления (соисполнительство с негодным субъектом преступления), является специфическим видом множественности лиц. Его место в системе обусловлено не количеством лиц, подлежащих уголовной ответственности, а сложным, составным характером причинения общественно опасного последствия, в котором фактически участвуют несколько физических лиц, пусть и не все из них обладают признаками субъекта преступления.

А.И. Плотников под стечением преступников понимает «совершение преступления несколькими лицами, содействие одного лица совершению преступления другим лицом до его начала либо оказание помощи лицу, совершившему его, после окончания преступления»[225]. Автор предлагает «проследить возможные варианты стечения деятельности лиц, совершающих преступления, в зависимости от нарастания связанности объективных и субъективных признаков»[226], что, по его мнению, поможет выделить следующие степени стечения преступников:

– прикосновенность к преступлению;

– сопричинение преступления (сопричинение последствий);

– причастность к преступлению (действия организатора, пособника и подстрекателя выделяются в отдельную от соучастия группу как не обладающие признаками совместности);

– соучастие в преступлении (групповое преступление)[227].

Ценность данного подхода заключается в предложенной классификации, выстроенной по принципу усиления связи между участниками: от внешней связи между участниками (прикосновенности) и внешней причинной зависимости (сопричинение) до тесной внутренней связи (группового преступления), которому

---

[225] *Плотников А.И.* Соучастие в системе преступлений, характеризующихся стечением преступников // Lex Russica. 2016. № 5. С. 129.

[226] *Плотников А.И.* Соучастие в преступлении: спорные вопросы. С. 524–525.

[227] См.: *Плотников А.И.* Объективное и субъективное в преступлении: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 24, 344.

предшествует стадия причастности к преступлению, характеризующаяся переходом внешней причинной зависимости во внутреннюю[228]. Выделение автором сопричинения преступления как отдельной категории согласуется с современной доктриной о причинении последствий неосторожными действиями двух или более лиц.

Что касается отнесения прикосновенности к преступлению к множественности лиц (стечению преступников), данный подход не новый и не единственный, он использовался уже дореволюционными учеными.

Ю.Е. Пудовочкин выделяет две группы преступного взаимодействия: 1) прикосновенность к преступлению, включающее попустительство, заранее не обещанное укрывательство и недоносительство о преступлении; 2) совместное участие в преступлении, включающее соучастие, посредственное причинение и неосторожное сопричинение[229]. В своей классификации автор отграничивает прикосновенность к преступлению от совместного участия в преступлении, с чем нельзя не согласиться. Кроме того, Ю.Е. Пудовочкин не объединяет эти две группы преступного взаимодействия общим признаком – совершением одного преступления.

А.М. Минькова выделяет прикосновенность к преступлению в отдельный институт, который наряду с множественностью лиц в преступлении примыкает к соучастию, но ни соучастия, ни множественности лиц не образует[230].

Интересную структуру предлагает А.Р. Салимгареева, дифференцирующая виды «преступной деятельности двух или более лиц» на: 1) совершенные в соучастии; 2) их деятельность без признаков соучастия, которую, в свою очередь, делит на а) умышленную, охватывающую посредственное причинение и прикосновенность к преступлению, и б) неосторожное сопричинение[231]. Ценность

---

[228] См.: там же. С. 341.
[229] См.: *Пудовочкин Ю.Е.* Учение о преступлении: избранные лекции. М., 2008. С. 144-147.
[230] См.: *Минькова А.М.* Указ. соч. С. 80.
[231] См.: *Салимгареева А.Р.* Указ. соч. С. 8.

подхода заключается в стремлении охватить максимально широкий спектр ситуаций преступного взаимодействия нескольких лиц.

Под преступной деятельностью двух или более лиц автором подразумевается «взаимодействие двух или более лиц, из которых хотя бы одно лицо обладает признаками субъекта преступления, а процесс либо результат такого взаимодействия причиняет общественно опасный вред обществу»[232], что позволяет охватить не только все выделенные нами виды множественности лиц, но и иные виды стечения, такие как прикосновенность к преступлению.

Сторонниками отнесения прикосновенности к преступлению к множественности лиц в преступлении являются Н.А. Бабий[233] и Д.М. Молчанов[234] – ученые, уделившие много внимания исследованию данного явления в современный период.

Н.А. Бабий предложил наиболее развернутую классификацию видов множественности лиц, в которой, исходя из предметного содержания совместной деятельности, выделил следующие виды:

1) участие в преступлении (наряду с совершением преступления в соучастии к данному виду автор относит одностороннее участие в совершении преступления другим лицом; участие в преступлении лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности; участие в неосторожном преступлении);

2) участие в организованной преступной деятельности (организованная группа; преступная организация; иные преступные формирования);

3) прикосновенность к преступлению или организованной преступной деятельности: недонесение, укрывательство, попустительство, одобрение, пользование результатами преступления[235].

Позиция Н.А. Бабия вызывает научный интерес сразу по нескольким причинам. Автором впервые к множественности лиц в преступлении предлагается

---

[232] См.: там же. С. 13.
[233] См.: *Бабий Н.А.* Указ. соч. С. 37.
[234] См.: *Клименко Ю. А., Молчанов Д. М.* Указ. соч. 17.
[235] См.: *Бабий Н.А.* Указ. соч. С. 36–41.

отнести одностороннее участие в совершении преступления другим лицом, под которым понимает «сознательное участие одного субъекта в совершении умышленного преступления другим субъектом, который не осведомлен о таком сознательном участии»[236]. Данное явление нельзя отнести к соучастию из-за отсутствия двусторонней субъективной связи. Ответственность лица, осознающего свою тайную роль в совершении преступления и содействующего умышленно в совершении умышленного преступления, не регулируется нормами о соучастии и не подпадает под действие норм Особенной части УК РФ.

Несмотря на отсутствие признака совместности, одностороннее участие в совершении преступления с объективной стороны представляет собой ситуацию, когда в едином преступлении задействовано несколько лиц. Отсутствие двусторонней субъективной связи, исключающее квалификацию деяния как соучастия, не устраняет того, что в совершении преступления фактически участвуют два или более лица. Именно поэтому мы соглашаемся с Н.А. Бабием, что участие с односторонней субъективной связью (тайное участие в преступлении) должно рассматриваться как один из видов множественности лиц в преступлении, подлежащий закреплению в УК РФ. Такой подход позволяет юридически учесть и дать правовую оценку «тайному вкладу» лица, умышленно содействовавшего совершению преступления.

Исходя из этого, множественность лиц в преступлении охватывает весь спектр возможных субъективных отношений:

– наличие двусторонней связи (при соучастии);

– наличие односторонней субъективной связи (при одностороннем участии в совершении преступления другого лица);

– отсутствие субъективной связи (при неосторожном сопричинении).

Небезынтересно, что множественность лиц в преступлении Н.А. Бабий определяет как «участие двух или более лиц в совершении преступления или в организованной преступной деятельности, а также прикосновенность к

---

[236] Там же. С. 208.

преступлению или организованной преступной деятельности»[237]. Отделяя участие в преступлении от участия в организованной преступной группе, он предлагает учитывать, что «участие в преступлении ограничено рамками одного совместно совершаемого преступления и предопределяется содержанием и рамками объективных и субъективных признаков конкретного состава преступления. При организованной преступной деятельности появляются, если так можно выразиться, надпреступные признаки, объединяющие отдельные преступления в преступную деятельность как систему поведения многих лиц и придающие самой этой деятельности самостоятельный организованный характер. Такая деятельность далее включает в себя отдельные формы поведения, которые вне участия в преступном сообществе не являются преступлением, поскольку не являются соучастием в совершении конкретного преступления. Указанные интегрирующие признаки организованной преступной деятельности и выводят ее за рамки соучастия»[238]. Данное разграничение важно, поскольку оно позволяет учитывать качественно новый уровень преступного взаимодействия в более сложных (организованных) формах множественности лиц в преступлении.

Однако, по нашему мнению, множественностью лиц нельзя считать прикосновенность к преступлению и организованной преступной деятельности (ст. 205^4, 208, 209, 210, 282^1 УК РФ) ввиду того, что «множественность лиц в преступлении» подразумевает участие двух или более лиц в совершении одного и того же преступления, приводящего к единому преступному результату. Прикосновенность же, по своей сути, представляет собой деятельность, которая следует после совершения основного преступления или не является непосредственным вкладом в его объективную сторону. Прикосновенность к преступлению осуществляется лицом единолично, заранее не обещанное благоприятствование совершению преступления не образует множественности лиц в преступлении ввиду фактического отсутствия его количественного признака. Лица, причастные к прикосновенности, не взаимодействуют при совершении

---

[237] *Бабий Н.А.* Указ. соч. С. 35.
[238] См.: там же. С. 46.

предикатного преступления, их деятельность находится за рамками непосредственного коллективного причинения вреда.

Исходя из этого, можно выявить следующие обязательные признаки множественности лиц в преступлении:

1) действия (бездействие) всех участвующих лиц должны быть соединены объективной связью в рамках совершения одного и того же преступления;

2) преступление должно быть общим для всех участников;

3) деяния всех лиц должны приводить к единому преступному результату;

4) деяния нескольких лиц являются звеньями одной причинно-следственной цепи, направленной на достижение единого преступного результата или образующие единый состав преступления. Например, один человек взламывает дверь, а другой в это время проникает в помещение и похищает имущество; их действия, будучи разными по характеру, объединены общим посягательством на собственность в рамках одной кражи. Этот признак отграничивает множественность лиц от ситуаций, когда несколько лиц совершают разные, не связанные между собой деяния, что не образует множественности лиц в пределах одного преступления.

Таким образом, к признакам множественности лиц в преступлении можно отнести: а) два или более лица, из которых хотя бы одно обладает признаками субъекта преступления; б) участие в одном и том же преступлении; в) наличие как умышленной, так и неосторожной формы вины; г) наличие односторонней, многосторонней или отсутствие субъективной связи.

Основываясь на выделенных признаках, проанализируем классификацию, предложенную Д.М. Молчановым. Такой подход позволит выявить как спорные ее аспекты, например отнесение к множественности лиц прикосновенности к преступлению, так и ее несомненную научную ценность, заключающуюся в концептуальном отграничении института соучастия Общей части от специальных видов соучастия в Особенной части УК РФ. Эту идею ранее высказывал

Д.А. Безбородов, говоря о соучастии sui generis[239]. Д.М. Молчанов выделяет две группы таких норм:

– нормы, устанавливающие ответственность за сам факт соучастия вне связи с конкретным преступлением, которое планируют совершить соучастники (ст. 205^4, 208, 209, 210, 282^1 УК РФ);

– нормы, которыми устанавливается ответственность для разных видов соучастников (юридически – исполнителей нескольких самостоятельных преступлений), вследствие чего квалификация действий не требует ссылки на ст. 33 УК РФ, в том числе посредничество в двусторонних преступлениях (как специфическая роль соучастника)[240].

Можно согласиться с тем, что нормы о соучастии, изложенные в Особенной части УК РФ, не совпадают с концепцией соучастия как института Общей части УК РФ. В частности, С.А. Балеев справедливо отмечает: «Организация преступных объединений, являющихся разновидностями организованной группы, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, участие в них, так же как в преступном сообществе (преступной организации), не являются соучастием в конкретном преступлении. Это соучастие в организованной преступной деятельности»[241]. В связи с этим организация и участие в преступных объединениях, а также нормы, которыми устанавливается ответственность для разных видов соучастников (ролевое сопричинение), подлежат отнесению к самостоятельным видам множественности лиц в преступлении. Не случайно преступные объединения, предусмотренные нормами Особенной части УК РФ, в литературе признаются необходимым соучастием, которое в отличие от соучастия в преступлении как специфического способа его совершения совместными

---

[239] См.: *Безбородов Д.А.* Методологические основы учения об уголовной ответственности за совместное преступное деяние: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 396.

[240] См.: *Молчанов Д.М.* Множественность лиц в преступлении как новый институт уголовного права России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10 (98). С. 65, 67–68.

[241] *Балеев С.А.* Правовое регулирование ответственности за организацию преступного объединения и участие в нем // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 158 (2). С. 593. С. 590–595.

усилиями двух или более лиц представляет собой разновидность множественности субъектов преступной деятельности и одновременно выступает в качестве формы функционирования преступного объединения[242].

Кроме того, представляется верной позиция Д.М. Молчанова о специфике преступного сообщества как особой форме соучастия, закрепленной в Особенной части УК РФ (ст. 210 УК РФ) ввиду того, что «в Особенной части УК РФ предусмотрена лишь ответственность за сам факт создания сообщества, за руководство таким сообществом и участие в нем, но ни одно из совершенных таким сообществом преступлений не может получить при квалификации оценки как совершенное преступным сообществом, поскольку отсутствует формальное основание для такой оценки – нет квалифицирующего признака в статьях Особенной части»[243]. Этот юридический парадокс убедительно доказывает обособленность ч. 4 ст. 35 УК РФ от иных общих положений о соучастии.

К еще одному самостоятельному виду множественности лиц можно отнести двусторонние и трехсторонние преступления, в которых ответственность виновных, совместно совершающих единое преступление, наступает по разным статьям (частям статьи) УК РФ. В таких преступлениях фактически несколькими лицами совершается единый преступный эпизод, а законодатель разделяет ответственность его участников, квалифицируя их действия по разным статьям (или частям статей – в случае с коммерческим подкупом) УК РФ. Взяткодатель и взяткополучатель, совершая единое преступное деяние, являются исполнителями разных составов преступлений, каждый из которых выполняет объективную сторону отдельного общественно опасного деяния. В связи с этим взяткодатель несет ответственность по ст. 291 УК РФ, взяткополучатель – по ст. 290 УК РФ, посредник – по ст. 291^1 УК РФ. Так, по одному и тому же преступлению суд вынес отдельные приговоры: должностное лицо было осуждено по ст. 290 УК РФ за

---

[242] См.: *Коновалова И.Ю.* Ответственность за организацию и участие в преступном объединении (необходимое соучастие) по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 9.

[243] *Клименко Ю.А., Молчанов Д.М.* Указ. соч. С. 87.

получение через посредника взятки в виде денег за попустительство по службе; передававшее ему деньги лицо – по ст. 291[1] УК РФ за посредничество[244]. Такой подход уже сам по себе указывает на отклонение от модели соучастия, где действия всех соучастников, как правило, квалифицируются по одной статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Данная категория преступлений представляет собой отдельный вид множественности лиц, поскольку:

1) деяние нескольких лиц объединено объективной связью и является единым, оно не может быть совершено одним лицом (взяткодатель не может действовать без взяткополучателя и наоборот);

2) юридически действия каждого из участников образуют самостоятельный состав преступления, предусмотренный отдельной нормой (или частью нормы[245]) Особенной части УК РФ;

3) уголовно-правовая оценка их действий не требует применения правил квалификации и назначения наказания о соучастии, так как их роли уже определены законодателем в конкретных статьях Особенной части УК РФ.

Исходя из этого, данный вид множественности лиц в преступлении является самостоятельным, отличающимся по своей уголовно-правовой природе как от соучастия, так и от других видов стечения лиц в одном преступлении. Структура этих преступлений зачастую усложняется за счет введения в нее фигуры посредника через создание самостоятельных составов преступлений за посредничество (например, ст. 204[1], 291[1] УК РФ), при этом не выделяя посредника в ст. 33 УК РФ в качестве одного из соучастников. Это обстоятельство еще в большей степени подтверждает, что деятельность таких лиц, не регулируется нормами гл. 7 УК РФ. Введение фигуры посредника трансформирует

---

[244] Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 30 мая 2025 г. по делу № 1-320/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/8d975610-5d8e-11f 0 -9f4b-11b59c2555db (дата обращения: 10.09.2025).

[245] Речь идет, например, о коммерческом подкупе, незаконная передача которого регулируется ч. 1 ст. 204 УК РФ, а незаконное получение – в ч. 5 ст. 204 УК РФ.

двустороннюю преступную связь в трехстороннюю. В рамках единого преступления действуют три лица, каждое из которых является исполнителем своего, хотя и неразрывно связанного с другими, преступления:

– лицо, дающее взятку (исполнитель – ст. 291 УК РФ);

– лицо, получающее взятку (исполнитель – ст. 290 УК РФ);

– лицо, передающее взятку (исполнитель – ст. 291^1 УК РФ).

Несмотря на то, что каждый из трех участников несет ответственность по своей статье, их действия объективно составляют единое общественно опасное деяние.

Все изложенное показывает, что понятие «множественность лиц в преступлении» значительно шире понятия «соучастие» и охватывает виды преступной деятельности нескольких лиц, которые урегулированы не только нормами Общей части УК РФ, но и специальными нормами Особенной части УК РФ, либо законодательно не закреплены вообще.

Осознание того, что феномен фактического участия нескольких лиц в преступлении значительно шире законодательно предусмотренного института соучастия, закономерно инициировало в науке дискуссию о необходимости реформирования гл. 7 УК РФ «О соучастии в преступлении». Одним из предметов этой дискуссии является поиск нового, более емкого наименования главы, отражающего весь спектр множественности лиц в преступлении. В юридической литературе предлагались следующие варианты:

– «преступная деятельность двух или более лиц» (А.Р. Салимгареева[246]);

– «множественность участников преступления» (А.Н. Мондохонов[247]);

– «совместное совершение преступления» (Д.А. Безбородов[248]);

– «стечение преступников» (А.И. Плотников[249]);

---

[246] См.: *Салимгареева А.Р.* Указ. соч. С. 8.

[247] См.: *Мондохонов А.Н.* Формы соучастия в преступной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 10.

[248] См.: *Безбородов Д.А.* Соучастие в преступлении: понятие, признаки и юридическая природа. СПб., 2014. С. 27.

[249] См.: *Плотников А.И.* Соучастие в преступлении: спорные вопросы. С. 524–525.

– «множественность лиц в преступлении» (А.В. Курсаев[250]);

– «сопричинение вреда» (Д.А. Мелешко[251]).

Обобщая приведенные выше доводы и анализ альтернативных подходов, мы, в свою очередь, предлагаем наименование гл. 7 УК РФ «Множественность лиц в преступлении» как наиболее полно отражающее все возможные случаи стечения нескольких лиц в совершении единого преступления.

Семантически данная формулировка представляется наиболее верной по ряду причин: во-первых, использование термина «множественность» органично встраивается в существующую систему понятий Общей части УК РФ. Он хорошо известен доктрине и правоприменительной практике в рамках института множественности преступлений. Во-вторых, предлагаемое наименование соответствует юридической технике изложения норм Общей части УК РФ, где термин «лицо» (ст. 19 УК РФ) употребляется для описания субъекта преступления. В-третьих, конструкция «в преступлении» четко определяет предмет регулирования – участие в одном и том же общественно опасном деянии, что позволяет отграничить множественность лиц от смежных явлений, таких как прикосновенность к преступлению.

С юридической же точки зрения включение «множественности лиц в преступлении» в структуру УК РФ позволит охватить все случаи участия нескольких лиц в преступлении и обеспечит не только точность квалификации, но и справедливость наказания, которое будет адекватно отражать повышенную общественную опасность деяний, совершенных при фактическом стечении нескольких лиц в одном преступлении.

В настоящее время в Уголовном кодексе РФ не нашли отражения такие виды множественности лиц в преступлении, как одностороннее участие в преступлении другого лица, соисполнительство с негодным субъектом преступления, а также неосторожное сопричинение.

---

[250] См.: *Курсаев А.В.* Дифференциация уголовной ответственности за неосторожное сопричинение вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2011. С. 8.

[251] См.: *Мелешко Д.А.* Указ. соч. С. 227.

Изложенное обусловливает необходимость в комплексной законодательной регламентации всех видов фактического участия двух или более лиц в совершении преступления. Фрагментарное регулирование лишь отдельных ее видов не способно решить проблему правильной уголовно-правовой оценки действий виновных и назначения справедливого наказания с учетом общественной опасности деяния.

Резюмируем изложенное.

1. Множественность лиц в преступлении может быть представлена в двух аспектах: фактическом и уголовно-правовом. С фактической стороны – это стечение нескольких лиц в совершенном преступлении, т.е. когда в одном преступлении участвуют два и более лица, при этом не имеет значения, обладают они признаками субъекта преступления или нет. В уголовно-правовом смысле множественность лиц в преступлении рассматривается как его сущность с точки зрения уголовного права, его характерные черты, позволяющие отличать от других правовых явлений.

2. Под множественностью лиц в преступлении необходимо понимать фактическое стечение нескольких лиц в одном и том же умышленном или неосторожном преступлении, как минимум одно из которых подлежит уголовной ответственности. Признаками множественности лиц в преступлении являются: а) два или более лица, из которых хотя бы одно из них обладает признаками субъекта преступления; б) участие в одном и том же преступлении; в) наличие как умышленной, так и неосторожной формы вины; г) наличие односторонней, многосторонней или отсутствие субъективной связи.

3. Множественность лиц в преступлении представляет собой более широкую по своему содержанию и объему уголовно-правовую категорию, чем институт соучастия. Она находит отражение в следующих видах стечения нескольких лиц в преступлении:

1) умышленное совместное участие двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления;

2) умышленное содействие совершению умышленного преступления другим лицом, не осведомленным о таком содействии;

3) совершение преступления лицом, обладающим признаками субъекта преступления, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств;

4) совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления;

5) причинение единого общественно опасного последствия по неосторожности несколькими лицами, обладающими признаками субъекта преступления.

4. Фрагментарное регулирование отдельных проявлений множественности лиц в преступлении не способно решить проблему обоснованной уголовно-правовой оценки действий виновных и назначения справедливого наказания с учетом общественной опасности деяния, совершенного несколькими лицами, что обусловливает необходимость законодательной регламентации правил квалификации и назначения наказания для таких случаев в гл. 7 УК РФ с более широким названием – «Множественность лиц в преступлении».

§ 2. Виды множественности лиц в преступлении, отраженные в Уголовном кодексе РФ

Как уже указывалось, множественность лиц в преступлении следует рассматривать в двух аспектах: фактическом и уголовно-правовом. С фактической стороны множественность лиц представляет собой стечение двух или более лиц в совершении одного и того же преступления. Уголовно-правовой аспект касается исключительно тех форм совместной преступной деятельности, которые нашли свое отражение в УК РФ. Подобно тому, как лишение жизни человека имеет разную уголовно-правовую оценку – убийство, причинение смерти по неосторожности, посягательство на жизнь лица, осуществляющего те или иные полномочия, или иное преступление, в котором наступление смерти выступает криминообразующим или квалифицирующим признаком, – так и стечение нескольких лиц в одном

преступлении получает свою уголовно-правовую оценку на основе норм, закрепленных в УК РФ. Таким образом, фактическое участие нескольких лиц в совершении преступления, является более широким понятием, тогда как уголовный закон регламентирует лишь некоторые его виды, придавая им правовое значение и определяя их уголовно-правовую природу.

В науке уголовного права исследуется все многообразие видов множественности лиц в ее фактическом понимании. Ученые, стремясь всесторонне проанализировать данное явление, выделили и классифицировали различные виды совместной преступной деятельности, основываясь на объективных критериях их проявления. Вместе с тем необходимо констатировать, что далеко не все из них получили законодательное выражение. Законодатель акцентирует внимание на наиболее общественно опасных и распространенных видах множественности лиц в преступлении, таких как соучастие, оставляя за рамками правового регулирования иные случаи стечения нескольких лиц в одном преступлении, либо регулируя их опосредовано.

Соучастие – самый распространенный вид множественности в преступлении, нашедший закрепление в гл. 7 УК РФ. Согласно ст. 32 УК РФ «соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». В законодательном определении нашли отражение все признаки соучастия, которые традиционно выделяет уголовно-правовая наука.

В качестве неотъемлемой характеристики соучастия законодатель указывает на качественный признак совместности, который, как отмечает Л.Д. Ермакова, означает, что «преступление совершается сообща несколькими лицами, т.е. каждый соучастник совершает действия (бездействие), необходимые для выполнения преступления, в большей или меньшей степени содействуя другим соучастникам»[252]. Данный признак раскрывается во всех работах, посвященных соучастию и, в частности, его признакам, но имеет разные трактовки:

---

[252] Уголовное право. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2008. С. 251.

– совместность (А.П. Козлов[253], Д.А. Мелешко[254]);

– совместность их преступной деятельности (Р.С. Рыжов[255], В.П. Карлов[256]);

– совместная деятельность виновных (Р.Р. Галиакбаров[257]);

– совместный характер их деятельности (Р.Г. Калуцких[258]);

– совместность участия в совершении преступления (А.Р. Зайнутдинова[259]);

– совместность их участия в преступной деятельности (Н.П. Печников[260], А.Г. Калмыкова[261]);

– совместность преступного поведения (А.В. Плужников[262]);

– умышленное совместное участие (Ю.Е. Пудовочкин[263]).

Разнообразие представленных трактовок не свидетельствует о наличии принципиальных доктринальных расхождений в содержании рассматриваемого термина. По своей сути совместность предполагает установление следующих обстоятельств: 1) действия соучастников, их взаимосвязанность, объединение усилий; 2) единый для соучастников результат (общее преступление); 3) причинно-следственная связь между деянием каждого соучастника и результатом[264].

Однако законодательная техника требует максимально точного изложения уголовно-правовых норм, что невозможно без адекватно подобранной

---

[253] См.: *Козлов А.П.* Указ. соч. С. 34.

[254] См.: *Мелешко Д.А.* Указ. соч. С. 48.

[255] См.: *Рыжов Р.С.* Уголовная ответственность соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 48.

[256] См.: *Карлов В.П.* Формы соучастия: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. С. 61.

[257] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 9, 12.

[258] См.: *Калуцких Р.Г.* Уголовно-правовые вопросы квалификации преступлений, совершенных в соучастии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 9.

[259] См.: *Зайнутдинова А.Р.* Ответственность за организованные формы соучастия в преступлении по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 10.

[260] См.: *Печников Н.П.* Указ. соч. С. 4.

[261] См.: *Калмыкова А.Г.* Соучастие в преступлении (социальная и юридическая сущность): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15.

[262] См.: *Плужников А.И.* Соучастие в преступлении (проблема соучастия общего и специального субъекта): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 12.

[263] См.: *Андрианов В.К., Голубов И.И., Кустова В.В. и др.* Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / под. ред. Ю.Е. Пудовочкина: монография. М., 2019. С. 74.

[264] См., например: Российское уголовное право: Общая часть: учебник: в 2 ч. / под. ред. А.Г. Блинова, Н.А. Лопашенко. М., 2024. Ч. I. С. 545; *Козлов А.П.* Указ. соч. С. 54.

терминологии. Наиболее правильной представляется формулировка Ю.Е. Пудовочкина, отсылающая непосредственно к законодательной дефиниции соучастия и согласующаяся с мнением о том, что признак совместности должен быть наделен и субъективным содержанием[265]. Так, еще А.Н. Трайнин выделял два основания уголовной ответственности при соучастии: объективное (причинность) и субъективное (виновность), определяя соучастие как «совместное участие нескольких лиц в совершении одного и того же преступления, участие, при котором каждое из действующих лиц должно быть причинно и виновно связано с преступным результатом»[266]. В дальнейшем субъективное начало совместности выделял Ф.Г. Бурчак, говоря о том, что соучастники должны обладать знанием о присоединившейся деятельности других лиц и стремлением достигнуть определенного результата путем объединения усилий[267]. А.В. Шеслер и С.С. Шеслер определили особенности интеллектуального и волевого моментов совместности умысла, заключающиеся:

– в наличии между соучастниками двусторонней субъективной связи, предполагающей, что каждый из соучастников осознает взаимную обусловленность деяний друг друга и предвидит единый результат совместного деяния, а также осознает причинную связь между общностью деяния и единым результатом (интеллектуальный момент);

– в наличии у них общей групповой цели, реализуемой в преступлении (волевой момент)[268].

При этом степень осведомленности соучастников о роли друг друга может варьироваться от полного знания до общего понимания намерения нескольких лиц совершить преступление совместно и характера предпринимаемых преступных действий[269].

---

[265] *Андрианов В.К., Голубов И.И., Кустова В.В. и др.* Указ. соч. С. 74.

[266] *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. С. 77.

[267] См.: *Бурчак Ф.Г.* Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969. С. 46.

[268] См.: *Шеслер А.В., Шеслер С.С.* Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 62–63.

[269] См.: там же. С. 63.

В дефиниции соучастия, закрепленной в ст. 32 УК РФ, законодатель не акцентирует внимание на умышленном характере: помимо умышленного участия законодателем конкретизируется, что оно может быть только в умышленном преступлении. Дублирование термина «умышленное» вызывает критику в уголовно-правовой литературе. Так, А.П. Козлов, рассуждая по этому поводу, указывает на формально-логическое разделение законодателем факторов «участия» и «совершения преступления» как «отдельных, самодостаточных». Он отмечает, что двукратное повторение термина «умышленное» лишь «усиливает иллюзию их самостоятельности, при которой вроде бы имеют место поведение-участие и поведение – совершение преступления», чего на самом деле не существует[270]. Мы не считаем повторное употребление термина «умышленный» в ст. 32 УК РФ излишним, поскольку таким образом законодатель исключает соучастие при иных вариациях стечения двух или более лиц в преступлении: умышленное участие в неосторожном преступлении, неосторожное участие в умышленном преступлении и неосторожное участие в неосторожном преступлении.

Еще один признак, который указан законодателем в дефиниции соучастия, – участие в преступлении двух или более лиц. Он обозначает минимальное количество участников преступления, присущ всем видам множественности лиц и в целом его содержание было раскрыто в предыдущем параграфе, однако применительно к соучастию его трактовка требует конкретизации.

Е.В. Благов справедливо отмечает, что данный признак имманентен как участию в совершении преступления, так и совместности, поскольку участвовать в одиночку невозможно, совместно совершить преступление одному – тоже[271]. Как невозможно «совместно» действовать одному, так и невозможно участвовать в чем-либо в одиночку, поскольку «участие» предполагает наличие как минимум еще одного субъекта, а совершение преступления единолично с позиции законодателя называется исполнением. Следовательно, указание на «двух или более лиц» в

---

[270] *Козлов А.П.* Указ. соч. С. 75.

[271] См.: *Благов Е.В.* Соучастие в преступлении и уголовная ответственность: монография. М., 2021. С. 15.

текущей формулировке закона не несет самостоятельного уголовно-правового значения и требует терминологического уточнения.

В доктрине количественный признак соучастия находит различное выражение, проявляясь в следующих формулировках:

– участие двух и более лиц (А.П. Козлов[272], В.И. Пинчук[273]);

– участие в преступлении двух или более лиц (Р.Р. Галиакбаров[274], Р.Г. Калуцких[275]);

– участие в одном и том же преступлении двух или более лиц (Н.П. Печников[276]);

– участие в совершении преступления нескольких лиц (А.И. Плотников[277]);

– количество участников (А.Р. Зайнутдинова[278]);

– множественность (множество) субъектов (А.В. Шеслер[279]).

Из всего многообразия вариантов особое значение приобретает последний, указывающий не просто на «лиц» или «участников», а на «субъектов», что имеет уголовно-правовое значение и позволяет исключить доктринальные разночтения относительно качественного состава участников соучастия, поскольку действующее законодательное определение соучастия оставляет пространство для неоднозначных толкований: термин «лицо» сам по себе не подразумевает «годный субъект преступления» в его уголовно-правовом значении.

Рассуждая по этому поводу, П.С. Яни указывает, что «человек, во время совершения общественно опасного деяния находившийся в состоянии невменяемости, либо не достигший возраста уголовной ответственности, либо по другим основаниям не подлежащий ответственности, в уголовном законе также

---

[272] См.: *Козлов А.П.* Указ. соч. С. 31.

[273] См.: *Пинчук В.И.* Соучастие в преступлении: учеб. пособие. СПб., 2002. С. 4.

[274] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. С. 9, 12.

[275] См.: *Калуцких Р.Г.* Указ. соч. С. 9.

[276] См.: *Печников Н.П.* Соучастие в преступлении: теория и проблемы практики: конспект лекций. Тамбов, 2008. С. 4.

[277] См.: *Плотников А.И.* Указ. соч. С. 12.

[278] См.: *Зайнутдинова А.Р.* Указ. соч. С. 10.

[279] См.: *Шеслер А.В.* Соучастие в преступлении: монография. Новокузнецк, 2014. С. 7.

именуется “лицом”. Однако в силу ст. 14, 21, 24, 32 и др. УК РФ совершить преступление, т.е. стать исполнителем преступления, может не любое “лицо”. Следовательно, лицо “негодное” и лицо, умышленно и совместно участвующее в совершении умышленного преступления, являются разными по характеристикам лица, второе понятие никак не может охватить первое. Лицо, в момент совершения общественно опасного деяния находящееся в состоянии невменяемости, не может быть не только исполнителем преступления, но и соисполнителем либо иным»[280].

По нашему мнению, целесообразно уточнить легальную дефиницию соучастия. В связи с этим предлагается внести изменение в ст. 32 УК РФ и изложить ее в следующем виде: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления».

Таким образом, признаками соучастия являются:

– умышленное совместное участие;

– участие двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности;

– участие в совершении умышленного преступления.

Указанные признаки соучастия позволяют отграничить его от иных видов множественности лиц в преступлении.

Еще один вид множественности лиц, нашедший отражение в УК РФ и требующий самостоятельного рассмотрения, – совершение преступления посредством лица, не подлежащего уголовной ответственности. О данном феномене начали говорить еще в конце XIX в. Так, Г.Е. Колоколов писал о случаях кажущегося (мнимого) подстрекательства, которые хотя и имеют с подстрекательством внешнее совпадение, но не допускают его применения в силу определенных обстоятельств[281]. А.Н. Трайнин совершение преступления «подлинным преступником», использующим в качестве «слепого оружия» другого человека, называл «мнимое соучастие», которое не влечет уголовной

---

[280] *Яни П.С.* Проблемы понимания соучастия в судебной практике // Законность. 2013. № 7. С. 47–48.

[281] См.: *Колоколов Г.Е.* Указ. соч. С. 120–124.

ответственности для того, кто действовал под чужим непреодолимым физическим или психическим давлением[282].

Данное явление нашло отражение в описании посредственного исполнителя и получило наименование в доктрине «посредственное исполнение» («посредственное причинение»[283], «опосредованное исполнение»[284]). По смыслу закона посредственное исполнение возникает в ситуациях, когда лицо (посредственный исполнитель) совершает преступление «посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом» (ч. 2 ст. 33 УК РФ). При этом Уголовный кодекс РФ не содержит исчерпывающего перечня «других обстоятельств», помимо возраста и невменяемости, которые прямо лишали бы лицо статуса субъекта преступления и были бы предусмотрены в законе как таковые.

Г.Е. Колоколов к их числу относил склонение к совершению преступления невменяемых, психическое принуждение, безусловно-обязательный приказ, извинительные обстоятельства (например, крайняя нужда), и влияние ошибки, исключающей виновность[285]. А.Н. Трайнин кроме этих обстоятельств выделяет склонение к совершению преступления малолетних и физическое насилие[286]. По мнению П.Ф. Тельнова, лицо может действовать в условиях ошибки, допускающей наказуемость лишь за неосторожное преступление, что также будет считаться посредственным причинением вреда[287].

Такие ситуации, как использование лица, действующего под влиянием физического или психического принуждения, угроз, обмана или ошибки, закономерно исключают уголовную ответственность непосредственного исполнителя. Однако эти обстоятельства являются общими условиями

---

[282] См.: *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. С. 121–123.
[283] См., например: *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Ч. 1. С. 240.
[284] См., например: *Козлов А.П.* Указ. соч. С. 96.
[285] См.: *Колоколов Г.Е.* Указ. соч. С. 120–124.
[286] См.: *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. С. 121–123.
[287] См.: *Тельнов П.Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. С. 75.

невиновности, а не специально предусмотренными в законе для этих целей, в связи с чем указание на наличие других обстоятельств, «предусмотренных настоящим Кодексом» в ч. 2 ст. 33 УК РФ представляется избыточной формулировкой.

Кроме того, расположение нормы в гл. 7 УК РФ наводит на мысль об отношении посредственного исполнения к институту соучастия, которому посвящена данная глава. Однако Н.Ф. Кузнецова обоснованно подчеркивала, что при посредственном причинении соучастие отсутствует, поскольку фактически преступление совершается лицом индивидуально[288].

Норма о посредственном исполнителе является примером юридической фикции: в подобной ситуации фактическим исполнителем выступает лицо, не подлежащее уголовной ответственности, но юридически исполнителем признается виновный, в сущности – выполнивший иную роль (подстрекатель или организатор).

Таким образом, посредственный исполнитель не будет соучастником в собственном уголовно-правовом смысле, если кроме него и лица, не подлежащего ответственности, в совершении преступления больше никто не принимал участия (по причине отсутствия в таком случае признака множественности соучастников). Посредственное исполнение не является соучастием в связи с отсутствием его количественного признака – двух или более лиц, обладающих признаками субъекта преступления. Для уточнения понятийно-категориального аппарата предлагается к данным ситуациям применять термин «причинение» вместо «исполнения», ассоциирующегося с соучастием.

На наш взгляд, целесообразно перенести положение о посредственном исполнителе из ч. 2 ст. 33 УК РФ в новую ст. 32^1 УК РФ, назвав ее «Виды множественности лиц в преступлении, не образующие соучастия», где определить посредственное причинение вреда как деятельность лица, обладающего признаками субъекта преступления, совершившего преступление посредством использования другого лица (лиц), не подлежащего(-щих) уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, а

---

[288] См.: *Борзенков Г.Н., Бородин С.В., Кузнецова Н.Ф. и др.* Новое уголовное право России. Общая часть: учеб. пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1996. С. 57.

посредственного причинителя вреда определить в ч. 1 ст. 33^1 УК РФ как лицо, обладающее признаками субъекта преступления, совершившее преступление посредством использования другого лица (лиц), не подлежащего(-щих) уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств (см. Приложение 1).

Исполнение преступления посредством другого лица, не подлежащего уголовной ответственности, представляет собой деяние, обладающее повышенной степенью общественной опасности по сравнению с единоличным совершением преступления, а потому фактическое участие нескольких лиц в преступлении должно учитываться при назначении наказания так называемому годному субъекту.

Повышенная опасность детерминируется следующими факторами:

– использование другого лица может позволить виновному совершить преступление, которое он не смог бы или не решился бы совершить в одиночку, либо совершить его с меньшим риском для себя;

– исполнитель, использующий другое лицо, не обладающее признаками субъекта преступления, демонстрирует не только прямой умысел на совершение преступления, но и особую изощренность и расчетливость, направленные на избежание собственной уголовной ответственности путем переложения фактического исполнения на лицо, которое не может быть привлечено к ней;

– зачастую объектом такого использования становятся лица, находящиеся в уязвимом положении в силу возраста, психического состояния или иных обстоятельств, что придает действиям виновного особую морально-этическую предосудительность. Виновный злоупотребляет их неспособностью в полной мере осознавать характер и значение совершаемых действий либо руководить ими;

– использование негодного субъекта преступления создает значительные трудности для правоохранительных органов в выявлении истинного исполнителя преступления, установлении его вины и привлечении к ответственности.

Именно этот составной характер опасности на сегодняшний день не учтен в уголовном законодательстве. Редакция п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ акцентирует внимание лишь на состоянии вовлекаемого лица (психическое расстройство,

опьянение). При этом закон не регулирует гораздо более изощренные и опасные случаи использовании невменяемого или малолетнего в качестве «живого орудия».

В этой части поддерживаем предложение А.Н. Мондохонова вывести посредственное исполнение за рамки института соучастия и расценивать его в качестве квалифицирующего признака и отягчающего наказание обстоятельства[289]. Законодателю необходимо учесть, что исполнение преступления посредством другого лица является более общественно опасным, чем исполнение преступления в одиночку. Поэтому, как полагаем, целесообразно изложить п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ в новой редакции: «Привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения, а также совершение преступления лицом, обладающим признаками субъекта преступления, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств».

Соучастие как институт Общей части УК РФ является универсальным, но не единственным инструментом правовой оценки совместных преступных действий. Помимо случаев, когда роли соучастников и формы соучастия прямо предусмотрены в качестве криминообразующих или квалифицирующих признаков состава преступления или учитываются как обстоятельства, отягчающие наказание, в Особенной части УК РФ существует целый ряд норм, выпадающих из этой стандартной схемы. В них законодатель сознательно отходит от классической модели, создавая специфические конструкции, в которых правила о распределении ролей по ст. 33 УК РФ оказываются неприменимыми.

Поэтому подробному рассмотрению подлежат специальные виды соучастия, изложенные в Особенной части УК РФ, которые в ряде случаев образуют самостоятельные виды множественности лиц.

Одним из видов множественности лиц, нашедших закрепление в уголовном законодательстве, выступает организация и участие в преступных объединениях, за

---

[289] См.: *Мондохонов А.Н.* Формы соучастия в преступной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. С. 9.

которые нормами Особенной части УК РФ предусмотрена уголовная ответственность. К таким преступным объединениям относятся:

– террористическое сообщество (ст. 205^4 УК РФ);

– незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ);

– банда (ст. 209 УК РФ);

– преступное сообщество (преступная организация) (ст. 210 УК РФ);

– объединение, посягающее на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ);

– диверсионное сообщество (ст. 281^3 УК РФ);

– экстремистское сообщество (ст. 282^1 УК РФ).

Сама законодательная конструкция составов преступлений, предусматривающих ответственность за организацию преступных формирований или участие в них, предполагает наличие количественного признака множественности лиц. По своему лексическому значению слова «руководство» и «участие» предполагают, что есть еще хотя бы один участник преступления: руководство – объекта управления («руководитель – тот, кто руководит кем-л., чем-л., направляет деятельность кого-, чего-л»[290]), участие – коллектива («участвовать – действовать совместно с другими»[291]), к которому можно присоединиться. Их сущность и правовое значение раскрываются только через взаимосвязь как минимум двух участников. Таким образом, количественный признак множественности лиц «участие двух или более субъектов» заложен непосредственно в диспозицию соответствующих норм Особенной части УК РФ.

В отличие от соучастия, подразумевающего совместное участие в совершении преступления и (или) предполагающего подготовку и последующее его совершение, руководство и участие в преступном объединении может быть не связано с совершением преступлений, «преступлением, в котором они совместно участвуют, является именно их объединение в определенную группу»[292]. Действия всех участников квалифицируются по статье, предусматривающей наказание за

---

[290] Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1987. С. 739.
[291] Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А.П. Евгеньевой. С. 541.
[292] См.: *Клименко Ю. А., Молчанов Д. М.* Указ. соч. С. 14.

подобную организационную деятельность, без ссылки на ст. 33 УК РФ. Правила квалификации и назначения наказания, действующие при соучастии, в этом случае не применяются.

Уголовный закон проводит разграничение между организатором как одним из соучастников (ч. 3 ст. 33 УК РФ) и организатором (руководителем) преступной группы, ответственность за деятельность которого предусмотрена нормами Особенной части УК РФ (ст. 205^4, 208, 209, 210, 212, 239, 279, 281^3, 282^1 УК РФ). Организаторские действия в ряде случаев выделены законодателем в отдельные составы преступления, поэтому на лиц, совершивших подобные преступления, не распространяются правила квалификации и назначения наказания гл. 7 УК РФ. В этой связи можно сделать вывод, что деяния лиц, описанные в перечисленных статьях уголовного закона, образуют самостоятельный вид множественности лиц в преступлении, имеющий особую уголовно-правовую природу.

Кроме того, законодатель дифференцирует уголовную ответственность за создание и руководство организованной группы (преступного сообщества) и за участие в них. Фигура участников не имеет аналогов в традиционном институте соучастия, что еще раз подтверждает их разную уголовно-правовую природу. Традиционное соучастие предполагает, что каждое лицо, участвующее в совершении преступления, выполняет определенную роль (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник) и его действия направлены на совершение конкретного преступления.

В организованной группе или преступном сообществе роль участника может быть не связана с совершением конкретных преступлений. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что под участием в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282^1 УК РФ) надлежит понимать вхождение в состав такого сообщества с намерением участвовать в подготовке или совершении одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, участие в подготовке к совершению указанных преступлений экстремистской направленности и (или) непосредственное совершение таких преступлений, а также выполнение лицом

функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (снабжение информацией, ведение документации и т.п.)[293].

Так, на доводы стороны защиты о том, что П. незаконно была осуждена за участие в террористическом сообществе по ч. 2 ст. 205[4] УК РФ, поскольку была распределена в батальон «Айдар» по разнарядке, не имела корыстных мотивов при поступлении туда, в боевых действиях не участвовала, исполняла обязанности повара, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ указала, что выполнение П. функциональных обязанностей по обеспечению деятельности батальона «Айдар» является формой участия в террористическом сообществе, а мотивы участия виновного в указанном сообществе значения для квалификации его действий не имеют[294]. Подобная оценка действий участника объединения является устойчивой, сформировавшейся правовой позицией[295].

Таким образом, законодатель, дифференцируя ответственность за создание, руководство и участие в организованной группе или преступном сообществе, выходит за рамки института соучастия, в котором действия соучастников направлены на совершение конкретного преступления и соответствуют определенным ролям – исполнителя, организатора, подстрекателя, пособника. Участие в рассматриваемых преступлениях представляет собой особый вид множественности лиц в преступлении, в котором участник не обязательно совершает действия, образующие объективную сторону какого-либо конкретного

---

[293] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (п. 16) // Российская газета. 2011. № 142.

[294] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 18 июня 2024 г. № 224-УД24-13-А6 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2377968 (дата обращения: 11.10.2025).

[295] Анализировались приговоры судов общей юрисдикции с 2019 г. по 2025 г. различных субъектов РФ: Республики Хакасия, Ставропольского края, Воронежской области, г. Москвы, г. Екатеринбурга и др.

В 100 % проанализированных случаев выполнение обеспечивающих функций (приготовление пищи, медицинская помощь, хозяйственное обслуживание, охрана территории без участия в боестолкновениях) квалифицировалось судами как оконченное участие в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205[4] УК РФ) или незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ).

преступления; он несет уголовную ответственность за сам факт вхождения в преступную структуру и содействие ее функционированию.

В этих структурах роль участника (в отличие от исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника конкретного преступления) определяется не непосредственным совершением деяния, образующего объективную сторону преступления, а членством в устойчивом преступном объединении и выполнением любых функциональных обязанностей, направленных на его поддержание. Данное обстоятельство свидетельствует о выходе уголовной ответственности за рамки традиционного соучастия к наказанию за совершение действий члена группы.

Таким образом, участник организованной группы или преступного сообщества совершает действия, которые образуют объективную сторону самостоятельного преступления – участия в этой группе (ст. 209, 210 УК РФ). В силу этого он несет уголовную ответственность за все преступления, совершенные данным формированием, даже если лично не выполнял объективную сторону этих конкретных деяний.

Возвращаясь к феномену преступного сообщества, необходимо более детально проанализировать его уникальную уголовно-правовую природу, которая позволяет поставить вопрос о системной целостности института соучастия ввиду коллизии между Общей и Особенной частями УК РФ. С одной стороны, Общая часть УК РФ провозглашает преступное сообщество формой соучастия, легально закрепляя его в ч. 4 ст. 35 УК РФ. С другой стороны, законодатель не предусмотрел его ни в качестве квалифицирующего признака в нормах Особенной части УК РФ, ни в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Таким образом, упоминание преступного сообщества в ст. 35 УК РФ становится своего рода юридической фикцией, не имеющей практического применения.

Правовая природа преступного сообщества определяется исключительно нормой Особенной части УК РФ (ст. 210 УК РФ), поэтому его отражение в ч. 4 ст. 35 УК РФ представляется избыточным. В целях согласования норм о соучастии Общей части с положениями Особенной части УК РФ представляется целесообразным исключение ч. 4 и ч. 5 из ст. 35 УК РФ, а также упоминание о преступном

сообществе (преступной организации) из названия ст. 35 УК РФ и в ч. 2 ст. 33, ч. 7 ст. 35 УК РФ.

Такой шаг окончательно закрепит за преступным сообществом статус самостоятельного вида множественности лиц, урегулированного специальной нормой Особенной части УК РФ; более того, устранит другие противоречия между Общей частью УК РФ и ст. 205^4, 210 и 282^1 УК РФ.

Вторым видом множественности лиц в преступлении является специальное ролевое сопричинение, изложенное в нормах Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность для разных видов соучастников, каждый из которых независимо от того, какую роль выполняет, признается исполнителем преступления, вследствие чего квалификация их действий не требует ссылки на ч. 3–5 ст. 33 УК РФ.

В нормах Особенной части УК РФ (ч. 1 и ч. 1^1 ст. 205^1, ч. 1^1 ст. 212, ч. 1 ст. 281^1, ч. 1^1 ст. 282^1, ч. 1^1 ст. 282^2 и ч. 2 ст. 361 УК РФ) предусматривается ответственность за подстрекательство как самостоятельное преступление. Фигура подстрекателя в этих составах по своей сущности аналогична подстрекателю в институте соучастия. Однако законодатель придает этим действиям повышенную общественную опасность, конструируя их как оконченные преступления независимо от того, совершило ли склоняемое лицо планируемое деяние. Так, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 205^1 УК РФ, признается оконченным преступлением с момента совершения указанных действий. Фактическое наступление последствий (совершение теракта и т.п.) не является обязательным признаком[296].

Имеет место иной подход к определению момента окончания преступлений, предусмотренных ст. 150 и 151 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ связывает момент их окончания с совершением несовершеннолетним преступления

---

[296] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 3 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (п. 14) // Российская газета. 2012. № 35.

(приготовления, покушения) или антиобщественных действий[297]. При этом следует отметить, что подход к квалификации вовлечения несовершеннолетних исторически не был стабильным[298].

В.В. Палий предлагает считать вовлечение оконченным «с момента возникновения у несовершеннолетнего умысла, реализованного хотя бы частично»[299]. С нашей точки зрения, это нарушает принцип справедливости и дифференциации уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния. Такой подход фактически стирает грань между специальными видами подстрекательства и общим институтом соучастия: если склоняемое лицо начало совершать преступление, действия подстрекателя и так квалифицировались бы по правилам соучастия со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Смысл выделения данных норм в Особенную часть заключается в повышенной общественной опасности самого процесса деструктивного информационно-психологического воздействия на личность независимо от того, успела ли жертва совершить противоправное деяние.

В этой связи более обоснованной представляется логика постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (по делам о преступлениях террористической направленности). Момент окончания преступной деятельности при вовлечении (склонении) следует связывать с достижением психического результата воздействия. Преступление необходимо признавать оконченным с момента возникновения у вовлекаемого лица умысла на совершение преступления

---

[297] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28 ноября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. № 29.

[298] См.: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. № 16 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» // Документ опубликован не был. Утратило силу; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 (в ред. от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. Утратило силу.

[299] *Палий В.В.* Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12.

или дачи им согласия на участие в нем независимо от последующей реализации этого умысла в конкретных действиях.

Для оконченного состава недостаточно простого высказывания предложения (что должно считаться покушением на вовлечение), но и не требуется фактического совершения преступления вовлеченным лицом. Общественная опасность данных деяний заключается в самом факте склонения другого лица, в деформации его воли и правосознания.

Специальные нормы о пособничестве предусмотрены ч. 3 ст. 205^1 УК РФ и ч. 3 ст. 281^1 УК РФ, которые устанавливают ответственность за содействие террористической и диверсионной деятельности как оконченных деяний, повысив степень их общественной опасности до уровня самостоятельных преступлений. Такое пособничество квалифицируется по ч. 3 ст. 205^1 УК РФ или ч. 3 ст. 281^1 УК РФ без ссылки на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

В примечании 1^1 к ст. ст. 205^1 УК РФ и примечании 2 к ст. 281^1 УК РФ описаны те же действия, что и в ч. 5 ст. 33 УК РФ, однако с дополнительным указанием на умышленный характер содействия. Более существенным различием представляется отсутствие в примечании к ст. 205^1 УК РФ указания на то, что обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы должно быть дано заранее. В классическом понимании пособничество характеризуется предварительной договоренностью на оказание помощи в совершении преступления.

На первый взгляд незначительные различия на самом деле имеют существенное значение. В рамках состава, предусмотренного ст. 205^1 УК РФ, законодатель сознательно размывает границу между соучастием (пособничеством) и прикосновенностью к преступлению (укрывательством) в случае, если подобного рода действия совершаются без договоренности. Такое конструирование состава преступления не может быть случайностью, это целенаправленный прием, продиктованный стремлением максимально криминализировать любую помощь террористам, вне зависимости от момента ее оказания.

Таким образом, определения пособничества в примечании 1^1 к ст. 205^1 и ст. 281^1 УК РФ и в ч. 5 ст. 33 УК РФ совпадают не полностью. Из этого можно сделать вывод, что сам законодатель не считает подобные нормы специальными по отношению к соучастию, в противном случае не следовало каждый раз формулировать различные определения. В данных случаях мы имеем дело не со специальным случаем соучастия, а с самостоятельным видом множественности лиц, получившим отражение в нормах уголовного законодательства.

Использование термина «пособничество», имеющего строго определенное содержание в ст. 33 УК РФ, провоцирует неверное толкование нормы Особенной части УК РФ через призму института соучастия. Логичным шагом по совершенствованию законодательной техники было бы исключение из ч. 3 ст. 205^1 и ч. 3 ст. 281^1 УК РФ и примечаний 1^1 к ним термина «пособничество», заменив его на более нейтральный термин «содействие», который уже используется в названии самой статьи. Изменение позволит привести терминологию в соответствие с подлинной правовой природой данного деяния как самостоятельного вида множественности лиц.

Еще одним аргументом в пользу высказанной позиции выступает полемика о квалификации действий лиц, финансировавших преступления. Законодатель, определяя финансирование как предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг[300], в ряде случаев выделяет таких лиц из общей массы

---

[300] Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что финансированием терроризма следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи, лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205^1, 205^2, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений (например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц) (см.: п. 16. постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»).

пособников, устанавливая за их действия самостоятельную ответственность без ссылки на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Примером служат составы преступлений, связанные с финансированием терроризма, экстремистской деятельности, незаконных вооруженных формирований, наемничества и актов международного терроризма. В этой связи возникает закономерный вопрос: является ли такая дифференциация уголовной ответственности оправданной и целесообразной?

Аргументы Д.М. Молчанова, указывающего на закрытый перечень действий, характеризующих пособничество в ч. 5 ст. 33 УК РФ[301], с одной стороны, кажутся вполне обоснованными. Если следовать букве закона, то привлечение к уголовной ответственности лиц, исключительно финансировавших преступление, без учета иных форм содействия выходит за рамки допустимого расширительного толкования закона. С другой стороны, нельзя игнорировать аргументы М.Г. Горенко, акцентирующего внимание на высокой степени общественной опасности финансирования определенных категорий преступлений[302]. Финансирование, особенно в сфере терроризма и экстремизма, зачастую является ключевым элементом, обеспечивающим жизнеспособность и расширение деятельности преступных организаций. Оно позволяет им приобретать оружие, привлекать новых членов, проводить пропаганду и осуществлять акты терроризма, тем самым представляя собой серьезнейшую угрозу национальной и международной безопасности[303].

Сторонником радикального подхода является А.К. Субачев, предлагающий декриминализировать составы финансирования преступлений, поскольку

---

[301] См.: *Клименко Ю. А., Молчанов Д. М.* Указ. соч. С. 76.

[302] См.: *Горенко М.Г.* Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности (теоретико-правовое и прикладное исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 14.

[303] См.: *Аблаева Т.Д.* Понятие и сущность финансирования терроризма // Наука 2.0: от идеи к результату: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Сочи, 16 октября 2017 года). Сочи, 2017. С. 137–138.

указанные действия охватываются нормами о приготовлении к преступлению и институтом соучастия в преступлении[304].

Однако при принятии решения о целесообразности декриминализации необходимо учитывать все обстоятельства, включая степень общественной опасности финансирования и эффективность существующих средств борьбы с этим явлением. В данном случае согласимся с В.В. Кустовой, утверждающей, что «правовая оценка факта аккумуляции и предоставления денежных средств или иного имущества для целей совершения преступления не может всецело исчерпываться нормами об ответственности за пособничество. Она во многом зависит от характеристики субъективной стороны и целей действий, связанных с финансированием, которые могут образовывать в зависимости от ситуации подстрекательство, пособничество и организацию преступления»[305].

С нашей точки зрения, наличие самостоятельных составов в данном случае является важным инструментом в арсенале государства для защиты общества от наиболее опасных форм преступности, позволяющим эффективно противодействовать тем, кто создает условия для существования террористических организаций. Отдельное выделение финансирования как самостоятельной формы участия в некоторых преступлениях является отражением повышенной общественной опасности данного деяния и направлено на усиление борьбы с источниками финансирования преступности. Важно подчеркнуть отличие таких лиц от пособников, за которое предусмотрена самостоятельная ответственность в нормах Особенной части УК РФ.

Еще одним субъектом преступной деятельности, характерным для ситуаций со множественностью лиц, но предусмотренным исключительно нормами Особенной части УК РФ, является посредник. В настоящее время закон

---

[304] См.: *Субачев А.К.* Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. С. 152.

[305] *Кустова В.В.* Финансирование преступной деятельности как проявление соучастия в преступлении // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сборник материалов VII научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 19 июня 2015 года / под ред. А.Ю. Винокурова, К.А. Комогорцевой. М., 2015. С. 190.

устанавливает уголовную ответственность за посредничество в передаче и получении вознаграждения для оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ч. 5 ст. 184 УК РФ), коммерческом подкупе (ст. 204[1] УК РФ) и во взяточничестве (ст. 291[1] УК РФ). Самостоятельность состава посредничества подтверждается и тем, что преступление считается оконченным независимо от достижения конечной цели основными участниками[306].

Посредничество – это универсальная функция, выходящая за рамки соучастия в его традиционном понимании. Роль посредника схожа с ролью пособника. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что «К-о действовал как посредник и исключительно в интересах приобретателей наркотических средств Х., К., К., при этом он не имел предварительного сговора со сбытчиком наркотических средств, поэтому действия К-о следует квалифицировать как пособничество в приобретении наркотических средств»[307].

Посредник, передавая предмет преступления, действует не в собственных интересах, а реализует соглашение между основными сторонами, поэтому важно установить наличие предварительного сговора между участниками преступления. Специфика посредничества заключается в том, что независимо от того, на чьей стороне выступает посредник, его действия в любом случае способствуют совершению преступлений обеими сторонами. К тому же посредник может быть универсальным связующим звеном двух заинтересованных сторон и, не находясь (в полном смысле слова) ни на чьей стороне, представлять собой самостоятельную фигуру, действующую в собственном интересе, в которой в равной мере заинтересованы все стороны.

---

[306] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. № 154.

[307] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. по делу № 59-УД23-8-А5 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2295376 (дата обращения: 11.10.2025).

В отличие от подстрекателя, посредник не формирует умысел у других лиц на совершение преступления, а лишь технически обеспечивает реализацию существующего преступного намерения. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, переквалифицировав действия осужденного со сбыта наркотиков на пособничество в их приобретении, суд подчеркнул, что умысел на приобретение наркотического средства возник у покупателей независимо от действий осужденного. Последний лишь оказал им содействие по их же просьбе, выступив связующим звеном с лицом, которое непосредственно занималось сбытом. Таким образом, суд установил, что осужденный не формировал умысел у приобретателей (не был подстрекателем), а выполнял техническую функцию по реализации их уже сформированного умысла, что по своей сути и является посредничеством[308]. В другом деле действия П. квалифицированы по ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 291 УК РФ как подстрекательство к даче взятки должностному лицу лично за совершение заведомо незаконных действий, выразившихся в уговорах и советах о необходимости дачи взятки начальнику отдела полиции за непривлечение к уголовной ответственности[309].

Посредника логично признавать не разновидностью пособника, не соисполнителем и не подстрекателем, поскольку эти роли не в полной мере отражают совершаемые посредником действия, а сформулировать в УК РФ норму о посреднике, изложив ее в ч. 6 ст. 33 УК РФ, предусмотрев уголовную ответственность посредника в ч. 3^1 ст. 34 УК РФ, предложив квалифицировать его действия по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей наказание за преступление, которое было совершено по достигнутому соглашению между другими лицами, в реализации которого он оказал содействие, со ссылкой на ч. 6

---

[308] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 февраля 2019 г. № 31-АПУ 19-1 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ogAp5DQoYLdv/? (дата обращения: 11.10.2025).

[309] Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 23 мая 2017 г. № 1-117/17 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/nl4HbSIemkmz/ (дата обращения: 12.10.2025).

ст. 33 УК РФ, если его действия не охватываются специальными составами преступлений, предусмотренными в нормах Особенной части УК РФ.

Данный вид множественности не исключает соучастия в преступлении, когда посредник выходит за рамки своей технической роли и совершает действия, характерные для иной роли соучастника. Например, если лицо не только соглашается передать предмет взятки по поручению взяткодателя, но и само склоняет его к совершению этого преступления, оно выполняет две разные роли: подстрекателя к даче взятки и исполнителя посредничества во взяточничестве. В подобном случае деяние должно квалифицироваться по совокупности преступлений: по ст. 291 УК РФ со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ как подстрекательство к даче взятки и по ст. 291^1 УК РФ как посредничество во взяточничестве. Если посредник склоняет к получению взятки должностное лицо, его действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений: по ст. 290 УК РФ со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ как подстрекательство к получению взятки и по ст. 291^1 УК РФ как посредничество во взяточничестве.

Резюмируем изложенное.

1. Уголовно-правовая природа умышленного совместного участия двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления в настоящее время находит отражение в законодательстве как:

1) соучастие в преступлении (гл. 7 УК РФ);

2) специальные виды соучастия в Особенной части УК РФ:

– организация и участие в преступных объединениях (например, ст. 205^4, 208, 209, 210, 282^1 УК РФ);

– ролевое сопричинение (например, ст. 205^1, ч. 1^1 ст. 212, ч. 1^1 ст. 282^1, ч. 1^1 ст. 282^2 УК РФ);

– двусторонние и трехсторонние преступления (например, ст. 290, 291, 291^1 УК РФ).

2. Необходимо уточнить редакцию ст. 32 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное

участие двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления».

3. Целесообразно исключить из ч. 2 ст. 33 УК РФ указание на то, что исполнителем признается лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных Кодексом. В связи с этим п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ предлагается дополнить следующими словами: «а также совершение преступления лицом, обладающим признаками субъекта преступления, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств».

4. Преступным сообществом следует признавать специфическую форму совместного участия в преступлении, отраженную в Особенной части УК РФ, поэтому предлагается исключить ч. 4 и ч. 5 из ст. 35 УК РФ и упоминание о преступном сообществе (преступной организации) из названия ст. 35 УК РФ и в ч. 2 ст. 33, ч. 7 ст. 35 УК РФ.

5. Преступления, связанные с вовлечением или склонением другого лица на совершение преступных или антиобщественных действий, следует считать оконченными с момента успешного психологического воздействия, выразившегося в даче согласия или формировании преступного намерения у вовлекаемого. Последующая реализация этого умысла находится за рамками объективной стороны деятельности подстрекателя.

6. В ч. 3 ст. 205^1 УК РФ и ч. 3 ст. 281^1 УК РФ термин «пособничество» необходимо изменить на «содействие», изложив их в следующем виде: «Под содействием в настоящей статье понимается умышленное способствование...».

7. Уголовно-правовая природа посредничества в двусторонних преступлениях имеет двухуровневую систему. Необходимым шагом является определение посредника как самостоятельного вида соучастника и его ответственности непосредственно в нормах Общей части УК РФ.

§ 3. Виды множественности лиц в преступлении, не нашедшие отражения в современном уголовном законодательстве

Рассматривая множественность лиц в преступлении с точки зрения фактического аспекта, подчеркнем, что данное явление по своему содержанию и объему значительно шире, и не все его виды нашли отражение в нормах действующего уголовного законодательства. В Уголовном кодексе РФ нашел закрепление наиболее опасный вид стечения нескольких лиц в преступлении – это соучастие. Однако действительность демонстрирует гораздо большее разнообразие вариантов стечения нескольких лиц в одном преступлении. Судебно-следственная практика сталкивается и с другими ситуациями, в которых преступный результат получен несколькими лицами, не являющимися соучастниками, вместе с тем такая множественность лиц остается вне правового поля. Существующий в уголовном праве диссонанс между многообразием видов множественности лиц в преступлении и узкой законодательной моделью их регулирования исключает правильную юридическую квалификацию действий всех участников преступления и назначение справедливого наказания.

Первым видом множественности лиц, не нашедшим отражения в уголовном законе, является одностороннее участие в преступлении другого лица, выражающееся в умышленном способствовании совершению преступления другим лицом, которому неизвестно о таком содействии (тайное участие).

Предположим, сотрудник А. знает, что его коллега Б. планирует похитить у руководителя документы, содержащие сведения, составляющие коммерческую тайну, путем копирования большого массива данных с сервера компании. А., имея собственные мотивы для нанесения вреда компании, тайно отключает на сервере специфический протокол безопасности, который должен был бы зафиксировать аномально крупный исходящий трафик и уведомить службу безопасности. Б. благодаря этим действиям успешно завладевает информацией, полагая, что ему просто повезло обойти защиту, и не догадывается о содействии со стороны А.

Если в ходе расследования будет установлено, что именно сотрудник А. умышленно отключил протокол безопасности, чтобы помочь сотруднику

Б. совершить хищение, но Б. об этом не знал, правоприменитель столкнется с проблемой, которая в рамках действующего законодательства не имеет решения.

Действия А. сами по себе не образуют отдельный состав преступления, так как, отключая протокол безопасности, он действовал в рамках своих должностных полномочий, что исключает состав неправомерного доступа к информации (ст. 272 УК РФ), и его деяние само по себе не повлекло последствий, необходимых для квалификации по иным статьям главы 28 УК РФ, приобрели общественную опасность только после совершенного Б. преступления. В приведенном примере отсутствует соучастие. Несмотря на умышленное содействие тяжкому преступлению и причинно-следственную связь между действиями А. и причиненными преступными последствиями, он не подлежит уголовной ответственности.

Истоки рассматриваемой проблемы лежат в давней доктринальной полемике о возможности соучастия с односторонней субъективной связью. Несмотря на законодательную и правоприменительную определенность в этом вопросе – соучастие возможно лишь с двусторонней субъективной связью, в теории уголовного права продолжаются дискуссии о том, возможно ли соучастие с односторонней связью. Сторонники данной концепции допускают его в тех редких случаях, «когда подстрекатель или пособник действуют втайне, замаскированно для исполнителя... Для исполнителя неважно знание того, что у него есть соучастники, поскольку он непосредственно выполняет состав преступления. Для умысла скрытого же пособника или подстрекателя все налицо: он предвидит, что оказывает содействие в хищении, и желает этого»[310].

С нашей позиции соучастие возможно только при наличии двусторонней связи между участниками преступления, в связи с чем тайное участие в преступлении нельзя отнести к нему. Тем не менее нельзя не учитывать тот факт, что в преступлении участвует несколько лиц, каждое из которых вносит вклад в его совершение. С этой точки зрения можно утверждать, что одностороннее участие в

---

[310] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 69.

преступлении другого лица (тайное участие) представляет собой самостоятельный вид множественности лиц в преступлении, так как соответствует всем ее признакам.

Во-первых, в деянии участвуют два или более лица, действия которых находятся в причинной связи с единым преступным результатом. Во-вторых, для данной конструкции принципиально важно, чтобы тайный участник обладал признаками субъекта преступления, потому что в ином случае вопрос о квалификации его действий не возникнет, а исполнитель понесет ответственность изолированно от него. В-третьих, и это ключевой аспект, субъективная связь между участниками является односторонней.

Н.А. Бабий определяет одностороннее участие в совершении преступления другим лицом как сознательное тайное его участие в совершении умышленного преступления другим субъектом, который не знает о таком участии[311]. Используемый автором термин «сознательное» участие указывает на ключевую характеристику субъективной стороны тайного участника – наличие у него умысла. Такой участник в полной мере осознает общественно опасный характер своих действий, направленных на способствование совершению конкретного умышленного преступления иным лицом, предвидит, что его содействие создаст условия или облегчит достижение преступного результата, и желает этого.

Термин «тайное», в свою очередь, характеризует не столько способ совершения действий тайным участником, сколько специфику субъективной связи между ним и исполнителем. Отсутствие двусторонней субъективной связи является препятствием для квалификации действий тайного участника по правилам соучастия. Как следствие, действия тайного участника остаются без уголовно-правовой оценки, если они сами по себе не составляют объективную сторону того или иного преступления, а являются способствующими его совершению другим лицом.

---

[311] См.: *Бабий Н.А.* Указ. соч. С. 208.

В.С. Прохоров справедливо подчеркивает: «Если исключить возможность соучастия с односторонней субъективной связью и быть последовательным, то соучастники (практически пособники), участвуя в причинении преступного результата и действуя при этом умышленно, не подлежат уголовной ответственности»[312].

С нашей позиции, для констатации множественности лиц и вменения ответственности за содействие преступлению должно быть достаточно наличия односторонней субъективной связи. Если лицо осознает, что своими действиями способствует совершению умышленного преступления другим лицом, и желает этого, его действия должны признаваться формой совместной преступной деятельности. Отсутствие осведомленности у исполнителя в данном случае должно влиять только на квалификацию его собственных действий (он отвечает только за исполнительство), но не должно исключать ответственности тайного участника.

Совершение преступления одним исполнителем с участием тайного участника не позволяет применить квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору», поскольку объективная сторона самого деяния исполнялась непосредственно лицом единолично, более того, совершение преступления в группе лиц не охватывалось умыслом исполнителя преступления.

Роль тайного участника функционально может совпадать с ролью пособника или подстрекателя (см. табл. 2), однако ссылка на ч. 4 или ч. 5 ст. 33 УК РФ невозможна ввиду отсутствия знания исполнителя об участии в преступлении иных лиц. С нашей точки зрения, лицо, которое внесло вклад в совершение преступления другого лица, сопоставимый с вкладом пособника или подстрекателя, должно подлежать уголовной ответственности. Общественная опасность такого поведения определяется содержанием умысла тайного участника и его объективным вкладом в причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

---

[312] Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 578.

Таблица 2

Реализация некоторых пособнических и подстрекательских действий тайным способом

Вид соучастника	**Действие из ст. 33 УК РФ**	**Возможность тайной реализации**
Подстрекатель	Склонение путем уговора	Невозможно, так как уговор предполагает условие, обговоренное сообща
	Склонение путем подкупа	Невозможно, исполнитель должен осознавать факт получения выгоды за преступление
	Склонение путем угрозы	Невозможно, угроза должна быть воспринята исполнителем
	Склонение другим способом	Возможно, например, путем провокации или дезинформации
Пособник	Содействие советами	Невозможно, требуют прямого восприятия исполнителем
	Содействие указаниями	
	Содействие предоставлением информации	Возможно, информация может быть оставлена для «случайного» обнаружения исполнителем
	Содействие предоставлением средств или орудий совершения преступления	Возможно, средства могут быть оставлены для «случайного» обнаружения исполнителем
	Содействие устранением препятствий	Возможно (например, отключение видеонаблюдения, снятие защиты данных, отвлечение потерпевшего)
	Заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы	Невозможно, так как обещание предполагает акт коммуникации, известный исполнителю
	Заранее данное обещание приобрести или сбыть такие предметы	

Таким образом, тайным участником признается:

1) тайный подстрекатель – лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем манипуляции, предоставления заведомо ложной или искаженной информации либо иным способом, создающим у другого лица ошибочное представление о самостоятельности принятия решения о совершении преступления;

2) тайный пособник – лицо, содействовавшее совершению преступления путем предоставления информации, средств или орудий, которые были обнаружены и использованы исполнителем без осознания факта содействия, а равно путем заблаговременного устранения препятствий для совершения преступления.

Одностороннее участие в преступлении другого лица (тайное участие) как вид множественности лиц в преступлении характеризуется признаками:

– участие двух или более лиц, обладающих признаками субъекта преступления;

– участие в едином умышленном преступлении;

– наличие причинной связи между действиями тайного участника и преступным результатом, достигнутым исполнителем;

– наличие умысла у обоих лиц на то, чтобы преступление совершилось;

– односторонняя субъективная связь, выражающаяся в следующем:

а) тайный участник осознает, что своими действиями способствует совершению конкретного умышленного преступления другим лицом, и желает этого или зарождает в другом лице желание совершить преступление;

б) неосведомленный исполнитель не осознает, что ему оказывают содействие, и действует, полагая, что совершает преступление в одиночку.

Исходя из изложенного, под односторонним (тайным) участием в преступлении другого лица необходимо понимать умышленное содействие или склонение к совершению умышленного преступления, осуществленное без ведома лица, непосредственно выполняющего объективную сторону преступления (неосведомленного исполнителя).

Тайное участие лица должно быть криминализовано, в связи с чем предлагается изложить в ст. 32^1 УК РФ «Виды множественности лиц в преступлении, не образующие соучастия», в которой изложить дефиницию одностороннего участия в преступлении другого лица, а в ст. 34^1 УК РФ предусмотреть правила квалификации действий тайных участников по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей наказание за преступление, совершенное неосведомленным исполнителем, со ссылкой на тайное подстрекательство или тайное пособничество (ч. 2 или ч. 3 ст. 33^1 УК РФ). Неосведомленный исполнитель несет уголовную ответственность как единоличный исполнитель преступления по статье, предусматривающей наказание за совершенное им преступление. Эту позицию разделяет большинство (64%) опрошенных респондентов (см. Приложение 2).

Закрепление уголовной ответственности за одностороннее участие в преступлении другого лица позволит реагировать на сложные формы преступной деятельности нескольких лиц, способствуя укреплению принципов справедливости и неотвратимости наказания в уголовном праве.

Наибольшую полемику как в теории, так и на практике вызывает такой вид множественности лиц в преступлении, при котором оно совершается лицом, обладающим признаками субъекта преступления, в соисполнительстве с лицом или лицами, не обладающими такими признаками (соисполнительство с негодным субъектом преступления).

Данный вид множественности лиц выделял Р.Р. Галиакбаров, именуя его «групповым совершением посягательства» и определял следующим образом: «когда преступление совершается личными действиями субъекта ответственности с дополнительным привлечением усилий невменяемого или лица, не достигшего возраста, с достижения которого возможна уголовная ответственность»[313].

---

[313] *Галиакбаров Р.Р.* Групповое преступление. Постоянные и переменные признаки. Свердловск, 1973. С. 15.

На протяжении полутора веков в уголовно-правовой науке доминирует подход о том, что соучастие не образуется, если только один из участников отвечает признакам субъекта преступления[314].

По этому поводу И.Э. Звечаровский отмечает: «Отсутствие в уголовно-правовом смысле двух или более лиц в совершении преступления исключает соучастие. Поэтому в случаях совершения преступления несколькими лицами, из которых только одно обладает признаками субъекта преступления, содеянное может быть квалифицировано только как индивидуально совершенное преступление (включая случаи так называемого посредственного причинения), но не как преступление, совершенное в соучастии»[315].

Д.А. Гарбатович справедливо отмечает, что на сегодняшний день понятийный аппарат соучастия не позволяет признать соучастием совершение преступления с негодным субъектом[316]. Мы согласны с тем, что соучастие не образуется при таком составе участников, однако норма о соучастии не содержит однозначную формулировку, что и порождает научные дискуссии на этот счет.

Так, еще в XX в. Р.Р. Галиакбаров полагал, что преступная группа не исчерпывается признаками соучастия в преступлении, имеет самостоятельное значение и в ней допустимо участие лишь одного лица, обладающего всеми признаками субъекта преступления[317]. Соучастие с дефектным субъектным составом признавал В.В. Мальцев[318].

Противоположные доктринальные трактовки можно связать с разными позициями Верховного Суда РФ. В ранее действовавших постановлениях Пленума Верховного Суда РФ разъяснялось, что действия участников следует квалифицировать как совершенные группой лиц независимо от того, были ли

---

[314] См.: Российское уголовное право: Общая часть: учебник: в 2 ч. / под. ред. А.Г. Блинова, Н.А. Лопашенко. Ч. I. С. 542.

[315] *Звечаровский И.Э.* Совершение преступления в соучастии: проблема квалификации // Законность. 1999. № 11. С. 32.

[316] См.: *Гарбатович Д.А.* Соучастие в преступлении с «негодным» субъектом: проблемы буквального толкования уголовного закона // Администратор суда. 2022. № 4. С. 34.

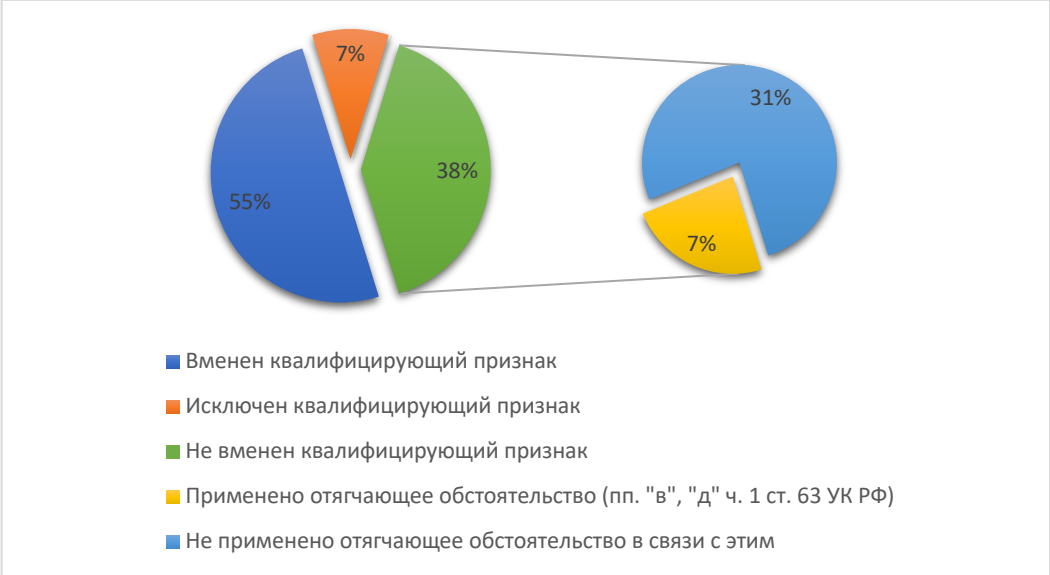
[317] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация групповых преступлений. С. 38.

[318] См.: *Мальцев В.В.* Проблемы соучастия в преступлении // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 35.

остальные участники привлечены к уголовной ответственности[319]. Однако это касалось только кражи, грабежа, разбоя и изнасилования.

В современных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по этим видам преступлений эта позиция не нашла закрепления[320], поэтому судебная практика формируется разнообразно (см. Диаграмма 1).

Диаграмма 1. Соотношение судебных позиций по вопросу вменения квалифицирующего признака «группа лиц» годному субъекту при соисполнительстве с негодным субъектом преступления (подробнее см. Приложение 3)



Проведенный анализ 242 судебных актов показал, что в 45% случаев квалифицирующий признак «группой лиц» или «группой лиц по предварительному

---

[319] См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 марта 1966 г. № 31 (ред. от 25 октября 1996 г.) «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 6; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 (ред. от 21 декабря 1993 г.) «О судебной практике по делам об изнасиловании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7 (утратили силу).

[320] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

сговору» не вменяется (38%) или исключается (7%) судом из обвинения, поскольку совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору предполагает совместное участие в этом преступлении не менее двух исполнителей, а лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, не может являться субъектом и соисполнителем данного преступления (см. Приложение 3)[321].

В других же случаях (55%) суды приходят к противоположному выводу, ссылаясь на то, что положения ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не содержат формулировок о наличии вменяемости и соответствующего возраста соучастников преступления, а уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц или группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности. То обстоятельство, что второй соучастник преступления не достиг возраста уголовной ответственности само по себе не исключает наличие в действиях квалифицирующего признака группой лиц или группой лиц по предварительному сговору[322].

Показательным примером является дело Ч., иллюстрирующее сложности при квалификации действий годного субъекта преступления, совершившего его совместно с негодным субъектом.

Суд первой инстанции установил, что Ч. предложил Л. совершить хищение продуктов питания и, получив на это согласие Л., дважды совершил кражу продуктов, передавая их Л., которые тот спрятал под свою одежду, пока Ч. наблюдал

---

[321] См., например: Приговор Новотроицкого городского суда Оренбургской области от 6 февраля 2024 г. по делу № 1-74/2024 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/23RWyEwGsKNe/; Приговор Шарыповского городского суда Красноярского края от 08 сентября 2020 года по делу №1-176/2020 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/WBsQISJ12mrj/ (дата обращения: 15.07.2025).

[322] См., например: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2021 г. по делу № 75-УДП21-8-К3 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2001278 (дата обращения: 23.10.2025); апелляционный приговор Кемеровского областного суда от 25 сентября 2023 г. по делу № 22-4090/2023 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qBR1GurFoqYN/ (дата обращения: 05.02.2025); приговор Городищенского районного суда Волгоградской области от 25 апреля 2024 г. по делу № 1-52/2024 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/19wysAtXlmLP/ (дата обращения: 17.07.2025).

за окружающей обстановкой. Суд квалифицировал действия Ч. по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ (два эпизода), придя к выводу, что обе кражи совершены Ч. группой лиц по предварительному сговору с Л., дополнительно указав, что Ч. не использовал Л. при совершении кражи в правовом смысле этого понятия[323].

Третий кассационный суд изменил квалификацию, указав, что поскольку Л. был невменяемым, соучастие невозможно, а действия Ч. следует рассматривать как посредственное причинение по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Поскольку стоимость похищенного не превышала 1000 рублей, суд прекратил уголовное дело, признав содеянное административным правонарушением[324].

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение, отправив дело на новое рассмотрение, указав на следующий обстоятельства:

– объективная сторона преступлений была выполнена Ч. совместно и по предварительному сговору с Л.;

– действия Л. для Ч. были адекватными, носили последовательный и целенаправленный характер;

– наступившие последствия явились результатом их совместных действий;

– Ч. не только предложил совершить кражу, но и лично участвовал в завладении продуктами;

– положения ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не содержат требования о вменяемости и возрасте соучастников;

---

[323] См.: приговор Петрозаводского районного суда Республики Карелия от 2 декабря 2019 г. по делу № 1-962/2019 // Официальный сайт Петрозаводского районного суда Республики Карелия. URL: https://petrozavodsky--kar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=66237539&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 23.10.2025).

[324] См.: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 августа 2020 г. по делу №77-765/2020 // Официальный сайт Третьего кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5919598&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 23.10.2025).

– уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности[325].

Третий кассационный суд признал правильной первоначальную квалификацию действий Ч. по п. «а» ч. 2 ст. 158 (два эпизода)[326].

Данный подход основывается на принципе субъективного вменения и направлен на отражение фактической повышенной общественной опасности совместных преступных действий. Квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц» вводится законодателем для отражения повышенной общественной опасности деяния, которая обусловлена объединением усилий нескольких человек, облегчающим совершение преступления и сокрытие его следов. В деле Ч. эта повышенная опасность объективно присутствовала: они действовали вдвоем, распределяли роли, что повышало их шансы на успех. Тот факт, что Л. был невменяем, не отменяет и не уменьшает той опасности, которую создали их совместные фактические действия и, что самое главное, не меняет содержания умысла самого Ч., который был направлен на совершение кражи именно в группе.

Такая практика, хотя и понятна с точки зрения достижения справедливости, является юридически уязвимой, поскольку она противоречит законодательному определению соучастия. Полагаем, что разрешение данного противоречия лежит не в плоскости расширительного толкования института соучастия, а в создании нормы, регламентирующей уголовную ответственность лица, обладающего признаками субъекта преступления, умыслом которого охватывалось совместное совершение преступления. Это согласуется с последовательной позицией Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ последних лет о том, что если

---

[325] См.: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. по делу № 75-УДП21-8-КЗ.

[326] См.: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 августа 2021 г. по делу № 77-1583/2021 // Официальный сайт Третьего кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5946343&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 23.10.2025).

объективная сторона преступления выполнена совместно, по предварительному сговору, и умыслом субъекта преступления охватывалось совершение деяния именно в группе, то недостижение другим участником возраста ответственности или его невменяемость не являются основанием для исключения данного квалифицирующего признака[327]. Такая позиция поддерживается большинством (59%) опрошенных респондентов (см. Приложение 2).

Несмотря на то, что негодный субъект не подлежит уголовной ответственности, его фактическое участие в совершении преступления качественно преобразует деяние, значительно повышая его общественную опасность по сравнению с преступлением, совершенным в одиночку. Вывод основывается на следующих факторах.

1. Объективный фактор, заключается в том, что негодный субъект вносит реальный физический вклад в достижение преступного результата. Он, например, может помогать взламывать замки, переносить похищенное, отвлекать внимание, стоять на страже или даже непосредственно применять насилие. Такой вклад объективно облегчает совершение преступления для надлежащего субъекта, позволяет причинять больший ущерб или вообще делает преступление возможным.

2. Субъективный фактор, заключается в том, что присутствие и участие другого лица, пусть и не подлежащего уголовной ответственности, оказывает существенное психологическое влияние на надлежащего субъекта. Снижается внутренний моральный контроль, укрепляется решимость довести преступление до конца. Надлежащий субъект действует смелее и наглее, ощущая себя частью группы, а не одиночкой.

3. Виктимологический фактор – для потерпевшего не имеет значения юридический статус нападающих. Групповое нападение всегда воспринимается как

---

[327] См., например: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 декабря 2022 г. по делу № 58-УД22-19-А5 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2197948 (дата обращения: 11.10.2025); кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.05.2021 по делу №5-УДП21-8-КЗ // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2001278 (дата обращения: 19.10.2025).

более опасное, оно в большей степени подавляет волю к сопротивлению и причиняет более серьезную психологическую травму. Два нападающих, один из которых малолетний, представляют для потерпевшего значительно большую угрозу, чем один взрослый преступник.

Таким образом, совершение преступления годным субъектом совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности, не является ни соучастием (так как отсутствует второй годный субъект), ни посредственным исполнением (где преступление совершается посредством негодного субъекта).

Данный вид множественности лиц характеризуется следующими отличительными признаками:

– участие двух или более лиц в непосредственном выполнении объективной стороны преступления;

– наличие как минимум одного годного субъекта и как минимум одного лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ;

– совместность: действия обоих участников объективно взаимосвязаны и направлены на достижение единого преступного результата;

– наличие умысла у надлежащего субъекта на совершение преступления;

– осознание надлежащим субъектом совместного характера действий: он должен понимать, что совершает преступление не один, а совместно с другим лицом, даже если осознает, что оно не подлежит уголовной ответственности.

Вместе с тем общественная опасность таких преступлений сопоставима с общественной опасностью подобных деяний, совершенных в соучастии. В связи с этим необходимо придать данному виду фактического стечения нескольких лиц в преступлении уголовно-правовую природу, включив соответствующую норму в УК РФ.

Для восполнения существующего правового пробела предлагается дополнить ст. 32^1 УК РФ этим видом множественности лиц в преступлении (см. Приложение 1). В целях формирования единообразной правовой оценки повышенной общественной опасности таких деяний представляется необходимым признание

факта совместного совершения преступления с лицом (лицами), не подлежащим (- щими) уголовной ответственности, обстоятельством, отягчающим наказание. В связи с этим следует изложить п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ в новой редакции: «совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, а также с лицом (лицами), не подлежащим(-щими) уголовной ответственности».

Такой подход позволяет, с одной стороны, не нарушать целостность института соучастия, а с другой – дать адекватную уголовно-правовую оценку повышенной общественной опасности подобных деяний.

Рассмотрев в предыдущем параграфе посредственное причинение вреда, стоит затронуть и его «зеркальную» вариацию, которая не отражена в законодательстве: ситуация, когда негодный субъект совершает преступление посредством годного. В данном случае правовая оценка однозначна: негодный субъект в силу своего статуса уголовной ответственности не подлежит; годный же субъект, выступающий в роли орудия преступления, должен нести ответственность только в случае, если он осознает, что совершает преступление; оснований для усиления ответственности годного субъекта не возникает.

О том, что этот вид стечения также образует множественность лиц, свидетельствует то, что в совершении одного и того же преступления участвует несколько лиц, одно из которых обладает признаками субъекта преступления. Такая нетипичная конструкция не требует дополнительного правового регулирования.

Наиболее разработанным в доктрине видом множественности лиц в преступлении, не нашедшим отражения в уголовном законодательстве, является неосторожное сопричинение. О том, что преступление несколькими лицами может быть совершено не только с умыслом, но и по неосторожности, отмечалось еще в дореволюционной науке[328]. С этого момента в доктрине уголовного права ведется полемика о возможности неосторожного соучастия. Его сторонниками на разных

---

[328] См., например: *Солнцев Г.И.* Российское уголовное право / под ред.: Г.С. Фельдштейна; вступ. ст.: Солнцев Г.И. Под ред. Г. С. Фельдштейна. Ярославль: Демидовский юридический лицей, 1820. – 302 с.; *Колоколов Г.Е.* Указ. соч. С. 51 и др.

отрезках времени были Г.И. Солнцев[329], А.Н. Трайнин[330], Е.В. Епифанова[331] и др. Отметим, что в УК РФСФР 1922 г. отсутствовала дефиниция соучастия, а суды не исключали того, что оно, может быть, в неосторожных преступлениях[332].

С закреплением в ст. 17 УК РСФСР 1960 г. легальной дефиниции соучастия на законодательном уровне была утверждена позиция о возможности его существования исключительно в форме умышленного участия, однако научная дискуссия о его границах не прекратилась. Ограничившись указанием на умышленный характер участия, законодатель не продублировал указание на умышленную форму вины применительно к самому преступлению, тем самым оставив простор для теоретических интерпретаций. Это породило полемику о том, можно ли относить к соучастию случаи неосторожного сопричинения вреда. Осознавая, что фактическое совместное причинение вреда несколькими лицами возможно и по неосторожности, доктрина начала вырабатывать критерии разграничения этих двух явлений.

В частности, Р.Р. Галиакбаров обратил внимание, что неосторожное сопричинение есть самостоятельное уголовно-правовое явление, которое необходимо изучать, отграничивая от института соучастия в преступлении[333]. Безусловно, неосторожное сопричинение не может быть рассмотрено через призму соучастия. Законодательное определение соучастия дважды указывает на умышленный характер, что исключает соучастие по неосторожности. Как справедливо отмечает И.Р. Харитонова, при таком законодательном подходе не только игнорируются важные аспекты совместной деятельности, но и не проводится самостоятельного изучения подобных случаев[334].

---

[329] См.: Российское уголовное право / *Солнцев Г.И.*; Под ред.: Фельдштейн Г.С.; Вступ. ст.: Солнцев Г.И. Под ред. Г. С. Фельдштейна. - Ярославль: Демидовский юридический лицей, 1820. – 302 с.

[330] См.: *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. С. 114.

[331] См.: *Епифанова Е.В.* Указ. соч. С. 9, 23.

[332] Цит. по: *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. С. 116; определение № 359/2351.

[333] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Групповое преступление. Постоянные и переменные признаки. С. 98.

[334] См.: *Харитонова И.Р.* Указ. соч. С. 12.

В настоящее время проблема совместной деятельности, повлекшей общественно опасные последствия по неосторожности, представляет собой значительный пробел в уголовном законодательстве.

Рассмотрим неосторожное сопричинение через систему его юридически значимых признаков.

Во-первых, неосторожное сопричинение как вид множественности лиц характеризуется участием двух или более надлежащих субъектов. Как справедливо отмечают практически все исследователи, в том числе И.Р. Харитонова и А.И. Рарог, в деянии должны участвовать как минимум два лица, обладающие всеми признаками субъекта преступления[335]. Если преступление совершается при участии годного и негодного субъекта, то юридическая конструкция неосторожного сопричинения исключается. Уголовной ответственности подлежит только годный субъект за свое собственное неосторожное деяние с учетом всех фактических обстоятельств, включая действия второго лица, которые в данной ситуации приравниваются к иным внешним силам или условиям.

Во-вторых, неосторожной формой вины по отношению к последствию, что является характерным признаком именно для данного вида множественности лиц. При этом деяние каждого из сопричинителей должно быть противоправным – в случае, если общественно опасное последствие – результат неосторожных действий только одного лица, признанного виновным в его причинении, неосторожное сопричинение исключается.

В-третьих, объективной взаимосвязанностью и взаимообусловленностью деяний. В.А. Нерсесян[336] и А.И. Рарог[337] говорят о взаимосвязанном и

---

[335] См.: *Рарог А.И.* Ответственность за неосторожное сопричинение // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 года. М., 2002. С. 70; *Харитонова И.Р.* Указ. соч. С. 11.

[336] См.: *Нерсесян В.А.* Уголовная ответственность сопричинителей вреда по неосторожности.

[337] См.: *Рарог А.И.* Указ. соч. С. 70.

взаимообусловленном характере поведения, а И.Р. Харитонова[338] и И.Ю. Янина[339] о взаимосвязанном и взаимообусловленном характере действий (бездействия)[340]. Суть данного признака заключается в том, что для неосторожного сопричинение не нужна субъективная согласованность и совместность действий, а в том, что достаточно объективного пересечения во времени и пространстве, находящегося в причинно-следственном связи с единым преступным последствием.

В-четвертых, наступление единого преступного результата, т.е. их действия (бездействие) должны привести к наступлению одного общего для них преступного последствия, предусмотренного Особенной частью УК РФ. В.А. Нерсесян и И.Р. Харитонова справедливо уточняют, что создание угрозы наступления единого для всех субъектов преступного последствия в случае, если это предусмотрено конкретным составом преступления, также характеризует неосторожное сопричинение[341]. При этом необязательно, чтобы каждый из соприничителей частично выполнял объективную сторону одного и того же состава преступления, как отмечает И.Ю. Янина[342]. Всех сопричинителей объединяет допреступное совместное поведение в едином производственном процессе и единый преступный результат.

В-пятых, между противоправным деянием каждого из участников и общим преступным результатом должна быть установлена причинно-следственная связь. Как указывает А.И. Рарог, причиной единого результата являются именно совокупные неосторожные действия (бездействия) всех сопричинителей, взятые

---

[338] См.: *Харитонова И.Р.* Указ. соч. С. 11.

[339] См.: *Янина И.Ю.* Причинение и специальное причинение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2018.

[340] *Взаимосвязанность* в неосторожном причинении предполагает последовательность действий (бездействия), осуществленных каждым неосторожным участником автономно. *Взаимообусловленность* неосторожного причинения следует рассматривать как влияние действия (бездействия) одного неосторожного виновника преступления на действие (бездействие) другого неосторожного причинителя, совокупные деяния которых ведут к наступлению преступного результата (см.: *Янина И.Ю*. Указ. соч. С. 80).

[341] См.: *Нерсесян В.А.* Уголовная ответственность сопричинителей вреда по неосторожности; *Харитонова И.Р.* Указ. соч. С. 11.

[342] См.: *Янина И.Ю.* Указ. соч.

вместе[343]. Это означает, что деяние каждого выступает необходимым, хотя, возможно, и недостаточным в отдельности условием наступления последствий в том виде, в котором они наступили.

Все вышеизложенное позволяет говорить о неосторожном сопричинении как о самостоятельном виде множественности лиц, представляющим собой совершение преступления двумя или более лицами, обладающими признаками субъекта преступления, чьи взаимосвязанные и взаимообусловленные деяния в своей совокупности явились причиной наступления единого для них неосторожного преступного результата.

При социальной оценке совокупной опасности неосторожных деяний в современном обществе становится ясно, что они могут быть во много раз опаснее деяний умышленных[344]. А неосторожными совместными действиями может быть причинен гораздо больший вред, чем деянием единоличным.

Так, сотрудники ОАО «РусГидро» «Саяно-Шушенская ГЭС им. П.С. Непорожнего» нарушили правила безопасности при ведении работ, повлекшие по неосторожности смерть 75 лиц, а также экологический ущерб в результате выброса технических масел в реку Енисей[345]. Катастрофа произошла из-за самостоятельных последовательных нарушений, где отказ каждого участника от выполнения своих обязанностей последовательно усугублял ситуацию. Их бездействие находится в совокупной причине с наступившими последствиями. Однако возникает вопрос, можно ли однозначно утверждать, что каждое деяние в отдельности более опасно именно в силу того, что последствие наступило в результате их взаимосвязи с неосторожными деяниями других лиц?

---

[343] См.: *Рарог А.И.* Указ. соч. С. 70.

[344] См.: *Шаргородский М.Д.* Научный интерес и уголовное право // Советское государство и право. 1969. № 12. С. 89.

[345] См.: приговор Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 23 декабря 2024 г. по делу № 1-4/2014 // Официальный сайт Саяногорского городского суда Республики Хакасия. URL: https://saianogorsky--hak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5673420&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.06.2025).

Большинство исследователей сходятся во мнении, что опасность возрастает, но не во всех случаях. Так, Д.А. Безбородов отмечает, что неосторожное совместное совершение преступления обладает большей общественной опасностью, чем аналогичное, но единолично совершенное деяние. Однако он выделяет отдельно «совпадение действия»[346], при котором говорить о повышении опасности проблематично. Схожей точки зрения придерживается и Р.Р. Галиакбаров, отличая неосторожное сопричинение от простого стечения разобщенных преступлений, которые лишь в силу обстоятельств привели к одному последствию[347].

Соглашаясь с тем, что общественная опасность при неосторожном сопричинении повышается только при определенных условиях, необходимо провести дифференциацию между качественно различными формами этого явления. Для этого рассмотрим два примера из судебной практики, наглядно демонстрирующие это.

Первым примером служит случай на строительном объекте, где гибель рабочего сотрудника стала результатом последовательных нарушений со стороны двух ответственных лиц: генеральный директор допустил к работам необученного сотрудника, не проведя инструктажи и не обеспечив безопасные условия труда; начальник участка, приняв этого работника, не обеспечил должный контроль за технологией проведения погрузочно-разгрузочных работ, допустив опасные отступления от правил[348].

В рассмотренном примере обязанность действовать согласованно была обусловлена включенностью сотрудников в единый производственный цикл. Генеральный директор и начальник участка являются лицами, функционально связанными в рамках системы обеспечения безопасности на производстве.

---

[346] См.: *Безбородов Д.А.* Неосторожные многосубъектные преступления: понятие и квалификация: учебное пособие. С. 14.

[347] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация групповых преступлений. С. 73.

[348] Приговор Щербинского районного суда города Москвы от 26 мая 2025 г. по делу № 1-504/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/shcherbinskij/services/cases/criminal/details/6760ec00-1b89-11f0-85ab-a9f6c31be5ae?caseNumber=1-&codex=216&documentStatus=2&documentType=ab1da71&formType=fullForm (дата обращения: 22.10.2025).

Бездействие вышестоящего должностного лица (директора) создало объективные условия, при которых последующее нарушение со стороны нижестоящего ответственного лица (начальника участка) повлекло наступление преступного результата.

Иная картина наблюдается, например, при дорожно-транспортных происшествиях (далее – ДТП), демонстрирующих случайное стечение независимых неосторожных действий. Так, водитель Е.В., совершая поворот налево на перекрестке, не уступил дорогу автомобилю под управлением водителя А.А., который двигался во встречном направлении прямо на желтый сигнал светофора с превышением скорости. В результате столкновения автомобиль Е.В. отбросило на тротуар, где он совершил наезд на двух пешеходов, один из которых погиб, а второй получил тяжкий вред здоровью[349].

Несмотря на общий результат, действия водителей были разрозненны. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что в таких ситуациях каждый участник несет персональную ответственность по ст. 264 УК РФ. Ключевым критерием здесь выступает наличие причинной связи между конкретным нарушением ПДД водителем и наступившими последствиями независимо от действий другого участника[350].

В данном случае отсутствует единый процесс, который бы функционально связывал виновных. Водители являются независимыми субъектами правоотношений, чьи обязанности, установленные Правилами дорожного движения, не предполагают согласованного взаимодействия для достижения общей цели, а носят общий характер, направленный на обеспечение безопасности

---

[349] См.: приговор Хорошевского районного суда г. Москвы от 31 мая 2022 г. по делу № 1-92/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/services/cases/criminal/details/b166a7a0-f08a-11eb-b49a-57604b74ee36?caseNumber=1-92/22&documentStatus=2&participant=%D0%BA%D1%83%D0%B4%D1%80%D1%8F%D1%88%D0%BE%D0%B2&formType=fullForm (дата обращения: 22.10.2025).

[350] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. 2008. № 265.

дорожного движения неопределенного круга лиц. Следовательно, в таких обстоятельствах нет оснований для усиления ответственности, поскольку их нарушения лишь случайно совпали во времени. Каждый водитель должен быть осужден только за свое собственное нарушение, повлекшее тяжкие последствия, точно так же, как если бы он совершил это преступление в одиночку.

Теоретическое объяснение этому качественному различию между приведенными примерами мы находим в позиции Р.Р. Галиакбарова, который справедливо полагал, что истинное неосторожное сопричинение имеет место тогда, когда «на виновных лежала обязанность в целях избежания нежелательных последствий действовать согласованно в одном направлении, но в силу неосмотрительности или недобросовестности они взаимосвязанными, совместными действиями допустили наступление вредных последствий, оцениваемых как одно преступление, совершенное несколькими лицами»[351]. Кроме того, мы соглашаемся с автором в том, что наличие дополнительного, привходящего обстоятельства может видоизменить содержание вины каждого из сопричинителей[352].

Однако, на наш взгляд, позиция Р.Р. Галиакбарова требует некоторого уточнения. Его утверждение о том, что простое стечение обстоятельств (как в случае с ДТП) не образует неосторожного сопричинения, представляется не вполне точным. С формальной точки зрения в обоих случаях присутствуют все объективные признаки множественности лиц: участие двух субъектов, чьи неосторожные деяния в совокупности привели к единому преступному результату. Поэтому более корректно говорить не о наличии или отсутствии неосторожного сопричинения как такового, а о существовании двух его качественно разных видов:

1. Системное (или функционально-связанное) неосторожное сопричинение, характеризующееся наличием обязанности действовать согласованно и в рамках единого производственного процесса;

---

[351] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Групповое преступление. Постоянные и переменные признаки. С. 69–70.

[352] См.: там же. С. 68.

2. Случайное (или ситуативное) неосторожное сопричинение, где единый преступный результат наступает вследствие случайного совпадения независимых нарушений.

На практике случаи системного неосторожного сопричинения встречаются все чаще (см. Приложение 4). Из 280 изученных обвинительных приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции города Москвы за период с 2019 по 2025 г., в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений по ст. 109, 216, 263 УК РФ, следует, что неосторожное сопричинение составило 10%[353]. Таким образом, из проанализированных трех преступлений чаще всего взаимообусловленные нарушения нескольких лиц происходят в сфере транспорта (каждое третье преступление совершается при множественности лиц), на втором месте – строительная сфера (каждое седьмое дело рассмотрено в отношении нескольких лиц), меньше всего такие случаи распространены в медицинской области.

При этом по делам о нарушении правил безопасности при ведении строительных работ (ст. 216 УК РФ) наблюдается устойчивая динамика роста числа дел с множественностью лиц: если в 2019 г. был вынесен один такой приговор, то в 2023 г. – пять, а в 2024 и 2025 гг. – уже по шесть приговоров в отношении двух и более лиц[354]. Таким образом, неосторожное сопричинение – не единичный случай, на практике такие взаимосвязанные нарушения случаются часто, составляя

---

[353] Нами изучено 153 уголовных дела по ст. 216 УК РФ, 14 уголовных дел по ст. 263 УК РФ и 99 уголовных дел по ст. 109 УК РФ, рассмотренных судами общей юрисдикции города Москвы в период с 2019 по 2025 г.; приговоры в отношении нескольких лиц по одному делу были вынесены по ст. 216 УК РФ в 22 (14,4%), по ст. 263 УК РФ – три (21,4%), по ст. 109 УК РФ – три (3,0%). См.: Официальный сайт судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 25.10.2025).

[354] Из 153 проанализированных уголовных дел по ст. 216 УК РФ приговоры в отношении нескольких лиц вынесены: в 2019 г. – по одному уголовному делу, в 2021 г. – по двум, в 2022 г. – по двум, в 2023 г. – по пяти, в 2024 г. – по шести, в 2025 г. – по шести уголовным делам; по ст. 263 УК РФ из 14 дел привлечение к ответственности нескольких лиц имело место: в 2020 г. – по одному делу, в 2021 г. – по одному делу, в 2025 г. – по одному делу; по ст. 109 УК РФ из 99 дел случаи с множественностью лиц установлены: в 2020 г. – по одному делу, в 2024 г. – по двум уголовным делам.

значимую долю от числа всех уголовных дел по данным составам преступлений и с каждым годом их число только увеличивается.

Все изложенное позволяет утверждать, что совместное поведение, обусловившее наступление преступного результата, должно рассматриваться как фактор, повышающий общественную опасность содеянного. Это, в свою очередь, является основанием для назначения каждому из виновных более строгого наказания. В связи с этим предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 63 УК РФ, дополнив ее новым обстоятельством, отягчающим наказание:

«в[1]) совместное неисполнение обязанностей по обеспечению безопасности, повлекшее по неосторожности наступление тяжких последствий».

Данное предложение поддержало большинство (57%) опрошенных правоприменителей (см. Приложение 2).

При неосторожном сопричинении оценка степени общественной опасности действий каждого участника должна производиться с учетом степени фактического участия лица в неосторожном преступлении, значения этого участия в причинении неосторожного последствия, его влияния на характер и размер причиненного или возможного вреда.

Судебная практика уже сейчас идет по пути индивидуализации уголовного наказания при неосторожном сопричинении. Так, в рассмотренном выше примере суд учел характер и степень фактического участия каждого сотрудника ОАО «РусГидро» «Саяно-Шушенская ГЭС им. П.С. Непорожнего» в преступлении и его значение для преступного последствия, указав:

– директор не обеспечил своевременное техническое освидетельствование оборудования, что не позволило принять правильные решения в отношении условий эксплуатации данного гидроагрегата, которые могли бы исключить возможность возникновения аварийной ситуации;

– главный инженер не дал задание на замену изношенных агрегатов;

– заместители главного инженера не выпустили необходимые распорядительные документы и, зная о критическом уровне вибрации, продолжали эксплуатацию гидроагрегата;

– работники службы мониторинга не проанализировали данные и не проинформировали руководство о реальной угрозе, что могло бы предотвратить аварию.

Суд назначил наибольший срок наказания директору и главному инженеру (шесть лет лишения свободы), заместители главного инженера получили на несколько месяцев меньше, в то время как работники службы мониторинга осуждены условно, а один из них освобожден по амнистии[355].

Подчеркнем, что в данном случае катастрофа произошла не из-за одного конкретного лица, а из-за последовательных нарушений своих обязанностей каждым из участников, невыполнение которых последовательно усугубляло ситуацию. Их преступное бездействие, обусловленное совместным допреступным поведением в рамках единого производственного процесса, образовало совокупную причину для наступивших последствий.

Применение судами общих начал назначения наказания к случаям случайного сопричинения не решает проблемы адекватной уголовно-правовой оценки других его видов, осложненных функциональной связью и предшествующим поведением виновных, обязанных действовать совместно во избежание негативных последствий. Отсутствие в законе четкого разграничения между этими качественно разными формами совместного причинения вреда порождает правовую неопределенность и риск применения одинаковых подходов к принципиально разным по своей общественной опасности ситуациям. В результате наиболее общественно опасная разновидность неосторожного сопричинения не учитывается правоприменителем. Вышеизложенное подтверждает обоснованность уже неоднократно высказываемой в литературе позиции о необходимости разработки теории неосторожного сопричинения и специального законодательного регулирования[356].

---

[355] См.: приговор Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 23.12.2024 по делу №1-4/2014.

[356] См.: Энциклопедия уголовного права: в 35 т. / отв. ред В.Б. Малинин. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб., 2007. С. 120.

Согласимся с Ю.Е. Пудовочкиным, что проблема неосторожного сопричинения должна решаться посредством внесения изменений в Общую часть УК РФ с помощью формирования нового института уголовного права[357].

В связи с этим предлагается изложить норму о неосторожном сопричинении в предложенной ст. 32^1 «Виды множественности лиц в преступлении, не образующие соучастия» в следующем виде:

«Неосторожным сопричинением признается совершение преступления двумя или более лицами, обладающими признаками субъекта преступления, чьи взаимосвязанные и взаимообусловленные деяния в своей совокупности явились причиной наступления единого для них неосторожного преступного результата».

В ст. 34^1 УК РФ необходимо закрепить норму об уголовной ответственности неосторожных сопричинителей:

«3. Действия неосторожных сопричинителей следует квалифицировать по соответствующей статье (статьям) Особенной части УК РФ с учетом характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления, а в случае, если имело место взаимообусловленное и взаимосвязанное поведение, повлекшее наступление преступного результата, назначать более строгое наказание, чем лицу, действовавшему единолично, путем применения соответствующего отягчающего обстоятельства наказания».

Дополнительно в постановлении Пленума Верховного Суда РФ предлагается разъяснить, что оценка степени вины, роли каждого участника и определение справедливой меры наказания остаются в пределах судейского усмотрения, основанного на всестороннем анализе всех обстоятельств дела, включая данные о личности виновных, а также иных смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. Наиболее строгая ответственность должна возлагаться на лицо, чьи действия (или бездействие) создали саму систему условий, в которой наступление трагических последствий стало высоковероятным или даже неизбежным.

---

[357] См.: *Андрианов В.К., Голубов И.И., Кустова В.В. и др.* Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания: монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2019. С. 102.

Еще одним видом множественности лиц в преступлении является сопричинение вреда в преступлениях с двумя формами вины. Речь идет о составах, где основное деяние совершается умышленно, а последствие, выступающее в качестве квалифицирующего признака, наступает по неосторожности (например, ч. 4 ст. 111, ч. 4 ст. 131 УК РФ). В отличие от классического соучастия, где умысел должен охватывать и преступный результат, здесь образующим фактором выступает согласованность лишь в части посягательства на основной объект. Общественная опасность такой группы обусловлена тем, что именно объединение усилий (совместность действий) создает реальную угрозу наступления тяжких последствий, даже если никто из участников их не желал. Следовательно, это не просто совокупность неосторожных действий, а специфическая форма множественности, базирующаяся на умышленном совместном создании условий для наступления неосторожного преступного результата.

Для данного вида множественности лиц определяющим фактором является психическое отношение каждого из участников к наступившему единому преступному результату. Сопричинители вполне могут совершить первоначальное деяние осознанно, при этом их вина по отношению к последствию может быть неосторожной.

Рассмотрим пример осознанного совместного причинения вреда, повлекшего единые неосторожные последствия. К. и С. осуждены по ч. 4 ст. 111 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, группой лиц по предварительному сговору, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Их совместный умысел был направлен именно на избиение. Однако их психическое отношение к наступившей в результате их действий смерти было оценено судом как неосторожное в форме преступной небрежности[358]. Еще один пример: Ф., Р. и неустановленные

---

[358] См.: приговор Щербинского районного суда города Москвы от 10 июня 2025 г. по делу № 1-279/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/shcherbinskij/services/cases/criminal/details/88f44250-da51-11ef-b6d0-ebaf88b9782e?codex=111+%D1%87.+4&documentStatus=2&documentType=ab1da71&formType=fullForm (дата обращения: 26.10.2025).

следствием лица, находясь на балконе между восьмым и девятым этажами, предприняли попытку группового изнасилования несовершеннолетней Ж. В то время как Ф. срывал с потерпевшей одежду, требуя вступить в половой акт, остальные участники группы готовились совершить с ней аналогичные действия. Спасаясь от группового насилия, Ж. попыталась перелезть через ограждение балкона, но сорвалась, упала с большой высоты и разбилась насмерть. Действия Ф. суд квалифицировал по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ как покушение на изнасилование группой лиц несовершеннолетней, повлекшие по неосторожности ее смерть[359].

Поскольку преступление с двумя формами вины в целом признается умышленным (ст. 27 УК РФ), его совместное совершение несколькими лицами в рассмотренных примерах является соучастием, а не неосторожным сопричинением. На это прямо указывает и вменение судом квалифицирующего признака совершения преступления группой лиц. Неосторожное последствие здесь выступает лишь квалифицирующим обстоятельством, которое надстраивается над основной конструкцией соучастия. Действующий уголовный закон вполне эффективно регулирует подобные ситуации посредством специальных квалифицирующих признаков в статьях Особенной части УК РФ.

На практике встречаются случаи более сложного вида сопричинения вреда, когда один из сопричинителей совершает неосторожное преступление, а второй – умышленное преступление, повлекшее неосторожное последствие, в результате чего их действия квалифицируются по разным статьям УК РФ.

Так, водитель К. технически исправного автомобиля допустил столкновение с двигавшимися по проезжей части автодороги в попутном направлении тремя велосипедистами, которые от полученных травм скончались, после чего совершил столкновение с автомобилем под управлением тренера Б., также двигавшимся

---

[359] См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 февраля 1998 г. «Действия лица, совершившего покушение на изнасилование группой лиц несовершеннолетней, повлекшие по неосторожности ее смерть, суд квалифицировал по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ» (Извлечение) // СПС «Гарант».

впереди него в попутном направлении. В свою очередь, тренер Б. привлечена к ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, повлекших по неосторожности смерть трех лиц. Нарушение выразилось в том, что организовала осуществление тренировочного процесса учащихся в виде движения последних в качестве велосипедистов, без сопровождения автомобилем с проблесковым маячком желтого или оранжевого цвета, по проезжей части автодороги, где водитель К. допустил наезд на потерпевших. Судом вынесено два разных приговора: водитель К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 264 УК РФ, ему назначено наказание в виде шести лет шести месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении[360]; тренер Б. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 238 УК РФ, ей назначено наказание в виде лишения свободы сроком на шесть лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима[361].

В данном случае смерть трех человек стала результатом не одного, а двух взаимосвязанных и взаимообусловленных нарушений: неосторожных действий водителя К. и предшествовавших им осознанных действий тренера Б., в результате совпадения которых было причинено общее для них преступное последствие.

Таким образом, для неосторожного сопричинения не имеет значения, осознавало ли лицо общественную опасность своих действий (бездействия) или не осознавало. Достаточным условием является то, что неосторожным было психическое отношение каждого из сопричинителей к наступившему общему преступному результату.

---

[360] См.: приговор Предгорного районного суда Ставропольского края от 12 июля 2024 г. по делу № 1-108/2024 // Официальный сайт Предгорного районного суда Ставропольского края. URL: https://predgorny--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=428337766&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.07.2025).

[361] См.: приговор Предгорного районного суда Ставропольского края от 18 октября 2024 г. по делу № 1-134/2024 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ccpID8QWMZJJ/ (дата обращения: 20.07.2025).

В связи с тем, что нарушения, допущенные каждым из водителей, являлись самостоятельными, а их обязанности имели разную правовую природу (как тренера и как водителя), данный вид неосторожного сопричинения относится к случайному (ситуативному) виду, которое не требует усиления уголовной ответственности сопричинителям. Оба лица были осуждены за тяжкое преступление, каждому назначено наказание в виде лишения свободы. Суд, назначая наказание, учел все обстоятельства дела, включая степень общественной опасности нарушения, допущенного каждым из виновных. Введение дополнительного правила об усилении ответственности в таких случаях было бы излишним и могло бы привести к нарушению принципа справедливости, в частности, к двойному учету одних и тех же обстоятельств. Наказание должно оставаться индивидуальным: каждый несет наказание за свое собственное противоправное деяние, общественная опасность которого оценивается судом на основе всех фактических обстоятельств, включая те условия, которые были созданы действиями другого лица.

В отечественной нормотворческой практике встречается такой феномен, как соучастие в неосторожном преступлении. Части 3 и 4 ст. 263^1 УК РФ устанавливают ответственность за совершение неосторожных деяний «группой лиц по предварительному сговору» и «организованной группой», т.е. происходит перенос квалифицирующих признаков института соучастия в составы преступлений с неосторожной формой вины. В данных случаях между лицами существует устойчивая психологическая общность и координация действий, направленных на само нарушение правил безопасности (умышленное действие), при том, что к последствиям их отношение остается неосторожным.

Таким образом, это уникальные ситуации, где формы заимствованы из умышленного преступления, а вина в отношении последствия остается неосторожной. Данные законодательные конструкции требуют выделения в качестве самостоятельного вида множественности лиц, который теоретически невозможно отождествить ни с одним другим ранее рассмотренным видом.

От института соучастия (ст. 32 УК РФ) его отличает отсутствие умышленной вины по отношению к преступному результату: невозможно создать

организованную группу или вступить в сговор для причинения последствий по неосторожности, так как сговор предполагает желание наступления результата. Императивное требование законодателя о наличии между участниками согласованности («сговор») и структурированности («организованная группа») не позволяет их отнести к неосторожному сопричинению.

Подобная юридическая конструкция страдает внутренней противоречивостью: понятие сговора и организованной группы предполагает единство умысла на достижение преступного результата, что невозможно в неосторожных преступлениях. Подтверждением теоретической несостоятельности данной нормы служит правоприменительная практика: согласно официальной судебной статистике, за период с 2019 по 2025 г. лица по ч. 3 и ч. 4 ст. 263^1 УК РФ не осуждались[362].

Учитывая, что данный феномен существует благодаря законодательной фикции, искусственно объединяющей признаки соучастия и неосторожности для целей дифференциации ответственности, предлагается отказаться от использования в данных нормах терминологии института соучастия («сговор», «организованная группа»). Вместо этого целесообразно ввести универсальный квалифицирующий признак – «совершение деяния двумя или более лицами», изложив ч. 3 ст. 263^1 УК РФ следующим образом: «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные двумя или более лицами либо повлекшие по неосторожности смерть человека»; ч. 4 ст. 263^1 УК РФ следующим образом: «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть двух и более лиц».

Таким образом, если в совершении преступления фактически участвовало два или более лиц, но при этом их действия не отвечают признакам традиционных форм соучастия (группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или

---

[362] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2019–2025 гг. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 01.01.2026).

организованной группы), такое деяние должно признаваться совершенным двумя или более лицами, что по смыслу ч. 7 ст. 35 УК РФ должно повлечь более строгое наказание на основании и в пределах УК РФ. В связи с этим мы предлагаем внести в нее соответствующие изменения (см. Приложение 1), а в ч. 6 ст. 35 УК РФ закрепить, что преступление необходимо признавать совершенным двумя или более лицами, если в нем фактически участвовало несколько лиц, хотя бы одно из которых подлежит уголовной ответственности, при этом их действия не образуют группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы.

Резюмируем изложенное.

1. Виды множественности лиц в преступлении, не получившие специального регулирования в нормах УК РФ:

– одностороннее участие в преступлении другого лица (тайное участие);

– совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления (соисполнительство с негодным субъектом преступления);

– неосторожное сопричинение вреда;

– сопричинение вреда в преступлениях с двумя формами вины;

– сопричинение вреда, когда один из сопричинителей совершает неосторожное преступление, а второй – умышленное преступление;

– «соучастие» в неосторожном преступлении.

2. В случаях, когда в преступлении фактически участвуют двое и более лиц, но при этом их действия не образуют традиционных форм соучастия, деяние необходимо квалифицировать как совершенное двумя или более лицами, что по смыслу предлагаемых нами изменений в ч. 7 ст. 35 УК РФ влечет более строгое наказание на основании и в пределах УК РФ. Под преступлением, совершенным двумя или более лицами, понимается фактическое участие в нем нескольких лиц, как минимум одно из которых подлежит уголовной ответственности, при условии, что их действия не образуют группу лиц, группу лиц по предварительному сговору или организованную группу.

2. Одностороннее участие в преступлении другого лица (тайное участие) – умышленное содействие или склонение к совершению умышленного преступления, осуществленное без ведома лица, непосредственно выполняющего объективную сторону преступления.

Предлагается дополнить УК РФ ст. 32^1 «Виды множественности лиц в преступлении, не образующие соучастия», в которой изложить дефиницию одностороннего участия в преступлении другого лица, а в ст. 34^1 УК РФ предусмотреть правила квалификации действий тайных участников по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей наказание за преступление, совершенное неосведомленным исполнителем, со ссылкой на тайное подстрекательство или тайное пособничество (ч. 2 или ч. 3 ст. 33^1 УК РФ). Неосведомленный исполнитель несет уголовную ответственность как единоличный исполнитель преступления по статье, предусматривающей наказание за совершенное им преступление.

3. Под соисполнительством с негодным субъектом преступления необходимо понимать совершение преступления надлежащим субъектом совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности, что не образует ни соучастия, ни посредственного причинения вреда.

Предлагается дополнить ст. 32^1 УК РФ этим видом множественности лиц в преступлении, пункт «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ изложить в новой редакции: «совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, а также с лицом (лицами), не подлежащим(-щими) уголовной ответственности»; учесть фактическое стечение нескольких лиц с участием негодного субъекта преступления в квалифицирующих признаках, предусматривающих уголовную ответственность за соучастие, указав в них «совершение двумя или более лицами», и дополнить ст. 35 УК РФ указанием на то, что преступление может быть совершено двумя или более лицами.

4. Неосторожное сопричинение – совершение преступления двумя или более лицами, обладающими признаками субъекта преступления, чьи взаимосвязанные и

взаимообусловленные деяния в своей совокупности явились причиной наступления единого для них неосторожного преступного результата.

Неосторожное сопричинение имеет два вида в зависимости от их общественной опасности:

1) системное сопричинение, осложненное функциональной связью и предшествующим поведением виновных, обязанных действовать совместно во избежание негативных последствий, что является основанием для учета обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «в[1]» ч. 1 ст. 63 УК РФ «совместное неисполнение обязанностей по обеспечению безопасности, повлекшее по неосторожности наступление тяжких последствий»;

2) случайное сопричинение, где единый преступный результат наступает вследствие случайного совпадения независимых нарушений или в результате дополнительного внешнего воздействия, не повышающее общественную опасность по сравнению с единоличным совершением аналогичного преступления, и не влечет более строгое наказание сопричинителей.

Предлагается включить в предложенную статью 32[1] УК РФ норму о неосторожном сопричинении, а в ст. 34[1] УК РФ закрепить, что действия неосторожных сопричинителей следует квалифицировать по соответствующей статье (статьям) Особенной части УК РФ с учетом характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления, указав, что взаимообусловленное и взаимосвязанное поведение, повлекшее наступление преступного результата, является основанием для учета обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «в[1]» ч. 1 ст. 63 УК РФ».

5. Предлагается ввести универсальный квалифицирующий признак для ст. 263[1] УК РФ – «совершение деяния двумя или более лицами», изложив ч. 3 ст. 263[1] УК РФ следующим образом: «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные двумя или более лицами либо повлекшие по неосторожности смерть человека»; ч. 4 ст. 263[1] УК РФ следующим образом: «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть двух и более лиц».

Глава III
УЧАСТИЕ НЕСКОЛЬКИХ ЛИЦ В ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НЕ ОБРАЗУЮЩЕЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ЛИЦ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

§ 1. Множественность лиц в преступлении и прикосновенность к преступлению

Отечественная уголовно-правовая доктрина с момента своего оформления усматривала проявление множественности лиц как в действиях соучастников, так и в поведении лиц, прикосновенных к преступлению (благоприятствующих ему)[363].

Еще в 1850 г. А.С. Жиряевым прикосновенность к преступлению относилась к стечению нескольких лиц в преступлении, хотя и отмечалось, что она отличается по своей природе от других видов. Виновных при стечении в одном и том же преступлении автор делил на две категории: «кои принимали участие в самом содеянии преступления» и «кои не принимали в нем никакого участия и являются посему не участниками, но лишь прикосновенными к содеянному преступлению лицами», отмечая, что, тогда как участвующие в преступлении находятся внутри него, вторые лишь касаются главного преступления[364]. Он указывал, что попустители, укрыватели и недоносители никогда не являются одни перед лицом карающего Правосудия, но всегда в сообществе с виновниками главного преступления[365].

Прикосновенность всегда предполагает уже существование совершенного преступления, по отношению к которому совершается деяние, образующее прикосновенность. Без наличия предшествующего преступления не может быть и прикосновенности к нему.

---

[363] См.: *Горегляд О.И.* Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. С. 6; Курс советского уголовного права: в 6 т. Т 1 (Часть Общая) / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 634; *Клименко Ю.А., Молчанов Д. М.* Указ. соч. С. 17 и др.

[364] См.: *Жиряев А.С.* О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. 2-е изд. С. 20.

[365] См.: там же. С. 17.

В теории уголовного права отмечается: «Прикосновенное лицо выполняет самостоятельное преступление (хотя и имеющее производный, вторичный характер)»[366]. Исходя из этого, формулируется следующее определение: «Прикосновенность – это деяние, производное от основного (предикатного) преступления, вторичное по отношению к нему»[367].

Для квалификации деяния как прикосновенного необходимо установление факта совершения основного (предикатного) преступления, поскольку именно наличие последнего обусловливает общественную опасность и противоправность деяния прикосновенного лица. Соответственно, уголовно-правовая оценка основного преступления является неотъемлемым этапом квалификации прикосновенности, а отсутствие состава основного преступления исключает наличие состава прикосновенности к нему.

Одним из сторонников отнесения прикосновенности к преступлению к множественности лиц в современной доктрине является Н.А. Бабий, хоть и считающий ее «своеобразной внесистемной добавкой к множественности лиц в преступлении», он включает ее в систему видов множественности, мотивируя тем, что такие деяния не только теснейшим образом соприкасаются с преступлением, совершаемым другим лицом, но и могут осуществляться и в момент совершения преступления (например, попустительство, так как воспрепятствовать совершению преступления можно только до его окончания, или недонесение о преступлении, которое может осуществляться и в момент его совершения)[368].

Данный подход представляется дискуссионным, несмотря на то что прикосновенность формально соответствует некоторым признакам множественности лиц в преступлении:

---

[366] *Очередько В.А.* Уголовно-правовое значение прикосновенности к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 177.

[367] См.: там же. С. 25.

[368] См.: *Бабий Н.А.* Указ. соч. С. 69–70.

– фактическое участие двух или более лиц, так как в ситуации задействованы как минимум исполнитель основного преступления и лицо, совершающее прикосновенное деяние;

– наличие минимум одного лица, обладающего признаками субъекта преступления, поскольку для наличия прикосновенности необходимо, чтобы основное (предикатное) деяние было совершено надлежащим субъектом.

Однако прикосновенность не отвечает признаку множественности «участие в одном и том же преступлении». Лицо, совершающее прикосновенное деяние, не вносит никакого вклада в первично совершаемое посягательство. Его действия всегда носят постпреступный характер и зачастую не совпадают с основным деянием ни во времени, ни в пространстве.

Еще одним сторонником отнесения прикосновенности к преступлению к видам множественности лиц в преступлении, не образующим соучастия, является Д.М. Молчанов. Автор выделил не только традиционные виды прикосновенности к преступлению (недоносительство, попустительство, укрывательство), но и иные виды, к которым отнес приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем; легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем; присоединение к предшествующей преступной деятельности, не образующее соучастия вследствие отсутствия двусторонней субъективной связи)[369].

В отличие от приведенной позиции, мы придерживаемся традиционного доктринального подхода, согласно которому прикосновенность к преступлению исчерпывается тремя классическими формами: недоносительством, попустительством и укрывательством. Основанием для отграничения этих форм от множественности лиц в преступлении служит принципиальное различие в юридической природе и объекте посягательства. Деяния, предлагаемые Д.М. Молчановым для включения в понятие прикосновенности, являются самостоятельными составами преступлений, обладающими собственным объектом

---

[369] См.: *Клименко Ю.А., Молчанов Д.М.* Указ. соч. С. 17. (Автор раздела I – Д.М. Молчанов).

уголовно-правовой охраны, отличным от объекта основного (предикатного) преступления и от объекта классических форм прикосновенности (преимущественно, интересов правосудия).

Рассмотрим подробнее эти виды прикосновенности к преступлению, которые зачастую относят к множественности лиц в преступлении.

Начнем с более детального анализа несообщения о преступлении (недоносительства). Впервые уголовная ответственность за недоносительство появилась в УК РФ в 2016 г. с введением в действие ст. 205^6 УК РФ о несообщении в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205^1, 205^2, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ[370].

По общему правилу закон не предусматривает обязанности сообщать в органы власти о преступлении, что относит большинство подобных деяний к сфере морально-этических регуляторов поведения, определяющих нравственный долг и гражданскую ответственность личности перед обществом, но зачастую не влекущих за собой юридических санкций за их неисполнение. Введенная норма устанавливает уголовно-правовую ответственность за несообщение об отдельных составах преступлений, представляющих, с точки зрения законодателя, повышенную общественную опасность. «Для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо установить не только его обязанность сообщить о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из указанных преступлений, но и реальную возможность выполнить эту обязанность»[371]. Такие правовые нормы обеспечивают обязанность граждан информировать соответствующие органы о

---

[370] См.: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

[371] Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. 12-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 515.

преступных действиях или намерениях лиц, совершающих серьезные преступления[372]. В результате усиливается контроль за утаиванием информации об угрозах общественной безопасности.

Несмотря на очевидную связь недоносительства с основным преступлением, оно не может рассматриваться как форма множественности лиц. Системообразующим признаком множественности лиц является участие двух или более лиц в совершении одного и того же, общего для них преступления. В случае с несообщением этого единства нет, поскольку de jure существуют два самостоятельных состава преступления: предикатное (например, подготовка к теракту) и связанное с ним (несообщение об этом). Решающим аргументом здесь выступает различие в объекте посягательства. Если предикатные преступления посягают на общественную безопасность или основы конституционного строя, то объектом несообщения являются интересы правосудия и деятельность государства по предупреждению и расследованию преступлений. Недоноситель своим бездействием не участвует в выполнении объективной стороны основного преступления, его роль пассивна, а любое активное содействие свидетельствовало бы о его соучастии.

Так, И., достоверно узнав от своих знакомых об их участии в деятельности ячейки международной террористической организации «Исламское Государство» на территории Москвы, опасаясь за свою жизнь и привлечение к уголовной ответственности, прекратил общение с ними, а ставшие ему известными факты о преступной деятельности указанных лиц скрыл, не сообщив о них в правоохранительные органы[373]. Таким образом, недоносительство является классическим примером преступления, которое возникает «по поводу» другого

---

[372] См.: *Горьканова Т.В.* Несообщение о преступлении как новая форма прикосновенности к преступлению // Студенческий. 2022. № 4-7 (174). С. 8.

[373] См.: приговор Мещанского районного суда города Москвы от 17 октября 2024 г. по делу № 1-867/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/criminal/details/39228220-6f7e-11ef-9b99-5360225ca94f?codex=205.6+%D1%83%D0%BA&documentStatus=2&formType=fullForm (дата обращения: 01.11.2025).

деяния, но не сливается с ним, образуя самостоятельный состав, и, следовательно, находится за рамками института множественности лиц в преступлении.

Важнейшей характеристикой этого состава является его превентивная направленность, так как ответственность наступает за несообщение даже о готовящемся преступлении, т.е. когда основное деяние еще не окончено. Так, подсудимый был осведомлен о том, что двое его знакомых готовятся совершить поджог вертолета в аэропорту г. Ноябрьск по заданию неустановленного лица. Он знал, что они ищут горючее, инструменты и автомобиль для совершения преступления, поскольку они лично обращались к нему за помощью и просили отвезти их к месту поджога, но в правоохранительные органы не сообщил. По мнению защиты, суд не мог признать подсудимого виновным в несообщении о подготовке теракта ввиду отсутствия вступившего в законную силу приговора в отношении лиц, готовивших поджог вертолета. Суд подчеркнул, что уголовно-правовая норма направлена на предупреждение преступлений, предотвращение их общественно опасных последствий, поэтому доказанность противоправных действий лиц, о которых подсудимый не сообщил в компетентные органы, а также отсутствие в отношении этих лиц вступившего в законную силу приговора не влияет на доказанность вины и правовую оценку содеянного[374].

В случае, когда лицо узнает о преступлении в момент его совершения и не сообщает о нем, это не объединяет недоносителя и исполнителя в единое преступление из-за различия в объекте посягательства. Таким образом, недоносительство лишь связано с предикатным деянием, но не образует с ним единого преступления, а следовательно, находится за рамками института множественности лиц.

Еще один вид прикосновенности к преступлению права – укрывательство – деятельность по сокрытию следов преступления, самого преступника или орудий и средств совершения преступления, а также на иное воспрепятствование

---

[374] См.: апелляционное постановление Ямало-Ненецкого автономного округа № 22-237/2025 от 3 апреля 2025 г. по делу № 1-49/2025 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/L8pqaiC02j5J/ (дата обращения: 01.11.2025).

установлению истины по уголовному делу. Закон устанавливает уголовную ответственность за заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 316 УК РФ), и особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 316 УК РФ). Факт отсутствия договоренности по поводу дальнейших действий, направленных на сокрытие преступления, отличает прикосновенность от соучастия, в частности, от пособничества. Именно поэтому в литературе его называют как «постпреступное заранее не обещанное пособничество»[375].

Разницу между укрывательством и пособничеством продемонстрируем на следующем примере. К. поджег трупы соседей-супругов, предприняв тем самым попытку скрыть совершенное им убийство двух лиц, а Н. в этот момент находилась в непосредственной близости и наблюдала за происходящим в целях предупреждения К. о возможной опасности. Впоследствии Н., имея реальную возможность сообщить сотрудникам правоохранительных органов о совершенном К. особо тяжком преступлении, каких-либо мер для этого не предприняла, скрывала свою осведомленность о вышеуказанном преступлении и лице, причастном к его совершению, т.е. укрыла данный факт от правоохранительных органов вплоть до фактического их доставления в правоохранительные органы. В этой части действия К. квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст.105 УК РФ, а Н. – по ст. 316 УК РФ как заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления[376].

Пример демонстрирует, что действия К. по сокрытию следов убийства (поджог трупов) с целью избежать ответственности, охватывается составом убийства, в связи с чем не требуют дополнительной квалификации по ст. 316 УК РФ. Между убийством, совершенным К., и последующим укрывательством со стороны Н. отсутствует совместность и та единая субъективная связь, которая бы объединяла их в одно преступление, совершенное в соучастии.

---

[375] *Очередько В.А*. Указ. соч. С. 70.

[376] См.: приговор Московского городского суда от 1 марта 2023 г. по делу № 2-0031/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-criminal/details/cd562370-928a-11ed-b947-7f481216b8dc?codex=316&documentStatus=2&formType=fullForm (дата обращения: 05.02.2025).

Далее К. и Н. совместно вынесли ранее похищенные из квартиры вещи, погрузили в автомашины, перевезли их в ломбард, получив за указанное имущество денежные средства. В этой части действия К. были квалифицированы по п. «а», «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, действия Н. – ч. 5 ст. 33, п. «а», «в» ч. 3 ст.158 УК РФ как пособничество в совершении кражи[377]. В данном случае участники действовали совместно, суд признал их соучастниками, при этом суд не признал Н. пособником убийства.

В ситуациях, когда укрывательство одного преступления сопряжено с совершением нового преступного деяния, в котором лицо действует совместно с виновным в основном (предикатном) преступлении, уголовная ответственность наступает как по ст. 316 УК РФ (за заранее не обещанное укрывательство), так и по статье, предусматривающей ответственность за совершенное соучастниками производное преступление, при условии наличия всех признаков соучастия в этом новом преступлении.

Этот принцип подтверждается и другими примерами, например, когда М., являвшийся очевидцем совершенного убийства, оказал лицу, совершившему преступление, помощь в сокрытии трупа, а также следов совершения преступления, выразившуюся в том, что они совместно погрузили тело в багажник автомобиля, принадлежащего убитому, и скрылись с места происшествия в целях последующего сокрытия трупа от правоохранительных органов. М. привлечен к уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство по ч. 2 ст. 316 УК РФ и угон, совершенный группой лиц по предварительному сговору, т.е. преступление, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ[378].

Анализ ситуаций, подобных приведенному примеру с М., демонстрирует принципиальное различие между заранее не обещанным укрывательством (ст. 316

---

[377] См.: там же.

[378] См.: приговор Подольского городского суда от 3 июля 2024 г. по делу № 1-567/2024 // Официальный сайт Подольского городского суда. URL: https://podolsky--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=797693700&case_uid=a50fea60-5207-4e0b-9e19-c20f31382654&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 07.02.2025).

УК РФ) и множественностью лиц в предикатном преступлении. Возникновение соучастия между укрывателем и исполнителем основного преступления возможно, но только в отношении нового преступления, совершаемого в процессе или для целей укрывательства.

Укрывательство охватывает собой состав несообщения о преступлении. С точки зрения объективной стороны оно шире по содержанию, чем недоносительство, поскольку подразумевает действия, содействующие сокрытию преступления. Например, Я. согласилась оказать помощь лицу в сокрытии его от органов предварительного следствия и суда, и совершила действия, не обещанные до совершения убийства, а именно: передала мобильный телефон, приобретенный ею по его просьбе, после чего оплатила тому проезд в такси. После этого Я., имея реальную возможность сообщить сотрудникам правоохранительных органов о совершенном преступлении, каких-либо мер для этого не приняла, скрывала свою осведомленность о вышеуказанном преступлении и лице, причастном к его совершению. Действия Я. квалифицированы по ч. 2 ст.316 УК РФ[379]. Изложенное также подтверждает, что укрывательство – это самостоятельное преступление, находящееся за рамками множественности лиц, но способное стать отправной точкой для формирования соучастия в новом, производном деянии.

Следующим видом прикосновенности, выделяемым в теории уголовного права, является попустительство. Общая норма, регулирующая уголовную ответственность за попустительство, отсутствует. Прямое указание на попустительство в Особенной части УК РФ содержится только в ч. 1 ст. 290 УК РФ – попустительство по службе, которое «заключается в непринятии должностным лицом мер за упущения или нарушения в служебной деятельности взяткодателя или предоставляемых им лиц, не реагировании на их неправомерные действия»[380].

---

[379] См.: приговор Алексинского межрайонного суда Тульской области от 24 января 2024 г. по делу № 1-24/2024 // Официальный сайт Алексинского межрайонного суда Тульской области. URL: https://aleksinsky--tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=239292603&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 05.02.2025).

[380] Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. 12-е изд., перераб. и доп. С. 770.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что к попустительству по службе относится, например, согласие должностного лица контролирующего органа не применять входящие в его полномочия меры ответственности в случае выявления совершенного взяткодателем нарушения[381].

Однако верно замечает М.А. Дворжицкая: «Данный термин не имеет ничего общего с преступлением, составляющим прикосновенность, в силу ряда причин. Во-первых, круг деяний, которому взяткополучатель не противодействует, расширен и не ограничивается только преступлениями. Во-вторых, в этом случае указывается на согласие должностного лица не противодействовать совершенному правонарушению, что подразумевает наличие причинной связи между действием взяткодателя и взяткополучателя, что, на наш взгляд, противоречит сущности прикосновенности к преступлению»[382].

Тем не менее трудности его законодательного закрепления и правоприменения, не отменяют его теоретической сущности как одной из разновидностей «примыкания» к чужому преступлению.

Автор предлагает понимать под попустительством «невыполнение предусмотренной юридической обязанности воспрепятствовать преступному посягательству при наличии возможности это сделать»[383].

Ю.А. Клименко отмечает: «Сущность попустительства состоит в невосприпятствовании готовящемуся или совершаемому преступлению... в умышленном благоприятствовании преступлению, попуститель заведомо знает, что снисходительно относится именно к преступлению»[384], подразумевая совершенное преступление, обращая внимание на этимологическое происхождение слова «попускать» в значении разрешать, не запрещать либо смалчивать, послаблять[385].

---

[381] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

[382] *Дворжицкая М.А.* Ответственность за прикосновенность к преступлению в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020. С. 129.

[383] Там же. С. 132.

[384] *Клименко Ю.А., Молчанов Д.М.* Указ. соч. С. 125.

[385] См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб., 1882. С. 317.

Развивая данную мысль, Л.С. Белогриц-Котляревский выделил три признака попустительства:

а) умышленность бездействия;

б) наличие совершения самого преступления или покушения на него;

в) возможность вмешательства, способного предупредить преступление[386].

Совокупность указанных признаков позволяет отграничить попустительство от иных форм бездействия, а также определить его место в системе уголовно-правовых явлений.

Анализ временных рамок совершения попустительства выявляет его специфическую природу и точки соприкосновения со смежными уголовно-правовыми явлениями. Если рассматривать ситуацию после окончания предикатного преступления, то концепция попустительства его совершению теряет свою актуальность, поскольку воспрепятствовать тому, что уже свершилось, объективно невозможно. Бездействие специального субъекта на этом этапе может образовывать составы иных преступлений, таких как халатность, злоупотребление должностными полномочиями или, при определенных условиях, укрывательство, но не попустительство совершению оконченного деяния. Таким образом, посткриминальное поведение, даже выраженное в пассивности обязанного лица, лежит за пределами классического понимания попустительства как невоспрепятствования.

Что касается возможности совершения попустительства до начала совершения преступления, здесь может возникнуть пересечение с недоносительством (несообщением о преступлении – ст. 205^6 УК РФ). Если специальный субъект (например, сотрудник правоохранительных органов) узнает о готовящемся преступлении и не принимает мер к его предотвращению (включая несообщение об этом куда следует для принятия мер), то его бездействие действительно может быть квалифицировано как недоносительство, если

---

[386] См.: *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголовного права. М., 1903. С. 224.

соблюдены все условия этого состава (речь идет о преступлениях, перечисленных в ст. 205^6 УК РФ).

Классическим вариантом является совершение попустительства в момент совершения основного преступления, которое может иметь длящийся характер, как и попустительство может быть продолжающимся. Однако в этой же временной точке возникает конкуренция с нормами о соучастии в форме преступного бездействия. Ключевыми критериями для их разграничения становятся направленность умысла и характер субъективной связи с исполнителем. Если бездействие очевидно способствует совершению преступления и интегрировано в общий преступный замысел, речь может идти о соучастии; если же оно представляет собой скорее уклонение от выполнения долга без прямой координации с исполнителем, это ближе к сущности попустительства, хотя его доказывание и отграничение от должностных преступлений остается значительной правоприменительной проблемой.

Таким образом, попустительство следует рассматривать как самостоятельную форму прикосновенности, занимающую свое место наряду с укрывательством и недоносительством при установлении следующих признаков: 1) наличие предикатного преступления; 2) умышленное бездействие специального субъекта, обязанного и имевшего возможность воспрепятствовать; 3) отсутствие признаков соучастия в этом предикатном преступлении.

Резюмируем изложенное.

Прикосновенность к преступлению, включающая такие ее традиционные формы, как недоносительство (ст. 205^6 УК РФ), заранее не обещанное укрывательство (ст. 316 УК РФ) и попустительство (ч. 1 ст. 290 УК РФ), не является видом множественности лиц, представляя собой совершение самостоятельного преступления в связи с предыдущим преступлением.

§ 2. Отграничение множественности лиц в преступлении от иных смежных уголовно-правовых явлений

Принципиальное значение имеет четкое разграничение множественности лиц в преступлении от иных, смежных с ним явлений. Под смежными явлениями мы понимаем такие деяния, которые, совпадая с множественностью лиц по отдельным признакам, тем не менее лишены той полноты системообразующих признаков, которая необходима для ее констатации. Именно это частичное совпадение, создающее лишь видимость тождества, и порождает в науке уголовного права дискуссии об их правовой природе, зачастую служа основанием для ошибочного отнесения данных деяний к множественности лиц в преступлении.

Начать анализ следует с деяний, которые некоторые исследователи[387] относят к одной из форм прикосновенности к преступлению – укрывательству – легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ), и приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ).

Позиция сторонников отнесения указанных деяний к прикосновенности базируется на том, что они совершаются уже после окончания основного (предикатного) преступления и направлены на манипуляции с полученным в его ходе имуществом[388]. Их действия «прикасаются» к основному преступлению, способствуя его «завершению» в экономическом смысле и затрудняя работу правоохранительных органов по выявлению и возврату похищенного. Они выполняют функцию укрывательства материальных следов или результатов преступления.

С нашей точки зрения, преступления, предусмотренные ст. 174 и 175 УК РФ, по своей сути являются специализированными разновидностями укрывательства преступных доходов или имущества, добытого преступным путем. Их выделение в самостоятельные составы обусловлено спецификой объекта (экономические отношения) и повышенной общественной опасностью легализации денежных

---

[387] См.: *Клименко Ю. А., Молчанов Д. М.* Указ. соч. С. 113.
[388] См., например: *Очередько В. А.* Указ. соч. С. 8.

средств. Однако их сущностная природа остается в рамках укрывательских действий, а не формирует принципиально новый, самостоятельный вид прикосновенности за пределами укрывательства.

Еще в 1850 г. А.С. Жиряев размышлял о том, что простое одобрение чужого преступного деяния, пассивное пользование его плодами или даже принятие вещей, добытых преступным путем, сами по себе не составляют укрывательства, если они не сопряжены с действиями, направленными именно на сокрытие самого преступления или его участников от правосудия[389].

Именно этот тезис лежит в основе нашего подхода: преступления, предусмотренные ст. 174 и 175 УК РФ, посягают в первую очередь на установленный порядок экономической деятельности, а не на интересы правосудия, которые являются объектом укрывательства (ст. 316 УК РФ). Следовательно, их нельзя отнести к множественности лиц в преступлении.

Примером посткриминальной преступной деятельности может являться ситуация, когда одно лицо совершает кражу, а другое, не обещав этого заранее, приобретает у него похищенное имущество, зная о его преступном происхождении. Первое лицо будет подлежать уголовной ответственности за кражу, по соответствующей части ст. 158 УК РФ, второе – за приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем по ст. 175 УК РФ.

Сами по себе эти преступления не образуют множественности лиц. Рассматриваемые составы соответствуют некоторым признакам множественности: при их совершении всегда присутствуют как минимум два лица (лицо, совершившее предикатное преступление, и лицо, осуществляющее последующие противозаконные операции с преступным имуществом), оба из которых обладают признаками субъекта преступления. Вместе с тем они не участвуют в едином преступлении. Виновное лицо не принимает участия в предикатном деянии; оно совершает новое самостоятельное преступление. Во-первых, кардинально различаются объекты посягательства, т.е. если предикатное преступление

---

[389] См.: *Жиряев А.С.* Указ. соч. С. 132.

(например, хищение или получение взятки) посягает на отношения собственности или интересы государственной власти, то преступления, предусмотренные ст. 174 и 175 УК РФ, имеют иной родовой объект – установленный порядок осуществления экономической деятельности. Во-вторых, данные деяния разграничены во времени: легализация и сбыт по своей природе являются посткриминальной деятельностью и начинаются лишь после того, как предикатное преступление юридически окончено.

С субъективной стороны умысел исполнителя предикатного преступления направлен на завладение имуществом или получение незаконного вознаграждения, в то время как умысел легализатора или сбытчика – на придание правомерного вида владению криминальными активами. У них может отсутствовать общий преступный план, охватывающий оба деяния как единое целое.

Изложенное позволяет заключить, что конструкции составов, предусмотренных ст. 174 и 175 УК РФ, представляют собой самостоятельные преступления, лишь связанные с предикатным деянием, но не образующие с ним множественности лиц в преступлении.

Еще один вид множественности лиц, выделяемый в теории уголовного права и относимый к иным видам прикосновенности к преступлению, – присоединение к предшествующей преступной деятельности, не образующее соучастия вследствие отсутствия двусторонней субъективной связи, когда «сознанием охватывается факт совместности (фактической) совершения преступления с другими лицами (поскольку именно их предшествующая деятельность облегчила ему совершение преступления, например, устранено препятствие для проникновения в жилище), но отсутствие двусторонней связи не позволяет дать юридическую оценку преступления как совершенного в соучастии»[390]. В качестве примеров приводятся присоединение к изнасилованию, когда сопротивление потерпевшей уже сломлено, или совершение побега с использованием подкопа, сделанного ранее другими

---

[390] См.: *Клименко Ю. А., Молчанов Д. М.* Указ. соч. С. 136.

осужденными. Мы не разделяем мнение о том, что такие последовательные действия нескольких лиц образуют множественность лиц в преступлении.

Как следует из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, изложенных в п. 11 постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», лицо, не состоявшее в сговоре, но присоединившееся к хищению, отвечает лишь за конкретные действия, совершенные им лично. Устанавливая принцип строго индивидуальной ответственности, Пленум Верховного Суда РФ фактически констатирует, что в данном случае имеют место два (или более) самостоятельных, последовательно совершенных преступления, а не одно, совершенное совместно, что исключает множественность лиц в преступлении.

Присоединение к предшествующей преступной деятельности характеризуется следующими особенностями:

1) лицо А. действовало с умыслом на совершение преступления (самостоятельно или с другими, известными ему лицами), но оно не знало и не предполагало, что результатами его действий воспользуется лицо Б;

2) лицо Б. хотя и осознавало, что использует результаты чужой деятельности, не вступало в сговор с лицом А.

Отсутствие согласия на совместные действия (сговора) разрывает единую цепь и не позволяет говорить о множественности лиц в одном преступлении.

Более того, тезис о повышенной общественной опасности таких действий[391] также представляется дискуссионным. Действия присоединившегося лица, безусловно, являются общественно опасными, но они образуют самостоятельный состав преступления, а не увеличивают общественную опасность предшествующего, уже оконченного деяния.

Таким образом, присоединение к предшествующей преступной деятельности следует рассматривать не как форму множественности лиц, а как последовательное совершение самостоятельных преступлений.

---

[391] См.: *Клименко Ю. А., Молчанов Д. М.* Указ. соч. С. 137.

В системе уголовно-правовых явлений, описывающих участие нескольких лиц в совершении преступления, особое место занимает параллельное исполнительство, под которым понимается «элементарное совпадение во времени и пространстве фактов совершения несколькими лицами одного и того же по своим признакам преступления»[392]. Классической иллюстрацией здесь является ситуация хищения предметов из одного и того же источника (например, из магазина во время массовых беспорядков или со склада при отсутствии охраны) несколькими лицами, которые действуют самостоятельно и независимо друг от друга.

В доктрине неоднократно справедливо отмечалось, что совпадение во времени и пространстве фактов совершения одного и того же преступления несколькими лицами не является соучастием (Ю.Е. Пудовочкин[393], Д.А. Безбородов[394], А.Н. Мондохонов[395]и др.).

На первый взгляд, параллельное исполнительство может показаться схожим со случайным (ситуативным) видом неосторожного сопричинения, поскольку в обоих случаях происходит случайное совпадение независимых нарушений. Однако, во-первых, случайное неосторожное сопричинение всегда характеризуется наступлением единого и неделимого преступного последствия. Действия каждого из участников являются необходимым условием для наступления именно этого общего результата. В ДТП двух водителей смерть пассажира – это единое последствие, которое нельзя «разделить» между водителями; оно является результатом их совокупных нарушений. Параллельное исполнительство, напротив, характеризуется множественностью самостоятельных, юридически обособленных преступных результатов. Каждый из параллельных исполнителей своими действиями причиняет свой собственный, отделимый от других вред. Если А. и Б. независимо друг от друга похищают из одного магазина ноутбук и телевизор, то

---

[392] *Андрианов В.К., Голубов И.И., Кустова В.В. и др*. Указ. соч. С. 494.

[393] См.: *Пудовочкин Ю.Е.* Учение о преступлении: избранные лекции.

[394] См.: *Безбородов Д.А.* Методологические основы учения об уголовной ответственности за совместное преступное деяние: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008. – 436 с.

[395] См.: *Мондохонов А.Н.* Преступные объединения в уголовном праве России: закон, теория, практика: монография. М., 2023.

наступают два разных преступных результата: ущерб от кражи ноутбука и ущерб от кражи телевизора. Действия А. не являлись условием для наступления ущерба от действий Б., и наоборот.

Во-вторых, мы разделяем позицию А.В. Украинчик о том, что параллельное исполнительство охватывает только случаи умышленного совершения преступления двумя или более лицами[396], что более четко позволяет провести грань между таким явлением и неосторожным сопричинением.

Попытка применить категорию параллельного исполнительства к неосторожным деяниям неизбежно приводит к двум сценариям, ни один из которых не соответствует его природе:

– два или более независимых неосторожных деяния приводят к единому и неделимому преступному результату. Классическим примером служат два охотника, которые, не зная друг о друге, по неосторожности стреляют в сторону неясно видимой цели и одновременно попадают в одного человека, причиняя ему смерть. Несмотря на отсутствие субъективной связи, данная ситуация по своей сути является не параллельным исполнительством, а случайным (ситуативным) неосторожным сопричинением. Последствие – смерть человека – является единым, неделимым и возникло именно в результате совокупного воздействия на объект уголовно-правовой охраны. Таким образом, при наличии единого результата гипотетическая конструкция «неосторожного параллельного исполнительства» поглощается более точной и адекватной категорией неосторожного сопричинения;

– два или более независимых неосторожных деяния приводят к различным, юридически обособленным последствиям. Представим двух врачей, работающих в одной больнице, которые в одно и то же время независимо друг от друга допускают по неосторожности ошибки в лечении двух разных пациентов, что приводит к смерти обоих. Несмотря на обстоятельства времени, обстоятельства места и характера нарушений, данная ситуация представляет собой не параллельное исполнительство, а простую совокупность двух самостоятельных неосторожных

---

[396] См.: *Украинчик А.В.* Исполнитель преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 145.

преступлений. Юридически значимая «параллельность» здесь отсутствует; совпадение является случайным и не создает нового правового качества. Вменение каждому из врачей ответственности как единоличному исполнителю за причинение смерти своему пациенту полностью исчерпывает уголовно-правовую оценку содеянного.

Определяющим специфику параллельного исполнительства является то, что только лишь временное и территориальное совпадение фактов совершения преступлений несколькими лицами не является достаточным критерием для констатации юридически значимой множественности лиц. Концепция множественности лиц в преступлении, выходя за рамки простого арифметического указания на количество участников, предполагает наличие определенной, пусть даже минимальной, субъективной связи между участниками преступления. Именно эта связь трансформирует совокупность индивидуальных актов в нечто качественно иное, что может потребовать специфических подходов к уголовно-правовой оценке.

При случайном сопричинении независимые и несогласованные нарушения различных лиц объективно конвергируют в одной точке, порождая единый, синергетический и неделимый результат, который не наступил бы от действий каждого из них в отдельности. Классическим примером является ДТП, где один водитель превышает скорость, а другой проезжает на запрещающий сигнал светофора, что приводит к столкновению и гибели человека. Смерть здесь – это единое последствие, которое нельзя «разделить» между водителями; оно является продуктом именно их совокупных действий.

При параллельном исполнительстве такая субъективная связь отсутствует. Каждый из параллельных исполнителей действует самостоятельно, реализуя свой собственный, изолированный преступный замысел, не вступая в какое-либо осознанное взаимодействие с другими лицами, даже если их действия объективно сливаются в единую неблагоприятную для охраняемых законом интересов картину. Отсутствует взаимная осведомленность о намерениях, координация усилий или стремление к достижению результата как продукта совместной деятельности.

Переходя к следующей группе явлений, отграничиваемых от института множественности лиц, необходимо уделить особое внимание анализу специальных составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ.

Публичное оправдание терроризма (ст. 205^2 УК РФ) или реабилитация нацизма (ст. 354^1 УК РФ) совершаются уже после того, как определенная преступная идеология (например, террористическая) нашла свое выражение в преступных актах, либо после совершения конкретных преступлений, связанных с этой идеологией (например, террористических актов или преступлений нацистского режима). Публичное оправдание или реабилитация создают благоприятную информационную среду для этих явлений, косвенно поддерживая лиц, их совершивших или разделяющих соответствующие идеологии, и могут рассматриваться как форма интеллектуальной прикосновенности, «примыкания» к преступной идеологии и практике.

В теории уголовного права предложено относить данные преступления к прикосновенности, указывая при этом, что согласно примечанию 1 к ст. 205^2 УК РФ публичным оправданием терроризма является публичное заявление о признании правильными, нуждающимися в поддержке и подражании: 1) идеологии терроризма; 2) практики терроризма[397]. Мы поддерживаем позицию В.А. Очередько, согласно которой прикосновенность к преступлению возникает в первом случае при публичном заявлении о признании практики терроризма, в то время как во втором случае, т.е. при публичном оправдании идеологии терроризма, действия нельзя считать прикосновенностью к преступлению вследствие отсутствия предикатного преступления – «идеология терроризма сама по себе не является преступлением, а значит, в этом случае нет и предмета прикосновенности к преступлению»[398].

---

[397] *Очередько В. А.* Указ. соч. С. 150; *Басханов А. М.* Отнесение публичного оправдания терроризма к институту прикосновенности к преступлению: критический анализ / А. М. Басханов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 111. – С. 109-111.

[398] *Очередько В. А.* Указ. соч. С. 150.

Кроме того, чтобы прикоснуться к преступлению, оно должно быть совершено. Само понятие «прикосновенность» лексически предполагает наличие чего-то, к чему можно «прикоснуться»[399]. Этим «чем-то» в уголовно-правовом смысле может быть только конкретное преступление, находящееся как минимум на стадии приготовления или покушения, либо уже совершенное (оконченное). Без наличия такого предикатного преступления не может быть прикосновенности к нему.

Исходя из этого, с нашей точки зрения, преступления, предусмотренные ст. 205^2 и 354^1 УК РФ, представляются самостоятельными составами, не формирующими множественность лиц.

Во-первых, как самостоятельные деяния они не всегда напрямую связаны с содействием сокрытию конкретного предикатного преступления или его исполнителя. Эти составы имеют самостоятельные объекты уголовно-правовой охраны (общественная безопасность, мир и безопасность человечества), отличные от интересов правосудия, которые преимущественно страдают при классических формах прикосновенности. Во-вторых, публичное оправдание терроризма может иметь место и в отсутствие конкретного теракта, к которому оно «прикасается», а реабилитация нацизма относится к событиям прошлого. Поэтому данные составы необходимо рассматривать как самостоятельные преступления, не формирующие множественность лиц с исполнителями каких-либо предикатных деяний и не являющиеся формами прикосновенности в традиционном ее понимании.

Отдельно рассмотрим преступления, предусматривающие ответственность за организацию деятельности террористической и экстремистской организаций и участие в их деятельности (ст. 205^5, 282^2 УК РФ).

Во-первых, отметим замечание А.Н. Мондохонова, что законодательное смешение терминов «организация» и «сообщество» затрудняет понимание, является ли экстремистская организация видом преступного объединения и какая

---

[399] См.: *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция. СПб., 2000.

форма соучастия заложена в ее основу»[400]. Мы полагаем, что террористическая организация, террористическое сообщество, экстремистская организация и экстремистское сообщество могут являться как организованной преступной группой, так и преступным сообществом (преступной организацией), в зависимости от присущих им в каждом конкретном случае признаков.

Во-вторых, в случаях, когда речь идет о формальном признании организации террористической или экстремистской на основании решения суда, не всегда можно говорить о множественности лиц в одном и том же преступлении в смысле классического соучастия (ст. 32 УК РФ) для всех ее членов, особенно если их деятельность до момента такого признания не охватывалась единым умыслом на совершение конкретных преступлений, а была направлена, например, на осуществление деятельности, которая лишь впоследствии была признана экстремистской или террористической.

Ключевое различие от участия в преступных объединениях заключается в том, что законодатель в данных нормах криминализировал не создание нового преступного формирования (организацию группы), а возобновление или продолжение функционирования уже запрещенной структуры (организацию деятельности). Такая организация и участие в деятельности могут быть осуществлены одним лицом.

А.Г. Хлебушкин в этой связи справедливо отмечает, что с субъективной стороны виновное лицо должно совершать свои действия от имени экстремистской организации и (или) они должны быть направлены на осуществление целей этой организации[401]. При этом для квалификации действий по ст. 205^5 и ст. 282^2 УК РФ (за исключением ч. 1^1) достаточно совершения объективной стороны одним лицом.

Проиллюстрировать это можно на следующем примере. После ликвидации экстремистской организации и осуждения всех ее участников третье лицо,

---

[400] *Мондохонов А.Н.* Преступные объединения в уголовном праве России: закон, теория, практика: монография. С. 225.

[401] См.: *Хлебушкин А.Г.* Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. С. 283.

разделяющее ее идеологию, может в одиночку начать призывать других к продолжению деятельности запрещенной структуры, размещать на своей странице в сети Интернет реквизиты для сбора средств на эти цели, распространять агитационные материалы. Так, Ивановским районным судом установлено, что осужденный ранее К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282^2 УК РФ, за то, что в период отбытия наказания по приговору Московского городского суда в исправительном учреждении на территории Ивановской области организовал деятельность общественного объединения (Арестантское уголовное единство), признанного решением Верховного Суда РФ экстремистским, в целях распространения криминальной и экстремистской идеологии указанного движения, а именно принимал решения о передаче и распределении полномочий и функций между осужденными согласно преступной иерархии, осуществлял пропаганду тюремных правил, а также вовлекал в запрещенную организацию новых участников[402].

По приговору В. признан виновным и осужден за организацию деятельности религиозной организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу судебное решение о ликвидации в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Его действия были направлены на продолжение противоправной деятельности ликвидированной организации, в частности, В. принял меры конспирации для сокрытия деятельности указанной организации, организовал проведение собраний, религиозных выступлений, богослужений, сбор финансовых средств в виде пожертвований, осуществлял проповедническую деятельность, принимал решение о принятии в состав собрания новых членов,

---

[402] См.: приговор Ивановского районного суда Ивановской области от 28 февраля 2025 г. по делу № 1-9/2025 // Официальный сайт Ивановского районного суда Ивановской области. URL: https://ivanovsky--iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=155145708&case_uid=7d05f300-5cf8-4526-8704-cc282670547a&delo_id=1540006; Приговоры по делам о деятельности АУЕ как экстремистской организации // Сова. Исследовательский центр. URL: https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2025/01/d50938/ (дата обращения: 03.12.2025).

решал вопросы об урегулировании конфликтных ситуаций и осуществлял иные действия[403].

Несмотря на то, что другие участники по делу отсутствуют (они уже осуждены), единоличных действий достаточно для квалификации содеянного как оконченного преступления по ст. 282^2 УК РФ, наличие действующей группы для этого не требуется (за исключением ч. 1^1, устанавливающей ответственность за ролевое сопричинение).

Примером привлечения к уголовной ответственности за единоличное участие в деятельности террористической организации служит дело Ч., добровольно вступившего в батальон «Айдар» в должности стрелка-санитара, выполняющего широкий спектр задач: от несения службы в суточных нарядах и охраны пункта дислокации до непосредственного участия в боевых действиях с применением огнестрельного оружия. Действия Ч. были квалифицированы судом по ч. 2 ст. 205^5 УК РФ[404]. Таким образом, каждый из последователей террористической организации совершает свое деяние, образующее самостоятельный эпизод участия в ее деятельности. У участников есть общий идеологический базис и, возможно, общее понимание целей организации, но это не всегда трансформируется в соучастие в конкретном преступлении по смыслу ст. 32 УК РФ.

Кроме того, действия каждого из них – это не укрывательство или недонесение о преступлении, совершенном другим конкретным лицом из этой группы. Их действия сами по себе являются формой участия в деятельности террористической организации, т.е. они сами являются субъектами основного

---

[403] См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2022 г. по делу №77-2285/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[404] См.: приговор Южного окружного военного суда от 22 июля 2025 г. по делу № 1-371/2025 // Официальный сайт Южного окружного военного суда. URL: https://yovs--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=17604852&case_uid=b81ca056-7e03-4eff-8fa0-f9f99268d582&delo_id=1540006; https://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=51 (дата обращения: 03.12.2025).

состава преступления, предусмотренного ст. 205^5 УК РФ. Они не «прикасаются» к чужому преступлению, а выполняют объективную сторону своего собственного.

Таким образом, составы преступлений, предусмотренных ст. 205^5, 282^2 (за исключением ч. 1^1) УК РФ, не могут быть однозначно отнесены к видам множественности лиц в преступлении. Несмотря на то, что они направлены на противодействие групповым формам преступности, они могут и не являться видом множественности лиц в преступлении, поскольку их обязательным конструктивным признаком множественность участников не является. Для констатации соучастия в конкретном преступлении внутри такой организации необходимо доказывать наличие всех его признаков, включая единый умысел всех участников на совершение именно этого преступления.

Множественность лиц не образуется и при занятии высшего положения в преступной иерархии (ст. 210^1 УК РФ). Объективная сторона данного состава преступления заключается не в совершении конкретных действий совместно с другими лицами, а в самом факте обладания статусом «вора в законе» или иного криминального лидера.

В абз. 2 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» преступление в форме участия лица в преступном сообществе (преступной организации) считается оконченным с момента совершения хотя бы одного из указанных преступлений или иных конкретных действий по обеспечению деятельности преступного сообщества (преступной организации)[405]. Для его квалификации не требуется, чтобы лидер совершил какое-либо иное преступление, кроме занятия высшего положения в преступной иерархии. Он может не создавать преступную организацию, не руководить ею и не участвовать в конкретных

---

[405] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Российская газета. 2010. № 130.

преступных актах. Его роль – это роль символа, высшего авторитета, чье слово является законом для преступного мира.

Так, П. был признан виновным в занятии высшего положения в преступной иерархии. Находясь в следственном изоляторе, он был дистанционно «назначен» так называемым положенцем со стороны лиц, имеющих статус «воров в законе». Получив этот статус, П. начал выполнять соответствующие ему организационно-распорядительные функции: объявил другим заключенным о своем положении, назначил из их числа «смотрящих» за различными сферами деятельности, выступал в качестве третейского судьи, контролировал «общак» и координировал доставку запрещенных предметов. Он также единолично принимал решения о понижении статуса других осужденных и поддерживал криминальную идеологию[406].

Все перечисленные в приговоре действия (назначение «смотрящих», контроль «общака», разрешение конфликтов) являются лишь доказательствами, подтверждающими наличие у П. этого статуса и выполнение им соответствующих функций. Для квалификации его действий как оконченного преступления не потребовалось установления факта его участия в каком-либо ином деянии, что окончательно выводит данный состав за рамки института множественности лиц в преступлении.

В случае если лицо, занимающее высшее положение, совершит иное преступление (например, организует убийство или будет руководить преступным сообществом), его действия будут квалифицироваться по совокупности преступлений: по ст. 210^1 УК РФ и, соответственно, по статьям об ответственности за убийство в соучастии. Это прямо доказывает, что занятие высшего положения является самостоятельным преступлением, а не формой соучастия в других.

Еще одно явление, которое следует отграничивать от множественности лиц – процессуальное соучастие. Данный термин обозначает специфическую ситуацию в

---

[406] См.: приговор Судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 21 марта 2025 г. по делу № 2-4/2025 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BD7CyqDGqUNX/ (дата обращения: 07.11.2025).

рамках уголовного судопроизводства, когда уголовные дела в отношении двух или более лиц объединяются в одно производство и рассматриваются совместно в одном судебном процессе. Такое объединение, регламентированное нормами уголовно-процессуального законодательства, преследует, прежде всего, цели процессуальной экономии, обеспечения всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, а также предотвращения вынесения противоречивых судебных решений по взаимосвязанным фактам. Исходя из этого, само по себе процессуальное объединение дел и совместное присутствие нескольких лиц на скамье подсудимых не свидетельствует о том, что они являются соучастниками преступления или что их действия образуют иную форму юридически значимой множественности лиц в преступлении.

Сущность процессуального соучастия заключается в оптимизации самого процесса отправления правосудия. В случае процессуального соучастия субъективная связь между лицами, чьи дела рассматриваются совместно, может отсутствовать вовсе или носить иной характер, нежели тот, что необходим для признания их соучастниками в одном преступлении.

Уголовные дела могут быть объединены, например, в отношении лиц, совершивших разные, хотя и связанные между собой преступления, например, по краже (ст. 158 УК РФ) и дальнейшему приобретению или сбыту похищенного имущества (ст. 175 УК РФ). Между ними может существовать определенная фактическая или логическая связь по обстоятельствам дела, но не обязательно та субъективная связь, которая характеризует единый умысел на совершение одного и того же преступления. Более того, дела могут быть объединены и в отношении лиц, чьи интересы в процессе прямо противоположны (например, при рассмотрении дела о встречном обвинении), где не может идти речь о соучастии или иных видах множественности лиц.

Резюмируем изложенное.

1. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ), и приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175

УК РФ), не являются видами множественности лиц в преступлении, представляя собой самостоятельные преступления, посягающие на иной объект уголовного права в отличие от первично совершаемого посягательства.

2. Независимая преступная деятельность (последовательное совершение самостоятельных преступлений или параллельное исполнительство) сама по себе не образует множественности лиц, поскольку подразумевает совершение нескольких самостоятельных преступлений.

3. Юридическая конструкция составов преступлений, предусмотренных ст. 205^2, 205^5, 210^1, 282^2 (за исключением ч. 1^1), 354^1 УК РФ, не требует обязательного участия двух или более лиц, в связи с чем они сами по себе не образуют множественности лиц в преступлении.

4. Процессуальное соучастие имеет уголовно-процессуальную природу, обусловленную соединением уголовных дел для удобства расследования, и лишено признаков множественности лиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволяет сделать следующие выводы.

На дореволюционном этапе А.С. Жиряевым был предложен термин «стечение нескольких лиц в одном преступлении», объединивший по смыслу участвовавших в совершении преступления и прикосновенных к нему. Институт соучастия еще не выделен в самостоятельную группу, участники разделялись на главных виновников и пособников, фигура организатора среди них еще не названа. Допускалось совместное совершение неосторожных преступлений, были заложены основы для современных правил квалификации и назначения наказания соучастников. Относя к прикосновенности укрывательство отмечалось, что последним не являлись действия, не имеющие целью сокрытие следов преступления, или лиц, его совершивших.

Советский период характеризовался более системным и методологически обеспеченным подходом. К 1917 г. доктрина подготовила прочную теоретическую базу для современного понимания множественности лиц в преступлении, закрепленного в действующем уголовном законодательстве. В советский период среди ученых преобладало понимание, что соучастие допускает только умышленную форму вины, что было воспринято законодательством; продолжалась теоретическая разработка проблемы стечения участников в неосторожных преступлениях; происходило выделение форм соучастия, основанных на наличии или отсутствии предварительного сговора; уточнялось место прикосновенности к преступлению в системе уголовно-правовых явлений.

К моменту принятия действующего Уголовного кодекса множественность лиц в преступлении в российской уголовно-правовой науке представляла собой развивающуюся, но еще не до конца сформированную систему взглядов. Несмотря на наличие теоретических разработок и предложенных классификаций, сохранялся ряд дискуссионных вопросов, касающихся определения понятия соучастия, его субъективных границ и критериев разграничения ролей участников и др.

Впервые понятие множественности участников одного преступления было предложено в 1987 г. Р.Р. Галиакбаровым, который понимал под этой формой предусмотренное уголовным законом стечение нескольких физических лиц (субъектов, уголовно неответственных лиц) в рамках одного преступления. Множественность лиц рассматривалась только в правовом аспекте и включала в себя соучастие, неосторожное сопричинение и групповое совершение посягательства.

До сих пор термин множественности лиц в преступлении не использовался, уголовно-правовой природой в том или ином виде обладал лишь институт соучастия.

Множественность лиц в преступлении необходимо понимать в двух неразрывно связанных аспектах – фактическом и уголовно-правовом. С фактической стороны множественность лиц рассматривается как стечение нескольких лиц в умышленном или неосторожном преступлении, т.е. совершение деяния двумя и более лицами, как отвечающих признакам субъекта преступления, так и не отвечающих им, как при наличии, так и при отсутствии субъективной связи. В уголовно-правовом смысле – только те виды, которые нашли отражение в действующем уголовном законе.

Уголовно-правовая природа умышленного совместного участия двух или более лиц, обладающих признаками субъекта, в совершении умышленного преступления в настоящее время находит отражение в главе 7 УК РФ (соучастие в преступлении, посредственное причинение вреда) и в специальных нормах о множественности лиц в Особенной части УК РФ (в ст. 205^4, 208, 209, 210, 282^1 об организации и участии в преступных объединениях; в ст. 205^1, ч. 1^1 ст. 212, ч. 1^1 ст. 282^1, ч. 1^1 ст. 282^2 о ролевом сопричинении и в ст. 290, 291, 291^1, предусматривающих ответственность за двусторонние и трехсторонние преступления).

Не обладают уголовно-правовой природой, т.е. на сегодняшний день не получили специального регулирования в нормах УК РФ, следующие виды множественности лиц в преступлении:

– одностороннее участие в преступлении другого лица (тайное участие);

– совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления (соисполнительство с негодным субъектом преступления);

– неосторожное сопричинение вреда;

– сопричинение вреда в преступлениях с двумя формами вины;

– сопричинение вреда, когда один из сопричинителей совершает неосторожное преступление, а второй – умышленное преступление;

– «соучастие» в неосторожном преступлении.

Изложенное обусловливает необходимость в комплексной законодательной регламентации всех видов фактического участия двух или более лиц в совершении преступления. Фрагментарное регулирование лишь отдельных ее видов не способно решить проблему правильной уголовно-правовой оценки действий виновных и назначения справедливого наказания с учетом общественной опасности деяния.

В связи с этим предлагается реформировать главу 7 УК РФ, переименовав ее в «Множественность лиц в преступлении», дополнив ее видами множественности лиц, не образующими соучастие, и специальными правилами квалификации и назначения наказания для таких случаев:

1) лицам, совершившим преступление совместно с лицами или посредством других лиц, не подлежащих уголовной ответственности, не инкриминировать квалифицирующий признак «группой лиц» или «группой лиц по предварительному сговору», при назначении наказания учитывать отягчающее обстоятельство наказание, предусмотренное п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ в редакции, предложенной в настоящей диссертации;

2) действия лица, осуществившего одностороннее участие в совершении преступления другим лицом (тайное участие), квалифицировать со ссылкой на ч. 2 или ч. 3 ст. 33^1 УК РФ в зависимости от выполняемой им роли;

3) действия неосторожных сопричинителей квалифицировать по соответствующей статье (статьям) Особенной части УК РФ с учетом характера и

степени фактического участия каждого из них в совершении преступления, а в случае, если имело место взаимообусловленное и взаимосвязанное поведение, повлекшее наступление преступного результата, назначать более строгое наказание, чем лицу, действовавшему единолично.

По результатам исследования сформулированы и обоснованы предложения о внесении изменений и дополнений УК РФ, в частности, предлагается:

дополнить:

– главу 7 Уголовного кодекса РФ статьями 32^1 «Виды множественности лиц в преступлении, не образующие соучастия»; 33^1 «Виды участников множественности лиц в преступлении, не являющихся соучастниками» и 34^1 «Ответственность участников множественности лиц в преступлении, не образующих соучастия», содержание которых представлено в Приложении 1 к настоящей диссертации;

– статью 33 УК РФ частью 6 следующего содержания: «Посредником признается лицо, умышленно содействовавшее достижению преступного соглашения между другими участниками либо передавшее предмет преступления во исполнение такого соглашения».

– статью 34 УК РФ частью 3^1 следующего содержания: «Уголовная ответственность посредника наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей наказание за преступление, которое было совершено по достигнутому соглашению между другими лицами, в реализации которого он оказал содействие, со ссылкой на часть шестую статьи 33 настоящего Кодекса, если его действия не охватываются специальными составами преступлений, предусмотренными в нормах Особенной части УК РФ»;

– статью 35 УК РФ частью 6 следующего содержания: «Преступление считается совершенным двумя или более лицами, если в нем фактически участвовало несколько лиц, хотя бы одно из которых подлежит уголовной ответственности, при этом их действия не образуют группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы»;

– часть 7 статьи 35 УК РФ и наименование статьи 35 УК РФ указанием на совершение преступления двумя или более лицами;

– часть 1 статьи 63 УК РФ пунктом «в[1]» следующего содержания: «совместное неисполнение обязанностей по обеспечению безопасности, повлекшее по неосторожности наступление тяжких последствий»;

– дополнить пункт «д» части 1 статьи 63 УК РФ следующим обстоятельством: «…а также совершение преступления лицом, обладающим признаками субъекта преступления, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств»;

изменить:

– статью 32 УК РФ следующим образом: «соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления»;

– пункт «д» части 1 статьи 63 УК РФ следующим образом: «привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения, а также лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность, совершение преступления лицом, обладающим признаками субъекта преступления, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств»;

– пункт «в» части 1 статьи 63 УК РФ следующим образом: «совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, в том числе совместно с лицом (лицами), не подлежащим(-щими) уголовной ответственности»;

– часть 3 стать 205^1 УК РФ и часть 3 статьи 281^1 УК РФ следующим образом: «Содействие в совершении хотя бы одного из преступлений...»;

– примечание 1^1 к статье 205^1 УК РФ и примечание 2 к статье 281^1 УК РФ следующим образом: «Под содействием в настоящей статье понимается умышленное способствование...»;

– ч. 3 ст. 263^1 УК РФ следующим образом: «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные двумя или более

лицами либо повлекшие по неосторожности смерть человека»; ч. 4 ст. 263^1 УК РФ следующим образом: «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть двух и более лиц»;

исключить:

– из части 2 статьи 33 УК РФ словосочетание: «а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом»;

– ч. 4, ч. 5 ст. 35 УК РФ, а также упоминание о преступном сообществе (преступной организации) из названия статьи 35 УК РФ и в ч. 2 ст. 33, ч. 7 ст. 35 УК РФ.

Множественность лиц в преступлении не образуется при прикосновенности к преступлению, в том числе легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, а также приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем, поскольку они представляют собой самостоятельные преступления, посягающие на иной объект уголовного права в отличие от первично совершаемого посягательства. Поскольку юридическая конструкция составов преступлений, предусмотренных ст. 205^2, 205^5, 210^1, 282^2 (за исключением ч. 1^1), 354^1 УК РФ, не требует обязательного участия двух или более лиц, они сами по себе не образуют множественности лиц в преступлении. Множественность лиц в преступлении следует отграничивать от независимой преступной деятельности и процессуального соучастия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Нормативные правовые акты

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. – 2016. – № 28. – Ст. 4559.

3. Постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. – 1919. – № 66. – Ст. 590. Утратило силу.

4. Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1922. – № 80. – Ст. 153. Утратило силу.

5. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600. Утратил силу.

6. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. Утратил силу.

7. Уголовный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г.) (в ред. от 30 июля 1996 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591. Утратил силу.

II. Монографии, учебная и справочная литература

8. Аблаева, Т. Д. Понятие и сущность финансирования терроризма / Т. Д. Аблаева // Наука 2.0: от идеи к результату: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Сочи, 16 октября 2017 года). – Сочи: Центр научного развития «Большая книга», 2017. – 244 с.

9. Андрианов В. К. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания: монография / В. К. Андрианов, И. И. Голубов, В. В. Кустова [и др.]; под. ред. Ю. Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2019. – 507 с.

10. Арямов, А. А. Возникновение и развитие уголовного права России: монография / А. А. Арямов, Б. А. Мкртычян. – Новосибирск, 2017. – 256 с.

11. Бабий, Н. А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии: монография / Н. А. Бабий. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 720 с.

12. Безбородов, Д. А. Неосторожные многосубъектные преступления: понятие и квалификация: учеб. пособие / Д. А. Безбородов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. – 60 с.

13. Безбородов, Д. А. Соучастие в преступлении: понятие, признаки и юридическая природа: учеб. пособие / Д. А. Безбородов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. – 88 с.

14. Белогриц-Котляревский, Л. С. Учебник русского уголовного права / Л. С. Белогриц-Котляревский. – М.: Южно-русское книгоиздательство Ф.А. Югансона, 1903. – 628 с.

15. Благов, Е. В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность: монография / Е. В. Благов. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 320 с.

16. Борзенков, Г. Н. Новое уголовное право России. Общая часть: учебное пособие / Г. Н. Борзенков, С. В. Бородин, Н. Ф. Кузнецова, А. В. Наумов и др.; под ред. Н. Ф. Кузнецова. – М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. – 168 с.

17. Бурчак, Ф. Г. Соучастие: социологические, криминологические и правовые проблемы / Ф. Г. Бурчак. – Киев: Вища школа, 1986. – 208 с.

18. Бурчак, Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф. Г. Бурчак. – Киев: Наук. думка, 1969. – 216 с.

19. Владимиров, Л. Е. Учебник русского уголовного права: Общая часть / Л. Е. Владимиров, проф. Имп. Харьк. ун-та. – Харьков: изд. тип. Каплана и Бирюкова, 1889. – [2], IV, [2]. – 253 с.

20. Владимирский-Буданов, М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3 / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Киев: тип. Ун-та св. Владимира (И. Завадского), 1885. – 248 с.

21. Галиакбаров, Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации / Р. Р. Галиакбаров. – Краснодар: КГАУ, 2000. – 198 с.

22. Галиакбаров, Р. Р. Групповое преступление. Постоянные и переменные признаки / Р. Р. Галиакбаров. – Свердловск: Изд-во СЮИ, 1973. – 140 с.

23. Галиакбаров, Р. Р. Квалификация групповых преступлений / Р. Р. Галиакбаров. – М.: Юрид. лит., 1980. – 80 с.

24. Галиакбаров, Р. Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия / Р. Р. Галиакбаров; МВД СССР. Хабаровская высшая школа милиции. – Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1987. – 96 с.

25. Георгиевский, Э. В. Институт совместного совершения преступления в доктрине русского дореволюционного уголовного права: монография / Э. В. Георгиевский. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2024. – 143 с.

26. Герцензон, А. А. Уголовное право. Часть Общая: учебное пособие / Герцензон А. А. – М.: РИО ВЮА, 1948. – 496 с.

27. Горегляд, О. И. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще / О. И. Горегляд. – СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1815. – 167 с.

28. Грачева, Ю. В. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Ю. В. Грачева, С. В. Маликов, А. И. Чучаев; под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2015. – 240 с.

29. Гришаев, П. И. Соучастие по советскому уголовному праву / П. И. Гришаев, Г. А. Кригер. – М.: Госюриздат, 1959. – 255 с.

30. Гуляев, П. Н. Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений / П. Н. Гуляев. – М.: тип. П. Кузнецова, 1826. – 209 с.

31. Дагель, П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы / П. С. Дагель. – М.: Юридическая литература, 1977. – 112 с.

32. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – Т. 3. – СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1882. – 576 с.

33. Есипов, В. В. Очерк русского уголовного права: часть общая: преступление и преступники: наказание и наказуемые / [соч.] В. В. Есипова, экстраординарного проф. Имп. Варшавского ун-та. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1894. – [2], VI. – 419 с.

34. Жиряев, А. С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении / А. С. Жиряев. – 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 152 с.

35. Квашис, В. Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы / В. Е. Квашис. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. – 192 с.

36. Кистяковский, А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть. / орд. проф. Ун-та св. Владимира А. Ф. Кистяковский. – Киев: В Унив. тип., 1875. – [2], II, XX. – 413 с.

37. Клепицкий, И. А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / И. А. Клепицкий. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. – 674 с.

38. Клименко, Ю. А. Множественность лиц в преступлении: учеб. пособие для бакалавриатов / Ю. А. Клименко, Д. М. Молчанов; отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2021. – 144 с.

39. Ковалев, М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 1: Понятие соучастия / М. И. Ковалев. – Свердловск: СЮИ, 1960. – 288 с.

40. Ковалев, М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 2. Виды соучастников и формы соучастия в преступной деятельности / М. И. Ковалев. – Свердловск: СЮИ, 1961. – 275 с.

41. Козлов, А. П. Соучастие: традиции и реальность / А. П. Козлов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 362 с.

42. Колоколов, Г. Е. О соучастии в преступлении / Г. Е. Колоколов. – М.: Унив. тип. (М. Катков), 1881. – 211 с.

43. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2019. – 944 с.

44. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998. – 878 с.

45. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

46. Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 1 / отв. ред.: Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 648 с.

47. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т 1 (Часть Общая) / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1968. – 648 с.

48. Курсаев, А. В. Неосторожное сопричинение в российском уголовном праве: монография / А. В. Курсаев. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 280 с.

49. Мокринский, С. П. Наказание, его цели и предположения / [Соч.] С.П. Мокринского, и. д. э.-орд. проф. Томск. ун-та. Ч. 1-3. Каузальный и потенциальный моменты действия / 3 т. – М.: Унив. тип., 1902–1905. – Томск: паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1905. – 552 с.

50. Мондохонов, А. Н. Преступные объединения в уголовном праве России: закон, теория, практика: монография / А. Н. Мондохонов. – М.: Проспект, 2023. – 288 с.

51. Наумов, А. В. Уголовное право: курс лекций. Общая часть / А. В. Наумов. – М.: БЕК, 1996. – 560 с.

52. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: А ТЕМП, 2010. – 2314 с.

53. Памятники российского права: В 35 т. Т. IV: Памятники права в период единодержавия Петра I. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 611 с.

54. Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к столетию со дня принятия): монография / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. колл. А. И. Чучаев. – М.: Проспект, 2025. – 240 с.

55. Печников, Н. П. Соучастие в преступлении: теория и проблемы практики: конспект лекций / Н. П. Печников. – Тамбов: Тамб. гос. техн. ун-т, 2008. – 56 с.

56. Пинчук, В. И. Соучастие в преступлении: учебное пособие / В. И. Пинчук; Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – СПб.: СПб ЮИ ГП РФ, 2002. – 43 с.

57. Пионтковский, А. А. Уголовное право РСФСР. Общая часть / А. А. Пионтковский. – М.: Гос. изд-во, 1924. – 235 с.

58. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / А. А. Пионтковский – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.

59. Познышев, С. В. Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть / С. В. Познышев. – М.: Изд. Народного комисс. юстиции, 1923. – 296 с.

60. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. 18: 1830–1851. – СПб.: тип. 2 отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – 1033 с.

61. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. 21: 1830–1851. – СПб.: тип. 2 отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – 1085 с.

62. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 3: 1830–1851. – СПб.: тип. 2 отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – 691 с.

63. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 4: 1830–1851. – СПб.: тип. 2 отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – 881 с.

64. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 5: 1830–1851. – СПб.: тип. 2 отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – 781 с.

65. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 224 с.

66. Пусторослев, П. П. Русское уголовное право: Общая часть / [Соч.] П. П. Пусторослева, д-ра уголов. права, орд. проф. Юрьев. ун-та. – 2-е изд. – Вып. 1. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1912. – 535 с.

67. Российское законодательство X–XX веков: Акты Земских соборов: в 9 т. Т. 3 / отв. ред.: А. Г. Маньков; под общ. ред. О. И. Чистяков. – М.: Юрид. лит. – 512 с.

68. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. чл-кор. АЕН РФ, д. ю. н., проф. О. И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984–1994. – 430 с.

69. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство первой половины XIX века: в 9 т. Т. 6 / отв. ред. О. И. Чистяков. – М.: Юрид. лит., 1988. – 432 с.

70. Российское уголовное право: Общая часть: учебник: в 2 ч. / под ред. А. Г. Блинова, Н. А. Лопашенко. – Часть I. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 680 с.

71. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1987. – Т. 3. – 752 с.

72. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Руский язык; Полиграфресурсы, 1988. – Т. 4. – 797 с.

73. Смирнов, В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву / В. Г. Смирнов. – Л., 1957. – 129 с.

74. Солнцев, Г. И. Российское уголовное право / Г. И. Солнцев; под ред. Г. С. Фельдштейна; вступ. ст.: Солнцев Г.И. – Ярославль, 1907. – 218 с.

75. Спасович, В.Д. Учебник уголовного права [Рукопись]: список с печатного издания: Спасович. В. Учебник уголовного права. Т. I, вып.1 и 2. –СПб, 1863 г. / Спасович, Владимир Данилович. [Б. м.], последняя четверть XIX в. – 183 с.

76. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: в 2 ч. / Н.С. Таганцев. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – Ч. 1. – 414 с.

77. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции Н.С. Таганцева. Часть Общая. – Т. 1. – М., 1902. – 815 с.

78. Таможенный устав по европейской торговле от 14 декабря 1819 года. – СПб., 1819. – 288 с.

79. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении: избранные труды. М.: Проспект, 2023. – 144 с.

80. Тельнов, П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П. Ф. Тельнов. – М.: Юрид. лит., 1974. – 208 с.

81. Тихомиров, М.Н. Соборное уложение 1649 года / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 444 с.

82. Трайнин, А. Н. Избранные труды / А. Н. Трайнин. – М.: «Юридический центр», 2004. – 547 с.

83. Трайнин, А. Н. Учение о соучастии / А. Н. Трайнин. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. – 160 с.

84. Уголовно-правовые средства борьбы с преступностью. Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: изд. Омской высшей школы милиции МВД СССР, 1983. – 106 с.

85. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. – 1064 с.

86. Уголовное право. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М., 2008. – 560 с.

87. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. IX. Соучастие в преступлении / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 528 с.

88. Уголовное уложение 1903 г.: история создания, концептуальные основы, общая характеристика / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. колл. А. И. Чучаев. – М.: ИГП РАН, 2024. – 480 с.

89. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. / Издание Н. С. Таганцева. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1904. – 1122 с.

90. Церетели, Т.В. Причинная связь в уголовном праве / Т. В. Церетели. – М.: Госюриздат, 1963. – 382 с.

91. Чельцов-Бебутов, М. А. Преступление и наказание в истории и в советском праве / М. А. Чельцов-Бебутов. – Харьков: Юридическое изд-во, 1925. – 111 с.

92. Чистякова, Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века / Е. В. Чистякова. – Воронеж, 1975. – 248 с.

93. Шаргородский, М. Д. Вопросы Общей части уголовного права: (законодательство и судеб. практика): монография / М. Д. Шаргородский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – 256 с.

94. Шеслер, А. В. Соучастие в преступлении: монография / А. В. Шеслер. – Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. – 84 с.

95. Шнейдер, М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву / М. А. Шнейдер. – М.: Госюриздат, 1958. – 98 с.

96. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. / отв. ред В. Б. Малинин. –Т. 6. Соучастие в преступлении. – СПб.: Издание профессора Малинина, СПб ГКА, 2007. – 564 с.

III. Статьи в журналах и непериодических изданиях

97. Балеев, С. А. Правовое регулирование ответственности за организацию преступного объединения и участие в нем / С. А. Балеев // Ученые записки

Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2016. – № 158 (2). – С. 590–595.

98. Басханов, А. М. Отнесение публичного оправдания терроризма к институту прикосновенности к преступлению: критический анализ / А. М. Басханов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29. – № 2(89). – С. 109–111.

99. Галиакбаров, Р. Р. Неосторожное сопричинение как вид множественности участников преступления / Р. Р. Галиакбаров // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью: межвуз. темат. сб. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1981. – С. 28–34.

100. Гарбатович, Д. А. Соучастие в преступлении с «негодным» субъектом: проблемы буквального толкования уголовного закона / Д. А. Гарбатович // Администратор суда. – 2022. – № 4. – С. 32–34.

101. Горьканова, Т. В. Несообщение о преступлении как новая форма прикосновенности к преступлению / Т. В. Горьканова // Студенческий. – 2022. – № 4-7 (174). – С. 7–9.

102. Грачева, Ю. В. Преступление в Советском уголовном уложении и доктрине уголовного права / Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев // Lex Russica. – 2014. – №12. – С. 1454–1470.

103. Дагель, П. С. Неосторожное преступление (общая характеристика неосторожного преступления в сфере использования техники) / П. С. Дагель // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью: Межвузовский тематический сборник. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1981. – С. 3–13.

104. Дагель, П. С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности / П. С. Дагель // Вопросы борьбы с преступностью. – 1981. – № 34. – С. 28–38.

105. Звечаровский, И. Э. Совершение преступления в соучастии: проблема квалификации / И. Э. Звечаровский // Законность. – 1999. – № 11. – С. 28–32.

106. Иванова, Л. В. Формы совершения преступления несколькими лицами / Л. В. Иванова // Академический вестник ТГАМЭУП. – 2013. – № 1 (23). – С. 115–122.

107. Кензина, К. Ю. Влияние Соборного уложения 1649 года на развитие российского права / К. Ю. Кензина // Вестник науки. – 2025. – Т. 2. – № 6 (87). – С. 1308–1313.

108. Кустова, В. В. Финансирование преступной деятельности как проявление соучастия в преступлении / В. В. Кустова // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сборник материалов VII научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 19 июня 2015 года / под ред. А.Ю. Винокурова, К.А. Комогорцевой. – М., 2015. – С. 186–194.

109. Малахов, И. П. Некоторые вопросы соучастия по советскому уголовному праву / И. П. Малахов // Труды Военно-политической академии им. В.И. Ленина. – 1957. – № 17. – С. 135–169.

110. Мальцев, В. В. Проблемы соучастия в преступлении / В. В. Мальцев // Российская юстиция. – 2014. – № 11. – С. 32–35.

111. Минькова, А. М. Соучастие в преступлении и деяния, примыкающие к соучастию (преступления с множественностью участников и прикосновенность к преступлению) / А. М. Минькова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 2. – С. 79–80.

112. Молчанов, Д. М. Множественность лиц в преступлении как новый институт уголовного права России / Д. М. Молчанов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 10 (98). – С. 62–71.

113. Нерсесян, В. А. Уголовная ответственность сопричинителей вреда по неосторожности / В. А. Нерсесян // Российская юстиция. – 1999. – № 10. – С. 44–45.

114. Новоселов, Г. П. Понятие соучастия и признак совместности участия / Г. П. Новоселов // Российский юридический журнал. – 2012. – № 6. – С. 103–109.

115. Плотников, А. И. Соучастие в преступлении: спорные вопросы / А. И. Плотников // Lex Russica. – 2007. – № 3. – С. 508–526.

116. Плотников, А. И. Соучастие в системе преступлений, характеризующихся стечением преступников / А. И. Плотников // Lex Russica. – 2016. – № 5. – С. 117–132.

117. Попова, А. А. Соборное Уложение 1649 г. как первый кодекс России / А. А. Попова // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 февраля 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 7–9.

118. Пудовочкин, Ю. Е. Развитие системы источников российского уголовного права / Ю. Е. Пудовочкин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2024. – № 4 (116). – С. 53. – С. 49–57.

119. Рарог, А. И. Ответственность за неосторожное сопричинение / А. И. Рарог // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 года. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 62–70.

120. Савельев, Д. В. Легализовать ответственность за групповой способ совершения преступления / Д. В. Савельев // Российская юстиция. – 2001. – № 12. – С. 48–50.

121. Фойницкий, И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии / И. Я. Фойницкий // Юридический вестник. – 1891. – № 1. – С. 3–28.

122. Чучаев, А. И. Советское уголовное уложение (общая характеристика) / А. И. Чучаев // Lex Russica (Русский закон). – 2012. – Т. 71. – № 5. – С. 833–857.

123. Шаргородский, М. Д. Научный интерес и уголовное право / М. Д. Шаргородский // Советское государство и право. – 1969. – № 12. – С. 87–95.

124. Шаргородский, М. Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии / М. Д. Шаргородский // Правоведение. – 1960. – № 1. – С. 84–97.

125. Шеслер, А. В. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия / А. В. Шеслер, С. С. Шеслер // Вестник Сургутского государственного университета. – 2018. – № 3 (21). – С. 59–65.

126. Эстрин, А. Я. Соучастие по Уголовному Кодексу РСФСР / А. Я. Эстрин // Советское право. –1922. – № 3. – С. 64.

127. Юдин, Д. В. Институт «множественности участников преступления» в отечественном уголовном праве / Д. В. Юдин // ГлаголЪ правосудия. – 2020. – № 3(25). – С. 43–48.

128. Яни, П. С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике / П. С. Яни // Законность. – 2013. – № 7. – С. 44–49.

VI. Диссертации и авторефераты диссертаций

129. Безбородов Д. А. Методологические основы учения об уголовной ответственности за совместное преступное деяние: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Безбородов Дмитрий Анатольевич. – СПб., 2008. – 436 с.

130. Горенко, М. Г. Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности (теоретико-правовое и прикладное исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 – Уголовно-правовые науки / Горенко Максим Геннадьевич. – Краснодар, 2023. – 26 с.

131. Дворжицкая, М. А. Ответственность за прикосновенность к преступлению в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Дворжицкая Марина Андреевна. – СПб., 2020. – 199 с.

132. Епифанова, Е. В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Епифанова Елена Владимировна. – Краснодар, 2002. – 24 с.

133. Зайнутдинова, А. Р. Ответственность за организованные формы соучастия в преступлении по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Зайнутдинова Альфия Рафаэлевна. – Казань, 2001. – 23 с.

134. Зарубин, А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Зарубин Андрей Викторович. – Красноярск, 2004. – 24 с.

135. Калмыкова, А. Г. Соучастие в преступлении (социальная и юридическая сущность): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Калмыкова Аннета Борисовна.– М., 2010. – 28 с.

136. Калуцких, Р. Г. Уголовно-правовые вопросы квалификации преступлений, совершенных в соучастии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Калуцких Роман Григорьвевич. – М., 2000. – 18 с.

137. Карлов, В. П. Формы соучастия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Карлов Вадим Петрович. – Тольятти, 2004. С. 61. – 197 с.

138. Коновалова, И. Ю. Ответственность за организацию и участие в преступном объединении (необходимое соучастие) по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Коновалова Ирина Юрьевна. – Казань, 2008. – 217 с.

139. Курсаев, А. В. Дифференциация уголовной ответственности за неосторожное сопричинение вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Курсаев Александр Викторович. – Тамбов, 2011. – 26 с.

140. Малахов, О. В. Институт соучастия в уголовном праве России 1917–1926 гг.: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Малахов Олег Валерьевич. – М., 2006. – 194 с.

141. Мелешко, Д. А. Сопричинение вреда без признаков соучастия в доктрине уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и

криминология; уголовно-исполнительное право / Мелешко Денис Анатольевич. – М., 2016. – 233 с.

142. Мондохонов, А. Н. Формы соучастия в преступной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Мондохонов Андрей Николаевич. – М., 2005. – 180 с.

143. Мондохонов, А. Н. Формы соучастия в преступной деятельности: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Мондохонов Андрей Николаевич. – М., 2005. – 20 с.

144. Нерсесян, В. А. Ответственность за неосторожные преступные деяния в свете научно-технической революции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Нерсесян Ваган Агванович. – М., 1983. – 24 с.

145. Очередько, В. А. Уголовно-правовое значение прикосновенности к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Очередько Владимир Александрович. – Краснодар, 2020. – 234 с.

146. Палий, В. В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Палий Виктория Владимировна. – М., 2006. – 23 с.

147. Плужников, А. В. Соучастие в преступлении (проблема соучастия общего и специального субъекта): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Плужников Андрей Викторович. – М., 2008. – 22 с.

148. Плотников, А. И. Объективное и субъективное в преступлении: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Плотников Александр Иванович. – М., 2012. – 385 с.

149. Рыжов, Р. С. Уголовная ответственность соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Рыжов Роман Сергеевич. – Рязань, 2003. – 236 с.

150. Салимгареева, А. Р. Преступная деятельность двух или более лиц без признаков соучастия в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Салимгареева Альбина Рифовна. – Екатеринбург, 2011. – 28 с.

151. Субачев, А. К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Субачев Алексей Константинович. – Красноярск, 2019. – 215 с.

152. Украинчик, А. В. Исполнитель преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Украинчик Алевтина Владимировна. – М., 2021. – 240 с.

153. Харитонова, И. Р. Неосторожное сопричинение в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Харитонова Ирина Ромэновна. – Свердловск, 1985. – 15 с.

154. Хлебушкин, А. Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Хлебушкин Артем Геннадьевич. – Саратов, 2007. – 28 с.

155. Хлебушкин, А. Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Хлебушкин Артем Геннадьевич. – СПб, 2016. – 480 с.

156. Хмелевская, Т. А. Виды групповых преступлений и их квалификация по УК Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Хмелевская Татьяна Анатольевна. – М., 2000. – 169 с.

157. Янина, И. Ю. Причинение и специальное причинение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Янина Ирина Юрьевна. – Саранск, 2018. – 269 с.

V. Судебная практика

158. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2013 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // СЗ РФ. – 2014. – № 1. – Ст. 79.

159. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. № 2 (ред. от 26 апреля 1984 г.) «О судебной практике по делам об изнасиловании» // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1964. – № 3. Утратило силу.

160. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 марта 1966 г. № 31 (ред. от 25 октября 1996 г.) «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1966. – № 6. Утратило силу.

161. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1996 г. по делу Караулова Л. и Ширшова А.Н. // Бюллетень Верховного Суда СССР. –1966. – № 5. – С. 24–26.

162. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. № 16 (ред. от 5 декабря 1986 г.) «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» // Документ опубликован не был. Утратило силу.

163. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 (ред. от 21 декабря 1993 г.) «О судебной практике по делам об изнасиловании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1992. – № 7. Утратило силу.

164. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 (в ред. от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях

несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 4. Утратило силу.

165. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2.

166. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. – 2008. – № 265.

167. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Российская газета. – 2010. – №130.

168. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. – 2011. – № 142.

169. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28 ноября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. – 2011. – № 29.

170. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 3 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. – 2012. – № 35.

171. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. – 2013. – № 154.

172. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. – 2014. – № 284.

173. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 18 июня 2024 г. № 224-УД24-13-А6 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2377968 (дата обращения: 11.10.2025).

174. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. по делу № 59-УД23-8-А5 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2295376 (дата обращения: 11.10.2025).

175. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 декабря 2022 г. по делу № 58-УД22-19-А5 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2197948 (дата обращения: 11.10.2025).

176. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2021 г. по делу № 75-УДП21-8-КЗ // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2001278 (дата обращения: 23.10.2025).

177. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2021 г. по делу № 5-УДП21-8-КЗ // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2001278 (дата обращения: 19.10.2025).

178. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 февраля 2019 г. № 31-АПУ 19-1 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ogAp5DQoYLdv/ (дата обращения: 11.10.2025).

179. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 февраля 1998 г. «Действия лица, совершившего покушение на изнасилование группой лиц несовершеннолетней, повлекшие по неосторожности

ее смерть, суд квалифицировал по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ» (Извлечение) // СПС «Гарант».

180. Приговор Ивановского районного суда Ивановской области от 28 февраля 2025 г. по делу № 1-9/2025 // Официальный сайт Ивановского районного суда Ивановской области. – URL: https://ivanovsky--iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=155145708&case_uid=7d05f300-5cf8-4526-8704-cc282670547a&delo_id=1540006 (дата обращения: 03.12.2025).

181. Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 21 марта 2025 г. по делу № 2-4/2025 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/BD7CyqDGqUNX/ (дата обращения: 07.11.2025).

182. Апелляционное постановление Ямало-Ненецкого автономного округа № 22-237/2025 от 3 апреля 2025 г. по делу № 1-49/2025 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/L8pqaiC02j5J/ (дата обращения: 01.11.2025).

183. Приговор Городищенского районного суда Волгоградской области от 25 апреля 2024 г. по делу № 1-52/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/19wysAtXlmLP/ (дата обращения: 17.07.2025).

184. Приговор Щербинского районного суда города Москвы от 26 мая 2025 г. по делу № 1-504/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: https://mos-gorsud.ru/rs/shcherbinskij/services/cases/criminal/details/6760ec00-1b89-11f0-85ab-a9f6c31be5ae?caseNumber=1-&codex=216&documentStatus=2&documentType=ab1da71&formType=fullForm (дата обращения: 22.10.2025).

185. Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 30 мая 2025 г. по делу № 1-320/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/8d975610-5d8e-11f 0 -9f4b-11b59c2555db (дата обращения: 10.09.2025).

186. Приговор Щербинского районного суда города Москвы от 10 июня 2025 г. по делу № 1-279/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: https://mos-gorsud.ru/rs/shcherbinskij/services/cases/criminal/details/88f44250-da51-11ef-b6d0-ebaf88b9782e?codex=111+%D1%87.+4&documentStatus=2&documentType=ab1da71&formType=fullForm (дата обращения: 26.10.2025).

187. Приговор Южного окружного военного суда от 22 июля 2025 г. по делу № 1-371/2025 // Официальный сайт Южного окружного военного суда. – URL: https://yovs--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=17604852&case_uid=b81ca056-7e03-4eff-8fa0-f9f99268d582&delo_id=1540006 (дата обращения: 03.12.2025).

188. Приговор Алексинского межрайонного суда Тульской области от 24 января 2024 г. по делу № 1-24/2024 // Официальный сайт Алексинского межрайонного суда Тульской области. – URL: https://aleksinsky--tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=239292603&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 05.02.2025).

189. Приговор Новотроицкого городского суда Оренбургской области от 6 февраля 2024 г. по делу № 1-74/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/23RWyEwGsKNe/ (дата обращения: 07.02.2025).

190. Приговор Подольского городского суда от 3 июля 2024 г. по делу № 1-567/2024 // Официальный сайт Подольского городского суда. – URL: https://podolsky--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=797693700&case_uid=a50fea60-5207-4e0b-9e19-c20f31382654&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 07.02.2025).

191. Приговор Предгорного районного суда Ставропольского края от 12 июля 2024 г. по делу № 1-108/2024 // Официальный сайт Предгорного районного суда Ставропольского края. – URL: https://predgorny--

stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=428337766&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.07.2025).

192. Приговор Мещанского районного суда города Москвы от 17 октября 2024 г. по делу № 1-867/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/criminal/details/39228220-6f7e-11ef-9b99-5360225ca94f?codex=205.6+%D1%83%D0%BA&documentStatus=2&formType=fullForm (дата обращения: 01.11.2025).

193. Приговор Предгорного районного суда Ставропольского края от 18 октября 2024 г. по делу № 1-134/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/ccpID8QWMZJJ/ (дата обращения: 20.07.2025).

194. Приговор Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 23 декабря 2024 г. по делу № 1-4/2014 // Официальный сайт Саяногорского городского суда Республики Хакасия. – URL: https://saianogorsky--hak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5673420&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.06.2025).

195. Приговор Московского городского суда от 1 мартя 2023 г. по делу № 2-0031/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-criminal/details/cd562370-928a-11ed-b947-7f481216b8dc?codex=316&documentStatus=2&formType=fullForm (дата обращения: 05.02.2025).

196. Апелляционный приговор Кемеровского областного суда от 25 сентября 2023 г. по делу № 22-4090/2023 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/qBR1GurFoqYN/ (дата обращения: 05.02.2025).

197. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2022 г. по делу №77-2285/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

198. Приговор Хорошевского районного суда г.Москвы от 31 мая 2022 г. по делу № 1-92/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: https://mos-

gorsud.ru/rs/horoshevskij/services/cases/criminal/details/b166a7a0-f08a-11eb-b49a-57604b74ee36?caseNumber=1-92/22&documentStatus=2&participant=%D0%BA%D1%83%D0%B4%D1%80%D1%8F%D1%88%D0%BE%D0%B2&formType=fullForm (дата обращения: 22.10.2025).

199. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 августа 2021 г. по делу № 77-1583/2021 // Официальный сайт Третьего кассационного суда общей юрисдикции. – URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5946343&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 23.10.2025).

200. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 августа 2020 г. по делу № 77-765/2020 // Официальный сайт Третьего кассационного суда общей юрисдикции. – URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5919598&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 23.10.2025).

201. Приговор Шарыповского городского суда Красноярского края от 8 сентября 2020 г. по делу № 1-176/2020 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/WBsQISJ12mrj/ (дата обращения: 15.07.2025).

202. Приговор Петрозаводского районного суда Республики Карелия от 2 декабря 2019 г. по делу № 1-962/2019 // Официальный сайт Петрозаводского районного суда Республики Карелия. – URL: https://petrozavodsky--kar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=66237539&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 23.10.2025).

203. Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 26 февраля 2018 г. по делу № 1-21/2018 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/zYJq6B0KAZW3/ (дата обращения: 08.10.2025).

204. Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 23 мая 2017 г. № 1-117/17 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/nl4HbSIemkmz/ (дата обращения: 12.10.2025).

VI. Электронные ресурсы

205. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2019–2025 г. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 01.01.2026).

206. Официальный сайт судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: // https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 25.10.2025).

207. Приговоры по делам о деятельности АУЕ как экстремистской организации // Сова. Исследовательский центр. – URL: https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2025/01/d50938/ (дата обращения: 03.12.2025).

208. Состоялось оглашение приговора по уголовному делу террористической направленности // Официальный сайт Южного окружного военного суда. – URL: https://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=51 (дата обращения: 03.12.2025).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Проект

ГЛАВА 7 УК РФ
Множественность лиц в преступлении

Статья 32. Понятие соучастия в преступлении

Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления.

Статья 32[1]. Виды множественности лиц в преступлении, не образующие соучастия

1. Односторонним участием в преступлении другого лица признается умышленное содействие или склонение к совершению умышленного преступления, осуществленное без ведома лица, непосредственно выполняющего объективную сторону преступления (неосведомленного исполнителя).

2. Посредственное причинение вреда – деятельность лица, обладающего признаками субъекта преступления, совершившего преступление посредством использования другого лица (лиц), не подлежащего(-щих) уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств.

3. Под соисполнительством с негодным(-ми) субъектом(-ами) преступления понимается совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления.

4. Неосторожным сопричинением вреда является совершение преступления двумя или более лицами, обладающими признаками субъекта преступления, чьи взаимосвязанные и взаимообусловленные деяния в своей совокупности явились причиной наступления единого для них неосторожного преступного результата.

Статья 33. Виды соучастников в преступлении

1. Соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель, пособник и посредник.

2. Исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями).

3. Организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или руководившее им.

4. Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

5. Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий

совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

6. Посредником признается лицо, умышленно содействовавшее достижению преступного соглашения между другими участниками либо передавшее предмет преступления во исполнение такого соглашения.

Статья 33[1]. Виды участников множественности лиц в преступлении, не являющихся соучастниками

1. Посредственным причинителем вреда признается лицо, обладающее признаками субъекта преступления, совершившее преступление посредством использования другого лица (лиц), не подлежащего(-щих) уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств.

2. Тайным подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем манипуляции, предоставления заведомо ложной или искаженной информации либо иным способом, создающим у другого лица ошибочное представление о самостоятельности принятия решения о совершении преступления.

3. Тайным пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления путем предоставления информации, средств или орудий, которые были обнаружены и использованы исполнителем без осознания факта содействия, а равно путем заблаговременного устранения препятствий для совершения преступления.

4. Неосведомленным исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление, но не осознававшее, что его действия были спровоцированы тайным подстрекателем либо обеспечены содействием тайного пособника.

5. Сопричинителями признаются лица, чьи взаимосвязанные и взаимообусловленные неосторожные действия (бездействие) явились необходимым условием наступления единого общественно опасного последствия.

Статья 34. Ответственность соучастников преступления

1. Ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления.

2. Соисполнители отвечают по статье Особенной части настоящего Кодекса за преступление, совершенное ими совместно, без ссылки на статью 33 настоящего Кодекса.

3. Уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления.

3[1]. Уголовная ответственность посредника наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей наказание за преступление, которое было совершено по достигнутому соглашению между другими лицами, в

реализации которого он оказал содействие, со ссылкой на часть шестую статьи 33 настоящего Кодекса, если его действия не охватываются специальными составами преступлений, предусмотренными в нормах Особенной части УК РФ.

4. Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника.

5. В случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления.

Статья 34[1]. Ответственность участников множественности лиц в преступлении, не образующих соучастия

1. Лицо, осуществившее одностороннее участие в совершении преступления другого лица (тайный подстрекатель, тайный пособник), подлежит уголовной ответственности по статье Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей наказание за совершенное исполнителем преступление, со ссылкой на ч. 1 или ч. 2 ст. 33[1] настоящего Кодекса.

2. Неосведомленный исполнитель подлежит уголовной ответственности по статье Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей наказание за совершенное им преступление.

3. Действия неосторожных сопричинителей следует квалифицировать по соответствующей статье (статьям) Особенной части УК РФ с учетом характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления, а в случае, если имело место взаимообусловленное и взаимосвязанное поведение, повлекшее наступление преступного результата, назначать более строгое наказание, чем лицу, действовавшему единолично, путем применения соответствующего отягчающего обстоятельства наказания.

Статья 35. Совершение преступления двумя или более лицами, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой

1. Преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора.

2. Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

3. Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

4. часть утратила силу

5. часть утратила силу

6. Преступление считается совершенным двумя или более лицами, если в нем фактически участвовало несколько лиц, хотя бы одно из которых подлежит уголовной ответственности, при этом их действия не образуют группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы.

7. Совершение преступления двумя или более лицами, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом.

Статья 36. Эксцесс исполнителя преступления

Эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат.

Приложение 2

Результаты опроса правоприменителей по уголовным делам[407]

Вопросы, варианты ответов		Количество ответивших респондентов
1. Как, с точки зрения Вашего опыта и практики, будут квалифицированы действия лица, обладающего признаками субъекта преступления, виновного в совместном совершении преступления с лицом (лицами), не подлежащем уголовной ответственности? **Выберите один из предложенных ниже вариантов.**		
А	С вменением квалифицирующего признака «группой лиц», поскольку положения ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не содержат формулировок о наличии вменяемости и соответствующего возраста соучастников преступления, а уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц или группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности.	**59 %**
Б	Без вменения квалифицирующего признака «группой лиц», поскольку совершение преступления в составе группы предполагает совместное участие в этом в преступлении не менее двух исполнителей, а лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, не может являться субъектом и соисполнителем данного преступления.	41 %
2. Считаете ли Вы, что лицо, умышленно способствующее совершению преступления другим лицом, которому неизвестно о таком содействии, подлежит уголовной ответственности?		
А	Тайный участник подлежит уголовной ответственности по статье, предусматривающей наказание за совершенное исполнителем преступление, со ссылкой на специальные нормы, регулирующие тайное пособничество и тайное подстрекательство. Правила соучастия неприменимы.	**64 %**
Б	Тайный участник не подлежит уголовной ответственности, специальное регулирование не требуется.	36 %
3. Целесообразно ли, с Вашей точки зрения, введение отягчающего наказание обстоятельства «совместное неисполнение обязанностей по обеспечению безопасности, повлекшее по неосторожности наступление тяжких последствий»?		
А	Да, это позволит учитывать повышенную общественную опасность системного неосторожного сопричинения и назначать более справедливое наказание в таких случаях.	**57 %**
Б	Нет, но необходимо урегулировать правила назначения наказания сопричинителям: ответственность сопричинителей определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в причинении преступного результата.	24 %
В	Нет, существующих общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ) достаточно.	19 %
4. Необходимо ли, по Вашему мнению, переименовать главу 7 УК РФ с «Соучастие в преступлении» на «Множественность лиц в преступлении»?		
А	Да, в связи с необходимостью регламентации других видов множественности лиц.	**73 %**
Б	Нет, существующих норм достаточно.	27 %

Благодарим Вас за уделенное время и бесценный вклад в научное исследование!

[407] Опрошено 118 респондентов, из них 46 (39 %) федеральных судей, 52 (44,1 %) адвоката, 8 (6,8 %) прокуроров, 12 (10,2 %) следователей различных субъектов РФ.

Приложение 3

Выборка судебной практики по вопросам квалификации соисполнительства с негодным субъектом преступления[408]

№	Судебный акт	Фабула дела кратко	Квалификация	Позиция суда по исследуемому вопросу	Вменен квалифицирующий признак «группой лиц»	Признано отягчающим обстоятельством[409]
1	Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.12.2022 по делу № 58-УД22-19-А5	Осужденная М. по предварительному сговору со своей дочерью, не достигшей возраста уголовной ответственности, совместно разработали план убийства потерпевшего и обе непосредственно участвовали в лишении его жизни. В кассационной жалобе М. указала, что, поскольку на момент совершения преступления дочь не достигла четырнадцатилетнего возраста и находилась в состоянии аффекта, она не является субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, а поэтому квалифицирующий признак убийства «группой лиц по предварительному сговору» вменен необоснованно и подлежит исключению.	п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ	Положения ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не содержат формулировок о наличии вменяемости и соответствующего возраста соучастников преступления, а уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности. Уголовный закон не исключает при определенных условиях возможности признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с лицом, не подлежащим уголовной ответственности. Объективная сторона преступления выполнена М. совместно и по предварительному сговору с другим лицом. Наступившие последствия в виде смерти потерпевшего явились результатом их совместных	Вменен	Нет

[408] Анализировались судебные акты судов общей юрисдикции с 2003 года по 2025 год различных субъектов РФ: Республики Дагестан, Республики Башкортостан, Республики Бурятия, Республики Марий Эл, Республики Коми, Краснодарского края, Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, Новосибирской области, Омской области, Иркутской области, Свердловской области, Смоленской области, Волгоградской области, Самарской области и др.

[409] Учитывались только обстоятельства, отягчающие наказание, предусмотренные п. «в» и «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

				действий, поскольку и М. и другое лицо лично участвовали в процессе лишения потерпевшего жизни. При этом умыслом осужденной охватывалось то обстоятельство, что преступление она совершает совместно и по предварительному сговору с другим лицом, их действия носили целенаправленный и последовательный характер, а поэтому недостижение другим лицом возраста наступления уголовной ответственности, не свидетельствует об отсутствии в действиях М. вышеуказанного квалифицирующего признака.		
2	Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.05.2021 по делу № 5-УДП21-8-КЗ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12.08.2021 по делу № 77-1583/2021	Ч. по предварительному сговору с лицом, признанным невменяемым, совершил две кражи из магазина. Ч. брал товары с полок и передавал их соучастнику для сокрытия, а также наблюдал за обстановкой	п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ	Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ отменила определение кассационного суда, указав, что положения ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не содержат формулировки о наличии вменяемости и соответствующего возраста соучастников преступления, а уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности. Поскольку действия были совместными и согласованными, а не являлись использованием невменяемого как орудия, вменение группового признака является правильным. При пересмотре Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда признала доводы защитника не основанными на законе о том, что нельзя считать совершенными группой лиц по предварительному сговору в связи с признанием ФИО невменяемым.	Вменен	Нет
3	Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Верховного Суда РФ от 01.06.2010 по делу № 81-д10-11	В. совместно с лицом, признанным невменяемым, умышленно избил потерпевшего, что по неосторожности повлекло его смерть. В надзорном представлении поставлен вопрос об изменении приговора с исключением квалифицирующего признака группы лиц, поскольку преступление совершено осужденным вместе с лицом, не подлежащим уголовной ответственности в силу невменяемости.	ч. 4 ст. 111 УК РФ	Суд отклонил доводы прокурора об исключении группового признака, указав, что поскольку последствия наступили в результате совместных действий осужденного и невменяемого лица, действия правильно квалифицированы как совершенные группой лиц. Поскольку В. совершил преступление не с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности, а совместно с ним, доводы	Вменен	Нет

				надзорного представления прокурора признаны необоснованными.		
4	Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.06.2011 по делу № 85-О11-10СП	К. признан виновным в организации похищения человека, совершенного по предварительному сговору из корыстных побуждений, а Д. – в похищении человека, совершенного по предварительному сговору из корыстных побуждений. Адвокат в защиту Д. полагает, что квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» подлежит исключению из осуждения, поскольку Я. и Е., в отношении которых дело было выделено в отдельное производство, являются невменяемыми и направлены на принудительное лечение. Совершение преступления совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, по мнению адвоката, исключает содеянное по вышеуказанному квалифицирующему признаку.	К. осужден по ч. 3 ст. 33, п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ, Д. осужден по п.п. «а», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ	Уголовный закон не исключает при определенных условиях возможности признания преступления, совершенным группой лиц по предварительному сговору, с лицом, не подлежащим уголовной ответственности. В похищении человека по плану, разработанному К., кроме Д. участвовало два лица. Одно из этих лиц предложило Д. за денежное вознаграждение совместно с ними принять участие в похищении, на которое Д. согласился. Суд указал, что умыслом Д. охватывалось то обстоятельство, что преступление он совершает совместно и по предварительному сговору с указанными лицами, действия которых носили целенаправленный и последовательный характер. Факт признания лиц страдающими психическими расстройствами, исключающими вменяемость, не свидетельствуют об отсутствии в действиях осужденного Д. квалифицирующего признака «совершение группой лиц по предварительному сговору».	Вменен	Нет
5	Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.02.2003 по делу № 9-002-107	Ш. совершил разбойное нападение и убийство совместно с лицом, которое впоследствии было признано невменяемым.	п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ	Суд указал, что преступление, совершенное группой лиц, предполагает участие двух или более исполнителей, подлежащих уголовной ответственности. Поскольку соучастник был признан невменяемым и не являлся субъектом преступления, групповой признак подлежит исключению.	Исключен	Нет
6	Приговор Карасукского районного суда Новосибирской области от 23.04.2019 по делу № 1-79/2019	ФИО1 вступил в предварительный сговор с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, на хищение имущества агрофирмы. Действуя совместно и согласованно, они похитили триерные блоки от зернокомплекса.	ч. 1 ст. 158 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ	Суд в описательной и резолютивной частях приговора указал, что кража была совершена «группой лиц по предварительному сговору», и квалифицировал действия подсудимого по соответствующему пункту статьи 158 УК РФ.	Вменен	Нет
7	Приговор Кормиловского районного суда Омской области от 06.07.2023 по делу № 1-28/2023	ФИО1 по предварительному сговору с двумя лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, совершил кражу в крупном размере из жилища. Согласно сговору, ФИО1 проникал в дом и похищал деньги, в то время как соучастники наблюдали за обстановкой.	п. «а», «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ	Суд квалифицирует действия ФИО1 как хищение чужого имущества в крупном размере, совершенная группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в жилище, не мотивирует вменение исследуемого квалифицирующего признака.	Вменен	Нет

8	Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ от 29.05.2024 по делу № 1-348/2024	ФИО1 по предварительному сговору со своим братом, не достигшим возраста уголовной ответственности, совершила хищение денежных средств с найденной им банковской карты. Действуя совместно, они оплачивали покупки в магазинах бесконтактным способом. После нескольких успешных операций они попытались совершить очередную покупку, но не смогли, так как карта была заблокирована владельцем.	ч. 3 ст. 30 - п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ	Суд по ходатайству государственного обвинителя исключил из объема обвинения квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору». Суд сослался на п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2022 № 29, согласно которому, если лицо совершило хищение совместно с другим лицом, не подлежащим уголовной ответственности в силу возраста, его действия следует квалифицировать как действия непосредственного исполнителя преступления (при отсутствии иных квалифицирующих признаков).	Исключен	Совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ)
9	Приговор Нижнеомского районного суда Омской области от 27.02.2020 по делу № 1-9/2020	ФИО1 вместе с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, прибыл к свинарнику. ФИО1 проник внутрь и похитил поросенка, а несовершеннолетний помог ему переместить похищенное через забор в автомобиль.	п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ	Суд указал, что хищение производилось с участием лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, что в силу п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2002 № 29 соучастия не образует.	Не вменен	Привлечение к совершению преступления лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность (п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ)
10	Приговор Мотовилихинского районного суда г. Перми от 17.05.2023 по делу № 1-219/2023	Лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, под предлогом звонка взяло у потерпевшего телефон и передало его подсудимому ФИО1. ФИО1, пытаясь скрыться с телефоном, применил к потерпевшему насилие.	п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ	Государственный обвинитель исключил признак «группой лиц по предварительному сговору», поскольку преступление было совершено с использованием лица, не достигшего возраста уголовной ответственности. Суд согласился с этой позицией.	Исключен	Нет
11	Приговор Нижнеудинского городского суда Иркутской области от 12.11.2024 по делу № 1-205/2024	ФИО1 в состоянии алкогольного опьянения совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, разбив окно, проник в помещение сельского клуба, откуда они похитили имущество (музыкальную колонку, спортинвентарь и др.).	п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ	В описательной части приговора указано на совместный характер действий, однако квалифицирующий признак «группой лиц» в обвинении отсутствует, так как уголовное преследование второго участника прекращено. Суд не рассматривал вопрос об этом признаке.	Не вменен	Нет
12	Приговор Шушенского районного суда Красноярского края	ФИО1 по предварительному сговору с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, проникли в нежилой дом и металлический	п. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ	Суд в описательной и резолютивной частях приговора прямо указал, что кража была совершена «группой лиц по предварительному сговору», и	Вменен	Нет

	от 14.03.2021 по делу № 1-246/2020	контейнер, откуда совместно похитили различное имущество, причинив значительный ущерб.		квалифицировал действия подсудимого по соответствующему пункту статьи 158 УК РФ.		
13	Приговор Венгеровского районного суда Новосибирской области от 19.07.2024 по делу № 1-78/2024	ФИО1 по предварительному сговору с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, совершил кражу из дома. Вместе они похитили имущество.	п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ч. 4 ст. 150 УК РФ	Суд квалифицировал действия ФИО1 по вовлечению несовершеннолетнего в совершение тяжкого преступления отдельной статьей (150 УК РФ), поэтому групповой признак в составе кражи (ст. 158 УК РФ) не рассматривался.	Не вменен	Нет
14	Приговор Городского суда г. Лесного Свердловской области от 12.10.2020 по делу № 1-105/2020	ФИО3 по предварительному сговору с другим несовершеннолетним и лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, совершили кражу с банковского счета. Используя телефон отца самого младшего участника, они перевели денежные средства на QIWI-кошелек.	п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ	Суд в описательной и резолютивной частях приговора прямо указывает, что кража была совершена «группой лиц по предварительному сговору», и квалифицирует действия подсудимого по соответствующему пункту статьи 158 УК РФ.	Вменен	Нет
15	Приговор Ононского районного суда Забайкальского края от 20.07.2021 по делу № 1-66/2021	ФИО1, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вовлек в совершение преступлений лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. В одном эпизоде они совместно проникли в гараж и похитили аккумуляторы, в другом — совершили угон автомобиля.	п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 166 УК РФ, ч. 1 ст. 166 УК РФ	Судом не рассматривался вопрос об этом признаке.	Не вменен	Привлечение к совершению преступления лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность (п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ)
16	Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 09.07.2024 по делу № 1-586/2024	Лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, найдя банковскую карту, предложило подсудимой ФИО1 совместно использовать ее для покупок. Они вступили в сговор и поочередно оплачивали товары в магазинах найденной картой.	п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ	Суд указал, что действия подсудимой и второго участника свидетельствуют о непосредственном участии каждой из них в совершении заранее спланированного хищения. Освобождение второго участника от ответственности в связи с недостижением возраста не влечет исключение из обвинения ФИО1 квалифицирующего признака «группой лиц по предварительному сговору».	Вменен	Нет

17	Приговор Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 05.07.2023 по делу № 1-280/2023	ФИО5 по предварительному сговору с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, совершил кражу продуктов из магазина. Они совместно брали товары со стеллажей и выносили их, минуя кассу.	ч. 1 ст. 158 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ	Суд указал, что уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности, и исходя из совместных действий, обусловленных сговором, вменил данный признак.	Вменен	Нет
18	Приговор Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края от 02.07.2020 по делу № 1-229/2019	ФИО1 совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, по предварительному сговору проникли в незапертую квартиру, откуда тайно похитили продукты питания и деньги.	п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ	Суд указал, что квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору» нашел свое подтверждение, так как подсудимый действовал совместно и согласованно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности.	Вменен	Нет
19	Приговор Центрального районного суда г. Красноярска от 13.05.2024 по делу № 1-203/2024	ФИО2 по предварительному сговору с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, совершил нападение на потерпевшего. Применив перцовый баллончик и насилие, они похитили денежные средства.	ч. 2 ст. 162 УК РФ	Суд в описательной и резолютивной частях приговора указывает, что разбой был совершен «группой лиц по предварительному сговору», и квалифицирует действия подсудимого по соответствующей части статьи 162 УК РФ.	Вменен	Нет
20	Приговор Городищенского районного суда Волгоградской области от 24.04.2024 по делу № 1-333/2023	ФИО4 вовлек малолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности, в совершение серии краж из торговых автоматов. Действуя совместно, они совершили два хищения и были пойманы при покушении на третье.	ч. 1 ст. 150 УК РФ, ч. 3 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ	Суд указал, что уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с участием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности, и вменил данный признак.	Вменен	Нет
21	Приговор Кумертауского городского суда Республики Башкортостан от 26.11.2024 по делу № 1-185/2024	ФИО1 по предварительному сговору с лицом, признанным невменяемым, совершил угон автомобиля. Второй участник выгнал автомобиль из гаража, после чего ФИО1 сел за руль, и они уехали.	п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ	Суд, сославшись на Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам, указал, что преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору независимо от того, что некоторые из участвовавших не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости.	Вменен	Нет
22	Приговор Гусиноозерского городского суда Республики Бурятия от 15.01.2025 по делу № 1-260/2024	ФИО1 по предварительному сговору с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, проникли в гараж, сняв решетку и оконную раму, откуда совместно похитили имущество.	п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ	Суд указал, что признак «группой лиц по предварительному сговору» нашел свое подтверждение, поскольку сговор состоялся до начала непосредственной его реализации, а для достижения единой цели они действовали согласованно и совместно выполняли объективную сторону.	Вменен	Нет

23	Приговор Красноуфимского городского суда Свердловской области от 12.12.2024 по делу № 1-302/2024	ФИО1 совершила серию краж из магазина одежды. В последнем эпизоде она действовала совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, но при выходе из магазина они были задержаны.	ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ (последний эпизод)	Судом не рассматривался вопрос об этом признаке.	Не вменен	Нет
24	Приговор Канского городского суда Красноярского края от 23.06.2024 по делу № 1-157/2024	ФИО1 предложил лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности, совершить хищение кабеля. Действуя по сговору, ФИО1 срезал кабель с опор, а второй участник наблюдал за обстановкой и принимал похищенное.	п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 1 ст. 150 УК РФ	Суд указал, что признак «группой лиц по предварительному сговору» подтвержден, поскольку подсудимый и несовершеннолетний действовали как соисполнители в рамках совместного умысла, недостижение вторым участником возраста ответственности не исключает данного признака.	Вменен	Нет
25	Апелляционный приговор Кемеровского областного суда от 24.09.2023 по делу № 22-4090/2023	ФИО2 совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, по предварительному сговору взломали автомат с игрушками и похитили деньги, которыми распорядились совместно.	п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ	Апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции, указав, что УК РФ не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности. Кроме того, уголовный закон не исключает при определенных условиях возможности признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с лицом, не подлежащим уголовной ответственности. Поскольку действия были совместными, а не являлись использованием несовершеннолетнего в качестве орудия, признак вменен обоснованно.	Вменен	Нет
26	Постановление Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 19.05.2020 по делу № 1-295/2020	ФИО1 по сговору с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, похитил велосипед из подъезда. Роли были распределены: один наблюдал за обстановкой, второй забирал велосипед.	п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ	В постановлении, которым дело прекращено в связи с деятельным раскаянием, обвинение изложено с указанием признака «группой лиц по предварительному сговору». Вопрос о его правомерности судом не обсуждался.	Вменен	Нет
27	Приговор Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 28.10.2024 по делу № 1-104/2024	Лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, сообщило подсудимому ФИО1 о местонахождении наркотиков, которые тот забрал из тайника, а также получил от него сверток, сброшенный из окна. Впоследствии ФИО1 сбыл часть этих наркотиков третьему лицу.	ч. 2 ст. 228 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ	Судом не рассматривался вопрос об этом признаке.	Не вменен	Нет

28	Приговор Новотроицкого городского суда Оренбургской области от 06.02.2024 по делу № 1-74/2024	ФИО1 совершил кражу из магазина, а затем вернулся и совершил еще одну кражу из того же магазина совместно с малолетним лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности.	п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 3 ст. 30 п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ	Суд указал, что оснований для квалификации деяния как совершенного группой лиц не имеется, поскольку второй участник не достиг возраста уголовной ответственности и не может являться субъектом и соисполнителем преступления, а группа предполагает участие не менее двух исполнителей.	Не вменен	Нет
29	Приговор Шарыповского городского суда Красноярского края от 08.09.2020 по делу № 1-176/2020	ФИО2 совершил серию краж с незаконным проникновением в жилище. В нескольких эпизодах он действовал совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности.	п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ч. 3 ст. 30 п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ	Суд согласился с гособвинителем и исключил квалифицирующий признак «совершение преступления в группе лиц по предварительному сговору» из объема предъявленного обвинения, поскольку лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, не является субъектом преступления и не может рассматриваться как соисполнитель.	Исключен	Нет
30	Приговор Солнечногорского городского суда Московской области от 07.10.2020 по делу № 1-275/2020	ФИО5 по договоренности с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, похитили два велосипеда, оставленных у подъезда дома.	п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ	Судом не рассматривался вопрос об этом признаке.	Не вменен	Нет
31	Приговор Тальменского районного суда Алтайского края от 13.05.2020 по делу № 1-22/2020	ФИО1 по предварительному сговору с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, проникли в дом и постройки. Они совместно похищали имущество, при этом несовершеннолетний также выполнял роль наблюдателя.	п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ	Судом не рассматривался вопрос об этом признаке.	Не вменен	Нет
32	Приговор Богатовского районного суда Самарской области от 08.07.2020 по делу № 1-28/2020	ФИО1 совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, незаконно проник в жилой дом, откуда вынес телевизор и инвалидную коляску, но был задержан на месте.	ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ	Судом не рассматривался вопрос об этом признаке.	Не вменен	Нет
33	Постановление Смоленского районного суда Смоленской области от 22.07.2020 по делу № 1-165/2020	ФИО1 по предварительному сговору с двумя лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, проникли в баню, а затем в строящийся дом, откуда совместно похитили имущество.	п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ	Судом не рассматривался вопрос об этом признаке.	Не вменен	Нет
34	Постановление Усольского городского суда Иркутской области	Несовершеннолетний ФИО1 совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, установил на телефон банковское приложение и похитил с чужого счета	п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ	Судом не рассматривался вопрос об этом признаке.	Не вменен	Нет

	от 15.01.2020 по делу № 1-83/2020	денежные средства, которые потратил на покупки в компьютерной игре для себя и соучастника.				
35	Приговор Дзержинского районного суда г. Нижнего Тагила от 28.05.2019 по делу № 1-215/2019	ФИО3 совершил две кражи. В первом эпизоде он действовал с одним лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности. Во втором эпизоде он действовал с тем же лицом и еще одним несовершеннолетним, в отношении которого постановлением суда применены меры воспитательного воздействия.	п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 1 ст. 150 УК РФ	Суд не вменил групповой признак в первом эпизоде. Во втором эпизоде, где участвовало двое субъектов преступления (подсудимый и второй несовершеннолетний), суд вменил признак «группой лиц по предварительному сговору». Вовлечение второго несовершеннолетнего было квалифицировано отдельно по ст. 150 УК РФ.	Не вменен	Нет
36	Приговор Любинского районного суда Омской области от 07.09.2017 по делу № 1-103/2017	ФИО1 совместно с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, совершил несколько эпизодов краж. Несовершеннолетний наблюдал за обстановкой, пока ФИО1 проникал в жилище и похищал имущество.	п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (3 эпизода), п.п. «б», «в» ч.2 ст.158 УК РФ	Судом не рассматривался вопрос об этом признаке.	Не вменен	Нет
37	Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 18.03.2025 по делу № 1-519/2025	Несовершеннолетний ФИО3 по предварительному сговору с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, в автобусе попытались тайно, а затем открыто похитили у пассажира сотовый телефон.	п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ	Суд отверг доводы защиты об отсутствии сговора и указал, что действия были совершены группой лиц по предварительному сговору.	Вменен	Нет
38	Приговор Новоалександровского районного суда Ставропольского края от 26.02.2025 по делу № 1-13/2025	Подсудимая ФИО13 незаконно проникла в жилой дом, откуда похитила бытовую технику и другое имущество. Ее малолетние дети, не достигшие возраста уголовной ответственности, помогли ей погрузить похищенное.	п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ	Судом не рассматривался вопрос об этом признаке.	Не вменен	Привлечение к совершению преступления лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность (п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ)
39	Апелляционный приговор Судебной коллегии по	ФИО1 совместно с невменяемым лицом, дело в отношении которого выделено в отдельное	п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ	Поскольку объективная сторона преступления выполнена ФИО1 совместно с лицом, дело в отношении которого выделено в отдельное	Вменен	Нет

	уголовным делам Пермского краевого суда от 04.06.2020 по делу №22-2975/2020	производство, нанес потерпевшему множество ударов, причинив тяжкий вред здоровью.		производство, с умыслом, направленным на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего группой лиц и его умыслом охватывалось совершение преступления совместно с этим лицом, то квалифицирующий признак совершения преступления группой лиц нашел свое подтверждение.		
40	Приговор Аткарского городского суда Саратовской области от 03.03.2025 по делу № 1-146/2024	Мать вступила в сговор со своим несовершеннолетним сыном для совершения краж с найденной им банковской карты. По ее указанию сын неоднократно оплачивал покупки в магазинах.	п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ч. 4 ст. 150 УК РФ	ФИО11 и не достигший возраста привлечения к уголовной ответственности до противоправного безвозмездного изъятия чужого имущества, то есть предварительно, по инициативе и предложению ФИО11 договорились о краже. Содеянное носило целенаправленный и согласованный характер, каждый из них действовал сообразно определенной ему роли, их сознанием охватывалось способствование друг другу в реализации общего плана и достижении единого преступного результата - хищения чужого для них имущества, то есть являлись соисполнителями преступления, группой лиц по предварительному сговору.	Вменен	Нет

Приложение 4

Выборка судебной практики о неосторожном сопричинении вреда[410]

№	Номер дела, суд	Фабула дела	ФИО осужденных	Допущенные нарушения	Обоснование причинной связи судом	Квалификация судом	Назначенное наказание	Вид сопричинения
1	Приговор Бутурлиновского районного суда Воронежской области от 27.12.2019 по делу № 1-159/2019	Водитель Древаль в состоянии алкогольного опьянения выехал на полосу встречного движения, а второй водитель, Гура, реагируя на созданную опасность, вместо торможения также совершил маневр на встречную полосу. В результате их столкновения на середине дороги пассажир автомобиля Гуры получил тяжкий вред здоровью	Древаль А.А.	Древаль нарушил п. 2.7 (алкогольное опьянение), п. 10.1 (неверный выбор скорости, непринятие мер к остановке), п. 9.4, 9.10 (расположение на проезжей части), выезд на встречную полосу.	Вред пассажиру причинен в результате нарушений ПДД, допущенных обоими водителями (Древаль А.А. и Гура М.Н.), чьи действия в совокупности привели к столкновению и его последствиям.	п. «а» ч. 2 ст. 264 УК РФ	л/с на 1 год 9 мес. усл.; лиш.права упр-я ТС на 2 года	Ситуативное
	Постановление Бутурлиновского районного суда Воронежской области от 27.12.2019 по делу № 1-159/2019		Гура М.Н.	Гура нарушил п. 10.1 (непринятие мер к остановке), п. 9.4, 9.10, выезд на встречную полосу при возникновении опасности.		ч. 1 ст. 264 УК РФ	Уголовное дело прекращено в связи с примирением с потерпевшим	

[410] Анализировались судебные акты судов общей юрисдикции с 2019 года по 2025 год различных субъектов РФ: Республики Хакасия Ставропольского края, Воронежской области, г. Москвы, г. Екатеринбурга и др.

2	Приговор Бутурлиновского районного суда Воронежской области от 24.03.2021 по делу № 1-4/2021	Капустин, водитель ВАЗ-21120, выезжая с прилегающей территории, не предоставил преимущество в движении и столкнулся с автомобилем Вторникова - MERCEDES-BENZ, который двигался по главной дороге. В результате ДТП погибли пять человек (три пассажира ВАЗ и два пассажира Mercedes), еще двое получили тяжкий вред здоровью.	Капустин Д.А.	Капустин нарушил п. 8.3 ПДД РФ (не уступил дорогу транспортному средству, пользующемуся преимущественным правом проезда).	Капустин, совершая маневр разворота, оказался поперек проезжей части автомобильной дороги, частично занимая как левую, так и правую полосу движения, создав опасность и помеху для движущегося по проезжей части автомобиля Вторникова; Вторников управляя своим автомобилем, избрал такую скорость, которая не обеспечивала ему возможность постоянного контроля за движением своего автомобиля для выполнения требований ПДД РФ.	ч. 5 ст. 264 УК РФ	л/с на 5 лет; лиш.права заниматься деят-ю, связ. с упр-ем ТС на 2 года	Ситуативное
			Вторников Д.А.	Вторников нарушил п. 10.1, 10.2 ПДД РФ (превышение установленной скорости движения).		ч. 5 ст. 264 УК РФ	л/с на 5 лет; лиш.права заниматься деят-ю, связ. с упр-ем ТС на 3 года	

3	Приговор Кунцевского районного суда г. Москвы от 30.07.2025 по делу № 1-0369/2025	Никишин М.В. на автомобиле «Шевроле Круз» проехал на красный сигнал светофора. В это же время водитель Куницын М.Ю. на своем автомобиле выехал на перекресток в прямом направлении из полосы, предназначенной только для поворота направо. Произошло столкновение, в результате которого автомобиль Никишина М.В. совершил наезд на человека на электросамокате, причинив ему тяжкий вред здоровью, а также на стоящий автомобиль «Рено Дастер».	Никишин М.В.	Никишин М.В. нарушил п. 10.1 ПДД РФ (скорость не обеспечила возможность контроля), п. 6.13 ПДД РФ (не остановился перед стоп-линией на запрещающий сигнал), п. 6.2 ПДД РФ (проезд на красный свет).	Нарушения правил дорожного движения, допущенные каждым из водителей, находятся в прямой причинной связи с наступившими последствиями – столкновением и причинением тяжкого вреда здоровью водителю электросамоката.	ч. 1 ст. 264 УК РФ	Ограничение свободы на 1 год	Ситуативное
			Куницын М.Ю.	Куницын М.Ю. нарушил п. 10.1 ПДД РФ (скорость не обеспечила возможность контроля), п. 1.3 ПДД РФ (проигнорировал требования дорожного знака 5.15.2 и разметки 1.18, двигаясь прямо из полосы для поворота направо).		ч. 1 ст. 264 УК РФ	Ограничение свободы на 10 мес.	

4	Приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 05.11.2024 по делу № 1-319/2024	05.11.2022 врач-педиатр Беспалова И.Г. была вызвана на дом к малолетнему ребенку с высокой температурой. Она провела поверхностный осмотр, поставила неверный диагноз (ОРВИ) и назначила ненадлежащее лечение. 06.11.2022, в связи с ухудшением состояния ребенка (рвота, слабость), была вызвана скорая помощь. Прибывший врач Константинов А.И. также поставил неверный диагноз (острый бронхит) и, несмотря на наличие показаний, не госпитализировал ребенка. 07.11.2022 ребенок скончался на дому от сепсиса, развившегося как осложнение гнойно-некротической плевропневмонии.	Беспалова И.Г.	Врач-педиатр участковый произвела поверхностный осмотр пациента, без надлежащего установления всех обстоятельств протекания болезни, ошибочно выставила последнему диагноз «Острая инфекция верхних дыхательных путей неуточненная», с учетом которого назначила соответствующее ненадлежащее лечение, чем нарушила должностную инструкцию и клинические рекомендации.	Прямая причинно-следственная связь установлена между совокупностью дефектов оказания медицинской помощи, допущенных обоими врачами, и наступлением смерти ребенка. Неверная оценка состояния пациента, неправильная тактика лечения и отказ от госпитализации привели к прогрессирующему ухудшению состояния, развитию сепсиса и смерти.	ч. 2 ст. 109 УК РФ	Ограничение свободы на 2 года; лиш. права заниматься врач. деят-ю на 1 год	Системное
			Константинов А.И.	Врач-педиатр специализированной педиатрической выездной бригады СМП произвел поверхностный осмотр пациента (малолетнего), без надлежащего установления всех обстоятельств протекания болезни, ошибочно выставил последнему диагноз «острый бронхит», с учетом которого назначил соответствующее ненадлежащее лечение, а также не предпринял мер по госпитализации потерпевшего, чем нарушил должностную инструкцию и клинические рекомендации.		ч. 2 ст. 109 УК РФ	Ограничение свободы на 2 года; лиш. права заниматься врач. деят-ю на 1 год	

5	Приговор Савеловского районного суда г. Москвы от 17.05.2024 по делу № 1-163/2024	Родители, Панфёрова А.А. и Панфёров Н.Ю., находясь в состоянии опьянения в своей квартире, ненадлежащим образом исполняли свои обязанности по присмотру за малолетней дочерью. Сначала мать оставила ребенка наедине с отцом, зная о его употреблении наркотиков. Затем отец оставил девочку одну в комнате с выходом на балкон и открытым окном, к которому был приставлен табурет. В результате оставления без присмотра ребенок выпал из окна и погиб.	Панфёрова А.А., Панфёров Н.Ю.	Оба родителя нарушили ст. 63 Семейного кодекса РФ (обязанности по воспитанию и обеспечению безопасности детей). Их действия выразились в оставлении малолетнего ребенка, не способного к самосохранению, без присмотра в условиях, представляющих опасность для его жизни (квартира на 8-м этаже с доступом к открытому окну).	Суд установил прямую причинно-следственную связь между ненадлежащим исполнением родителями своих обязанностей (оставлением ребенка без присмотра в опасной обстановке) и наступившими последствиями в виде смерти. Их преступная небрежность позволила ребенку беспрепятственно добраться до открытого окна и выпасть из него.	Действия обоих осужденных квалифицированы по ч. 1 ст. 109 УК РФ	Каждому из осужденных назначено наказание в виде исправительных работ на срок 1 год 6 месяцев с удержанием 15 % из зарплаты в доход государства.	Системное
6	Приговор Хорошевского районного суда г. Москвы от 31.05.2022 по делу № 1-92/2022	Водитель Кудряшов Е.В. на автомобиле «Nissan Pathfinder», совершая поворот налево, на перекрестке не уступил дорогу	Кудряшов Е.В.	Кудряшов Е.В. нарушил п. 13.4 ПДД РФ (при повороте налево не уступил дорогу транспортному средству, движущемуся во встречном направлении прямо).	Именно нарушения Правил дорожного движения РФ двумя участниками Комаровым А.А. и Кудряшовым Е.В. находятся в причинной связи с имевшим место дорожно-транспортным происшествием и в прямой причинно-следственной связи с наступившими последствиями, в виде причинения тяжкого вреда здоровью и смерти.	ч. 3 ст. 264 УК РФ	л/с на 2 года; лиш.права заниматься деят-ю, связ. с упр-ем ТС на 2 года	Ситуативное

		автомобилю «Audi Q7» под управлением Комарова А.А., который двигался во встречном направлении прямо на желтый сигнал светофора с превышением скорости. В результате столкновения автомобиль «Nissan Pathfinder» выехал на тротуар и совершил наезд на двух пешеходов. Один пешеход получил тяжкий вред здоровью, второй – скончался.	Комаров А.А.	Комаров А.А. нарушил п. 1.3 и 6.2 ПДД РФ (проезд на запрещающий желтый сигнал светофора), п. 10.1 и 10.2 ПДД РФ (движение со скоростью, превышающей установленное ограничение в 60 км/ч).		ч. 3 ст. 264 УК РФ	л/с на 2 года; лиш.права заниматься деят-ю, связ. с упр-ем ТС на 2 года	
	Апелляционное постановление Московского городского суда от 17.11.2022 по делу № 10-21140/22						л/с заменено на принудительные работы на 2 года с удержанием из зарплаты 10 % в доход государства	
7	Приговор Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 23.12.2024 по делу № 1-4/2014	Сотрудники ОАО «РусГидро» «Саяно-Шушенская ГЭС им. П. С. Непорожнего» нарушили правила безопасности при ведении работ, повлекшие по неосторожности смерть 75 лиц, а также экологический ущерб в результате выброса технических масел в реку Енисей.	Белобородов В. А.	Работник службы мониторинга оборудования не выдал замечания по состоянию диагностируемого оборудования и не проинформировал технические службы СШГЭС о реальном положении дел при эксплуатации ГА № 2.	Небрежное отношение подсудимых к названным обязанностям состоит в причинной связи с наступившими в результате аварии последствиями, так как выполнение этих обязанностей с учетом его образования, опыта работы, при должной внимательности могло предотвратить аварию на ГА №2.	ч. 3 ст. 216 УК РФ	л/с на 4 года 6 мес., освобожден по амнистии	Системное
			Клюкач А.А.	Работники службы мониторинга оборудования не осуществили анализ результатов измерений стационарной системы		ч. 3 ст. 216 УК РФ	л/с на 4 года 6 мес. условно с испыт. сроком 5 лет, лиш. права	

				виброконтроля гидроагрегата, не обеспечили производство контрольного замера вибрации турбинного подшипника ГА № 2 переносной системой MIC 200 при ухудшении вибрационного состояния, зафиксированного стационарной информационной системой вибрационного контроля «VibroSystM», что могло предотвратить аварию.			заниматься руководящей и управленческой деят-ю в области гидроэнергетики на 3 года	
			Матвиенко А. В.			ч. 3 ст. 216 УК РФ	л/с на 4 года 6 мес. условно с испыт. сроком 5 лет, лиш. права заниматься руководящей и управленческой деят-ю в области гидроэнергетики на 3 года	
			Митрофанов А. Н.	Главный инженер не дал задание подразделениям СШГЭС по замене изношенного, не соответствующего требованиям безопасности оборудования.		ч. 3 ст. 216 УК РФ	л/с на 6 лет	

			Неволько Н.И.	Директор не обеспечил организацию своевременного проведения необходимых испытаний и технического освидетельствования гидротурбинного оборудования.		ч. 3 ст. 216 УК РФ	л/с на 6 лет	
			Никитенко Г. И.	Заместитель главного инженера по технической части не выпустил организационно-распорядительного документа по ремонту оборудования.		ч. 3 ст. 216 УК РФ	л/с на 5 года 9 мес.	
			Шерварли Е. И.	Заместитель главного инженера по эксплуатации, зная о повышении уровня вибрации, продолжил эксплуатацию ГА № 2 в опасном состоянии.		ч. 3 ст. 216 УК РФ	л/с на 5 года 6 мес.	
8	Приговор Предгорного районного суда Ставропольского края от 12.07.2024 по делу № 1-108/2024	Водитель грузового автомобиля, нарушив правила дорожного движения, совершил наезд на группу из трех несовершеннолетних велосипедистов, которые двигались по проезжей части в попутном направлении. В результате ДТП все трое велосипедистов погибли. Тренировочное занятие для детей на дороге общего пользования было организовано старшим тренером-преподавателем спортивной школы Бурляевой И.А.	Квитко А.А.	Допустил наезд на велосипедистов и столкновение с автомобилем Бурляевой И.А.	Суд установил, что допущенные нарушения ПДД (неправильный выбор дистанции и скорости) находятся в прямой причинной связи с наездом на велосипедистов и их последующей смертью.	ч. 5 ст. 264 УК РФ	л/с на 6 лет 6 мес., лиш. права заниматься деят-ю, связанной с управлением ТС на 3 года	Системное
	Приговор Предгорного районного суда Ставропольского края от 18.10.2024 по делу № 1-134/2024		Бурляева И.А.	Организовала осуществление тренировочного процесса учащихся в виде движения последних в качестве велосипедистов, без сопровождения автомобилем с проблесковым маячком желтого или оранжевого	Суд установил прямую причинную связь между оказанием ею услуги, не отвечающей требованиям безопасности (организация тренировки в запрещенном и опасном месте без должного сопровождения), и смертью детей в результате предсказуемого ДТП.	ч. 3 ст. 238 УК РФ	л/с на 6 лет, лиш. права заниматься деят-ю, связ-й с воспитанием и обучением несоверше	

				цвета по проезжей части автодороги в нарушение ПДД РФ.			ннолетних на 2 года	
9	Приговор Предгорного районного суда Ставропольского края от 11.03.2025 по делу № 1-75/2025	Родители, находясь на базе отдыха, оставили без должного присмотра и внимания малолетнего ребенка, который спустился по ступеням и погрузился в воду в бассейн, заведомо зная, что он не умеет плавать. Смерть малолетнего наступила в результате утопления.	Томишин Е.А. Томишина С.А.	Оставили малолетнего в бассейне без внимания и присмотра ввиду неумения плавать и отсутствия при нем плавательных и спасательных средств.	Смерть потерпевшего находится в причинной связи с деяниями виновных.	Действия обоих осужденных квалифицированы по ч. 1 ст. 109 УК РФ	Каждому из осужденных назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 гож	Системное
10	Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 07.04.2020 по делу № 1-2/2020	Обрушение кровли корпуса №15 ПАО «МЗиК» в результате ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей должностными лицами завода и подрядчиками, повлекшее смерть четырех человек, причинение тяжкого вреда здоровью троим и крупный материальный ущерб.	Гаганов В.И.	Не организовал обследование и мониторинг технического состояния строительных конструкций корпуса. Согласовал проведение капитального ремонта без оценки технического состояния и проектной документации. Не принял мер по приостановке эксплуатации аварийного здания после получения информации о его состоянии.	В силу своего положения и обязанности должны были соблюдать специальные правила при производстве строительных работ, нарушение которых находится в причинной связи с в виде падения кровли корпуса 15, смерти, причинение тяжкого вреда здоровью, имущественного ущерба заказчику.	ч. 3 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ (3 эпизода).	л/с на 2 года условно с исп.сроком 2 года и лиш. права заниматься профессиональной деят-ю, связ. с орг.-распорядительными функциями и при производстве строительных и ремонтных работ на 2 года; 2 года ограничен	Системное

							ия свободы.	
			Шмелев В.В.	Ненадлежащим образом исполнял обязанности по техническому надзору за ремонтно-строительными работами. Не контролировал соблюдение технологии производства работ и правил складирования материалов. Не принял мер по приостановлению работ при отсутствии актов освидетельствования скрытых работ.		ч. 3 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ (3 эпизода).	л/с на 2 года условно с исп.сроком 2 года и лиш. права заниматься профессиональной деят-ю, связ. с организационно-распорядительными функциями при производстве строительных и ремонтных работ на 2 года; 2 года ограничения свободы.	
			Ожиганов Ю.А.	Предоставил недостоверные сведения для получения допуска к работам. Привлек к работам неквалифицированный персонал. Организовал складирование стройматериалов на кровле и устройство новой кровли		ч. 3 ст. 109, ч. 1 ст. 118 УК РФ (3 эпизода).	л/с на 2 года условно с исп.сроком 2 года и лиш. права заниматься профессио	

				поверх старой, что привело к увеличению нагрузки на несущие конструкции.			нальной деят-ю, связ. с орг.-распоряди тельными функциям и при производс тве строитель ных и ремонтны х работ на 2 года; 400 часов обязатель ных работ, от которых освобожде н в связи с истечение м сроков давности.	
			Кондраши н И.В.	Нарушение правил безопасности при ведении строительных работ. Предоставил недостоверные сведения для получения допуска к работам. Привлек к работам неквалифицированный персонал. Организовал складирование стройматериалов на кровле и устройство новой кровли поверх старой. Не вел исполнительную документацию.		ч. 3 ст. 216 УК РФ.	л/с на 3 года условно с исп.сроко м 2 года и лиш. права заниматьс я профессио нальной деят-ю, связ. с организац ионно-распоряди тельными функциям	

							и при производстве строительных и ремонтных работ на 2 года.	
11	Приговор Щербинского районного суда г. Москвы от 26.05.2025 по делу № 1-504/2024	На строительном объекте в г. Москва произошло падение газобетонных блоков на рабочего, в результате чего он получил сочетанную травму, повлекшую смерть.	Гиреев А.М.	Генеральный директор неправомерно допустил Бостонкулова К.Ж. к выполнению работ, не обеспечил ему безопасные условия труда, не провел вводный и первичный инструктажи по охране труда, не организовал обучение, проверку знаний и стажировку на рабочем месте в нарушение норм ТК РФ.	Падение газобетонных блоков на потерпевшего, повлекшее его смерть, произошло именно в связи с нарушениями правил безопасности при ведении строительных работ, допущенными Гиреевым А.М. и Швецовым Р.А.	Действия обоих подсудимых квалифицированы по ч. 2 ст. 216 УК РФ	Каждому назначено наказание в виде 1 года лишения свободы условно с испытательным сроком в 1 год.	Системное
			Швецов Р.А.	Начальник участка, являясь ответственным за обеспечение охраны труда на объекте, неудовлетворительно организовал производство работ, не обеспечил должный контроль за ходом их выполнения и соблюдением трудовой дисциплины, а также допустил отступление от технологического процесса погрузо-разгрузочных работ и перемещения блоков, чем нарушил требования ч. 3 ст. 214 ТК РФ.				

12	Приговор Перовского районного суда г. Москвы от 29.08.2025 по делу № 1-615/2025	На строительном объекте в результате обрушения части демонтируемой кирпичной стены получил тяжкий вред здоровью работник Кожокматов Т.Б., который был допущен к работам без соответствующего обучения и инструктажа, а сами работы велись с нарушением технологии и без надлежащего контроля.	Колеснико в Е.А.	Генеральный директор Колесников Е.А. допустил работника к самостоятельной работе, не обеспечив проведение инструктажей по охране труда, стажировки, обучения безопасным методам и приемам выполнения работ, а также проверку знаний требований охраны труда.	Бездействие Колесникова Е.А. (необеспечение обучения) привело к тому, что работник не знал безопасных методов работы.	Действия обоих подсудимых квалифицированы по ч. 1 ст. 216 УК РФ	Оба осуждены к ограничению свободы на 1 год, лиш. права заниматься деятельностью, связанной с руководством и контролем в области охраны труда при строительстве, сроком на 1 год.	Системное
			Колеснико в А.А.	Производитель работ Колесников А.А. не провел инструктаж по охране труда на рабочем месте, не обеспечил безопасное производство работ по демонтажу в соответствии с организационно-технологической документацией и не осуществлял непосредственное руководство работами.	Бездействие Колесникова А.А. (неорганизация безопасного производства работ и отсутствие контроля) непосредственно привело к обрушению стены и травмированию работника.			